

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

ISSN 2227-9245
ISSN 2500-1728 (on-line)
DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА 2017

Том 23. № 4

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита
Забайкальский государственный университет
2017

Основан
в 1995 г.

Учредитель и издатель: **ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»**

Юридический адрес: 672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

Журнал зарегистрирован как СМИ 17.04.2012, регистрационный номер ПИ № ФС 77-49419

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Научные направления журнала:

- науки о Земле;
- политология;
- экономические науки

Журнал включен в:

- систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- базу данных ВИНТИ РАН;
- НЭБ «КиберЛенинка»;
- каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу «Пресса России» и интернет-каталогу «Российская периодика» – www.arj.org: 82102. Подписка осуществляется и через редакцию. Цена свободная.

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии. Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Тел.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-сайт: <http://zabvestnik.com>

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях, высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

DOI: 10.21209/2227-9245

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4

ISSN 2227-9245

ISSN 2500-1728 (on-line)

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор – Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор;
Редактор перевода – Каплина С.Е., д-р пед. наук, профессор;
Литературный редактор – Михайлова А.И., канд. социол. наук;
Технический редактор – Петрова И.В., канд. социол. наук

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета;

Зам. председателя редакционного совета: А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе Забайкальского государственного университета

Члены редакционного совета

Науки о Земле

25.00.02 – Инженерная геология, мерзлотоведение и грунтоведение – И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск); В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита);

25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения – В.Н. Заслоновский, д-р техн. наук, профессор (Чита); Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита); В.Г. Романов, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.А. Юргенсон, д-р геол.-минер. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита);

25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых – Г.Г. Пирогов, д-р техн. наук, профессор (Чита); С.М. Синица, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита); Л.В. Шумилова, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор (Чита);

25.00.22 – Геотехнология (подземная, открытая и строительная) – С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.И. Трубочев, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск);

25.00.36 – Геоэкология (по отраслям) – Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита); Н.М. Шаралов, д-р техн. наук, профессор (Чита)

Политология

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки – Ю.П. Гармаев, д-р юрид. наук, профессор (Улан-Удэ); В.С. Дробышевский, д-р филос. наук, профессор (Чита);

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – Т.Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита); Н.К. Рудый, д-р юрид. наук, доцент (Чита); Т.Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент (Улан-Удэ);

23.00.03 – Политическая культура и идеологии – И.Ф. Покровский, д-р юрид. наук, профессор (Санкт-Петербург); А.К. Родионова, д-р полит. наук, доцент (Чита);

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития – В.В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита); Ю.Н. Туганов, д-р юрид. наук, профессор (Москва); А.В. Шемелин, д-р полит. наук, профессор (Чита);

23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика – Ю.А. Зуляев, д-р истор. наук, профессор (Иркутск); А.А. Протосевич, д-р юрид. наук, профессор (Иркутск); Л.В. Шашкова, д-р полит. наук, профессор (Барнаул)

Экономические науки

08.00.01 – Экономическая теория – С.А. Городкова, д-р экон. наук, доцент (Чита); Л.Д. Казаченко, канд. экон. наук, доцент (Чита);

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством – К.К. Ильковский, д-р экон. наук (Чита); Е.А. Малышев, д-р экон. наук, профессор (Чита);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит – Е.С. Вылкова, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); О.П. Санжина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ);

08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики – И.П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); В.Ю. Буров, д-р экон. наук, доцент (Чита);

08.00.14 – Мировая экономика – Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); В.Н. Гонин, канд. экон. наук, профессор (Чита)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В.Р. Алабьев, канд. техн. наук (Украина); В.С. Волошин, д-р техн. наук, профессор (Украина); К.Ч. Кожоголов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика); Ч.В. Колев, профессор (Болгария); Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам)

Политология: Ан Сен Ир, профессор (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, профессор (Китай); З. Шмыт, профессор (Польша)

Экономические науки: Х.З. Барабанер, д-р экон. наук, профессор (Эстония); Mayu Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор (Монголия); L.G. Hassel, д-р экон. наук, профессор (Швеция); К.К. Шебеко, д-р экон. наук, профессор (Пинск, Беларусь)

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, главный редактор, д-р социол. наук, профессор

© ФГБОУ ВО "Забайкальский государственный университет", 2017

Drafting committee

Editor-in-chief – Romanova N.P., scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
Editor of translation – Kaplina S.E., doctor of pedagogical sciences, professor;
Literary editor – Mikhailova A.I., candidate of sociological sciences;
Technical editor – Petrova I.V., candidate of sociological sciences

Editorial board

Chairman of editorial board: S.A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;

Vice chairman of editorial board: A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University

Members of editorial board

Earth sciences

25.00.02 – Engineering geology, permafrost and soil study – I.V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); V.N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); V.A. Stetyukha, doctor of technical sciences, associate professor (Chita);

25.00.11 – Geology, prospecting and exploration of minerals, minerageny – V.N. Zaslonsky, doctor of technical sciences, professor, (Chita); Yu.V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); A.B. Ptitsyn, doctor of technical sciences, professor, (Chita); V.G. Romanov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita);

25.00.13 – Processing of minerals – G.G. Pirogov, doctor of technical sciences, professor, (Chita); S.M. Sinitsa, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); I.F. Suvorov, doctor of technical sciences, professor (Chita); L.V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita); A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, (Chita);

25.00.22 – Geotechnology (underground, open and construction) – S.Ya. Berezin, doctor of technical sciences, professor (Chita); A.I. Trubachev, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G.V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk);

25.00.36 – Geoecology (in branches) – E.T. Voronov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita); N.M. Sharapov, doctor of technical sciences, professor (Chita)

Politicalology

23.00.01 – Theory and political philosophy, history and methodology of political science – Yu.P. Garnaev, doctor of law sciences, professor (Ulan-Ude); V.S. Drobyshevsky, doctor of philosophical sciences, professor (Chita);

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies – T.E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); N.K. Rudy, doctor of law sciences, associated professor (Chita); T.B. Tserenova, doctor of political sciences, associated professor (Ulan-Ude);

23.00.03 – Political culture and ideology – I.F. Pokrovsky, doctor of law sciences, professor (St. Petersburg); A.K. Rodionova, doctor of political sciences, associated professor (Chita);

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development – V.V. Grib, doctor of law sciences, associated professor (Moscow); A.V. Makarov, doctor of law sciences, professor (Chita); Yu.N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow); A.V. Shemelin, doctor of political sciences, professor (Chita);

23.00.05 – Political regionalism. Ethnopolitics – Yu.A. Zulyar, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A.A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); L.V. Shashkova, doctor of political sciences, associated professor (Barnaul)

Economics

08.00.01 – Economic theory – S.A. Gorodkova, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); L.D. Kazachenko, candidate of economic sciences, associate professor (Chita);

08.00.05 – Economy and management of national economy – K.K. Ilkovsky, doctor of economic sciences (Chita); E.A. Malyshev, doctor of economic sciences, professor (Chita);

08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit – E.S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); O.P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude);

08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economy – I.P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); V.Yu. Burov, doctor of economic sciences, associate professor (Chita);

08.00.14 – World economy – N.I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); V.N. Gonin, candidate of economic sciences, professor (Chita)

Members of international editorial board

Earth sciences: V.R. Alabiev, candidate of technical sciences, (Ukraine); V.S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); K.Ch. Kozhogulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch.V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam)

Politicalology: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland)

Economics: Kh. Z. Barabaner, doctor of economic sciences, professor (Estonia); Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia); L.G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); K.K. Schebeko, doctor of economic sciences, professor (Pinsk, Belorussia)

Responsible for the issue N.P. Romanova, editor-in-chief, doctor of sociological sciences, professor

Founder and editor FSBI HE
«Transbaikal State University»

Legal address: 672039, Chita
Aleksandro-zavodskaya, st. 30

The journal is registered as mass
media 17.04.2012, registration
number PI number PS 7749419

Frequency of publication:
12 issues per year

The Transbaikal State University
Journal up to the number 8 (87) 2012
was published under the title «Bulletin
of the Chita State University»
The Transbaikal State University

**Journal is recommended by the High
Certification Commission for the
publication of research for the degrees
of doctor and candidate of sciences**

Research directions of the Journal:
– Earth sciences;
– Politicalogy;
– Economics

The journal is included into:
– the system of the Russian index of scientific
citation (RISC);
– the database of VINITI RAN;
– SEL «Ciberleninka»;
– the catalogue of periodicals Ulrich's
Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State Uni-
versity Journal can be registered at any post
office. Index is in accordance with the federal
postal general catalogue «The Russian Press»
and internet-catalogue «Russian periodicals»
www.arpk.org: 82102.

Subscription can be also registered by means
of editorship. The price is free

Tel.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-site: <http://zabvestnik.com>

All materials published in the scientific journal
«Transbaikal State University Journal» have
intellectual property rights and are protected
by copyright. Translation of the materials
and their republication in any form, including
electronic one, cannot be performed without
written consent with the editorial board. The
questions concerning the use of the journal's
materials can be send to the Chief editor
by e-mail or postal address: 672039, Chita
Aleksandro-Zavodskaya str., 30, editorship
of the journal «Transbaikal State University
Journal»

Authors are fully responsible for the choice
and presentation of facts contained in the ar-
ticles, the expressed views do not necessarily
reflect the views of the editorial board

Quality of the pictures correspond to the qual-
ity of the originals submitted

DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4

ISSN 2227-9245
ISSN 2500-1728 (on-line)

КОМПЛЕКСНАЯ ТЕХНОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ПРОЕКТИРОВАНИИ РОССЫПНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЗОЛОТА

COMPLEX TECHNOLOGICAL AND ECONOMIC ASSESSMENT IN THE DEVELOPMENT AND DESIGN OF ALLUVIAL GOLD DEPOSITS

*М. В. Костромин,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
kostrmv@yandex.ru*

*M. Kostromin,
Transbaikal State
University, Chita*

*Т. Ю. Панина,
Забайкальский
аграрный институт,
г. Чита
panirais@mail.ru*

*T. Panina,
Transbaikal Agrarian
Institute, Chita*

Выявлено, что золотой запас России постоянно увеличивается и в настоящее время она вышла на пятое место в мире, немного уступая Китаю, а по темпам роста существенно опережая его. По добыче золота Россия вышла на третье – второе место. Существенная часть драгоценного металла с наименьшими затратами и меньшей трудоемкостью добывается из россыпных месторождений, расположенных на обширной территории восточной и северной части России. Для успешной работы золотодобывающих предприятий необходима методика объективной технико-экономической оценки как при разработке, так и проектировании россыпных месторождений. Предложена методика комплексной оценки экономической эффективности разработки месторождений россыпного золота, основанная на сопоставлении условий эксплуатации, возможностей горного предприятия, планируемых результатов его деятельности с передовыми показателями в отрасли. Для сопоставления используются методы многомерного анализа. При этом для математической обработки характеристик месторождений полезных ископаемых и проектируемых или работающих предприятий, имеющих разные единицы измерения, целесообразно использовать систему кодирования исходных данных. Методика позволяет рассчитать комплексную оценку условий, возможностей и результатов работы горнодобывающих предприятий, отклонение от которой показывает «ранг» данного предприятия в ряду предприятий, разрабатывающих россыпные месторождения, или его «ранг» по отношению к внутриотраслевому значению. Методика также дает возможность осуществить сравнительное технико-экономическое обоснование разработки россыпных месторождений золота и определить целесообразность их разработки и проектирования. Проведенные расчеты выполнены на примере месторождений россыпного золота Забайкальского края и показывают хорошую сходимость теоретических и эмпирических результатов. Выбор рациональной технологии при проектировании и разработке конкретного месторождения с учетом рекомендаций комплексной методики может дать экономический эффект

Ключевые слова: золотой запас; россыпные месторождения; комплексная оценка; инвестирование; расчетные отклонения; кластерный анализ; параметры; кодирование; классификация предприятий; дендрограмма; разработка; добыча

The gold reserve of Russia is constantly increasing and, at the present time, it has reached the fifth place in the world, slightly behind China. At that, in terms of growth rates, it has significantly outstripped it. In terms of gold mining, Russia has come to the third - second place. A significant part of the precious metal is extracted from alluvial deposits located on the vast territory of the eastern and northern parts of Russia with the least expenditure and less labor. To strengthen the work of gold mining enterprises, a method of objective technical and economic evaluation is necessary both in the development and design of alluvial gold deposits. A methodology for a complex assessment of the economic efficiency of alluvial gold deposits development is proposed, based on a comparison of operating conditions, capabilities of the mining enterprise, and planned results of its activities with advanced

indicators in the industry. For comparison, multidimensional analysis methods are used. At the same time, it is expedient to use the system of encoding of initial data for mathematical processing of mineral deposits characteristics and designed or operating enterprises, having different units of measurement. The methodology allows to give a complex assessment of the conditions, opportunities and results of mining enterprises, the deviation from which shows the “rank” of the enterprise in a number of enterprises developing alluvial gold deposits or its “rank” in relation to the intra-industry significance. The methodology also makes it possible to carry out a comparative feasibility study for the development of alluvial gold deposits and determine the feasibility of their development and design. The carried out calculations are based on the example of alluvial gold deposits of the Transbaikalian Region and have showed good convergence of theoretical and empirical results. The choice of rational technology in the design and development of a particular field, taking into account the recommendations of a complex methodology can yield an economic effect

Key words: gold reserve; alluvial deposits; complex assessment; investment; estimated deviations; cluster analysis; parameters; coding; classification of enterprises; dendrogram; development; production

Актуальность темы. В настоящее время Россия по золотому запасу вышла на пятое место в мире. При этом мы почти догнали Китай, а по темпам роста существенно обогнали. В 2016 г. Центральный банк активно скупал золото. Так, с начала года по декабрь он пополнил резервы на 156,5 т. Пополнение запасов золота продолжается и, надо полагать, такая политика Центрального банка сохранится на долгосрочный период [7].

Дело в том, что на фоне ухудшения отношений с Украиной сформировавшаяся на ее территории обстановка и реакция западных стран-партнеров, интерес к золоту повысился. Соответственно, золото в таких условиях поможет России снизить свои финансовые риски. После воссоединения Крыма и введения в отношении РФ санкций, расчеты в иностранной валюте для предприятий некоторых отраслей затруднены. На фоне увеличения долговых обязательств ведущих стран Кремль пытается снизить финансовые риски благодаря перераспределению инвестиций в золото [5].

А поскольку благополучие государства во многом зависит от уровня развития горнодобывающего комплекса — стратегически важного сектора экономики — социально-экономические задачи, которые на него возлагаются, приобретают особую актуальность [8].

С наименьшими затратами и с меньшей трудоемкостью добыча благородных металлов (в частности, мы будем говорить о зо-

лоте) может быть извлечена из россыпных месторождений [1]. В настоящее время разработки россыпей в России ведутся на обширной территории Дальнего Востока, Якутии, Забайкалья, Восточной Сибири, Алтая, Западной Сибири и на Урале [4]. Количество добываемого золота в России за последние годы постоянно увеличивается, что позволяет ей выйти на третье (а по некоторым источникам второе) место в мире.

Роль золота как высоколиквидного металла и наличие значительного числа месторождений россыпного золота в Российской Федерации обуславливает необходимость решения теоретических и прикладных задач, связанных с экономической оценкой месторождений. Для этого разработана методика комплексной технолого-экономической оценки действующих и проектируемых предприятий по эффективной разработке россыпных месторождений [6; 9].

Сферами применения методики комплексной технолого-экономической оценки могут быть:

1) проектная деятельность научно-исследовательских организаций — при выполнении технико-экономических расчетов по оценке стоимости месторождений россыпного золота и эффективности их разработки;

2) управленческая деятельность горнодобывающих предприятий — при проведении сравнительного анализа эффективности разработки отдельных месторождений и выборе объектов для инвестирования;

3) экспертная деятельность органов государственной и региональной власти – при обосновании целесообразности применения в отношении горнодобывающих предприятий мер стимулирующего характера, а также для актуализации исходной информации о месторождениях россыпного золота.

Объектами комплексной технологико-экономической оценки, на наш взгляд, должны быть расчетные показатели, принятые по технико-экономическому обоснованию целесообразности отработки конкретных месторождений, а также результаты работы горных предприятий. При этом должны сравниваться объекты одного уровня, одного содержания, одной размерности. Круг сравниваемых показателей зависит от общности объектов сравнения и возможностей обеспечения их сопоставимости.

Сопоставление достигнутых результатов деятельности решает задачу выявления передовых предприятий. В качестве базы сравнения в этом случае выбирается комплекс показателей. Анализ этого комплекса показателей позволит всесторонне изучить результаты деятельности горных предприятий и определить технико-экономические показатели, которые можно достигнуть при мобилизации внутрихозяйственных резервов. При этом, к любым представленным к сравнению показателям должны предъявляться следующие требования:

- единство методики определения технико-экономических показателей на сравниваемых предприятиях;
- единство натуральных измерителей;
- единство состава расходов, включаемых в отдельные статьи затрат.

Соблюдение этих требований отвечает основному условию сравнений – сопоставимости объектов.

Комплексная оценка выявляет причины различий одних и тех же показателей на аналогичных предприятиях. Значительные различия сказываются отрицательно на системе планирования и управления. Они вызывают затруднения при расчете технико-экономических показателей, определении нормативов расхода материалов и т.д.

Решение задачи начинается со сбора информации и последующего упорядочения и объединения предприятий в однородные группы, чтобы представить первичные сведения в сжатом виде с незначительной потерей информации. Чтобы упростить сравнение по всей имеющейся информации и рекомендуются методы кластерного анализа [2]. Они предполагают, прежде всего, объединить сравниваемые предприятия в относительно однородные группы через отображение объектов в h -мерном пространстве. Здесь h – количество характеристик предприятий, их в нашем случае 22, характеризующих условия эксплуатации, технические возможности и экономические результаты.

Информационный массив включает:

а) географо-климатические характеристики месторождения, такие как удаленность от пристанционной базы, степень освоенности района месторождения, данные о рельефе местности, пораженность многолетней мерзлотой;

б) геологическая и гидрологическая характеристики – вид полезного ископаемого, запасы полезного ископаемого, содержание, глубина и условия залегания полезного ископаемого, возможные водопритоки;

в) горно-технические параметры – глинистость, трещиноватость, мощность пласта песков и торфов;

г) технологические – глубина отработки, производственная мощность предприятия, виды и количество применяемого оборудования по процессам горных работ, производительность оборудования, расстояние транспортирования.

В общей сложности по каждому предприятию может быть использовано до 60 параметров. Собранная информация систематизируется и накапливается в исходный массив для последующего анализа.

Необходимо отметить, что результаты исследований будут достаточно корректны, когда в комплекс учитываемых признаков включены относительно независимые, слабокоррелируемые величины. Если же значения параметров будут с высоким ко-

эффицентом корреляции, то они будут искажать объективность комплексной оценки, т.к. влияние этих факторов будет подавляющим. Это определяет соответствующие требования к отбору анализируемой информации и составу показателей, по которым сравниваются месторождения.

Использование всех групп факторов для математической обработки в натуральных единицах измерения невозможно из-за различия единиц измерения, значительного размаха вариации. Например, расстояние до ближайшей железнодорожной станции измеряется в км, содержание золота в 1 м³ песков – в мг/м³, удельные капитальные вложения – в р/м³, то есть показатели являются несопоставимыми.

Это обуславливает необходимость приведения всех параметров в сопоставимый вид. Здесь целесообразно использовать *систему кодирования* исходных

данных. Необходимо соблюдать следующие принципы:

1) коды должны соответствовать интервалам статистической группировки, проведенной для показателей в натуральных единицах измерения. Только в этом случае коды будут отражать истинные характеристики предприятия, а также использоваться для последующего расчета функциональных зависимостей;

2) необходимость соблюдения направленности кодов предполагает проводить кодирование таким образом, чтобы оно отражало качественную характеристику исследуемого параметра.

Принцип, положенный в его основу, предполагает присвоение кода 1 предприятиям, находящимся в более лучших условиях, с ухудшением условий присваивается код 2, 3, 4, 5 и т.д. и наоборот. Пример кодирования приведен в таблице.

**Содержание золота в кодированном виде
Gold content in coded form**

Наименование показателя/The name of the indicator	Содержание, мг/м ³ / Content, mg/m ³		Присваиваемый индекс (код)/ Assigned index (code)
	«от»/«from»	«до»/ «before»	
Содержание золота в 1 м ³ песков (CAu), мг/м ³ / Gold content in 1 m ³ of sands (CAu), mg / m ³	0	600	6
	600	800	5
	800	1000	4
	1000	1200	3
	1200	1400	2
	1400	и выше 1400/and above 1400	1

После проведения кодирования исходной информации создается электронная база данных для последующей математической обработки.

Комплексно оценить предприятие по совокупностям параметров можно, используя методы многомерных исследований. Для этого необходимо сначала отобразить предприятия точками в многомерных пространствах.

Классификация предприятий осуществляется с использованием евклидовой метрики [3], выраженной формулой 1 (инвариантной к вращению осей координат,

но не инвариантной к масштабированию координат).

$$d(x_i, x_j) = \left[\sum_{k=1}^h (X_{ki} - X_{kj})^2 \right]^{\frac{1}{2}}, \quad (1)$$

где x_{ki} и x_{kj} – количественные значения k-го признака соответственно для i-го и j-го предприятий;

h – количество признаков.

Необходимо отметить, что Евклидово расстояние сохраняет содержательный смысл только в случае, когда все параметры колеблются в относительно равных диапазонах. Чтобы использовать выбранную

метрику, следует провести нормирование количественных значений всех признаков по формулам 2 и 3.

$$X_{HK} = \frac{X_K - X_{OK}}{S_K}, \quad (2)$$

$$S_K = \left[\sum_{i=1}^m \frac{(X_{ki} - X_{ok})^2}{m-1} \right]^{\frac{1}{2}}, \quad (3)$$

где X_{HK} – нормированное значение;

X_K – значение k -го признака;

X_{OK} – внутриотраслевое значение;

S_K – среднее квадратическое отклонение k -го признака;

m – количество сравниваемых месторождений.

В качестве примера (двухмерное пространство) распределение и взаимосвязь предприятий при натуральном значении координат и при их нормированном значении приведены на рис. 1.

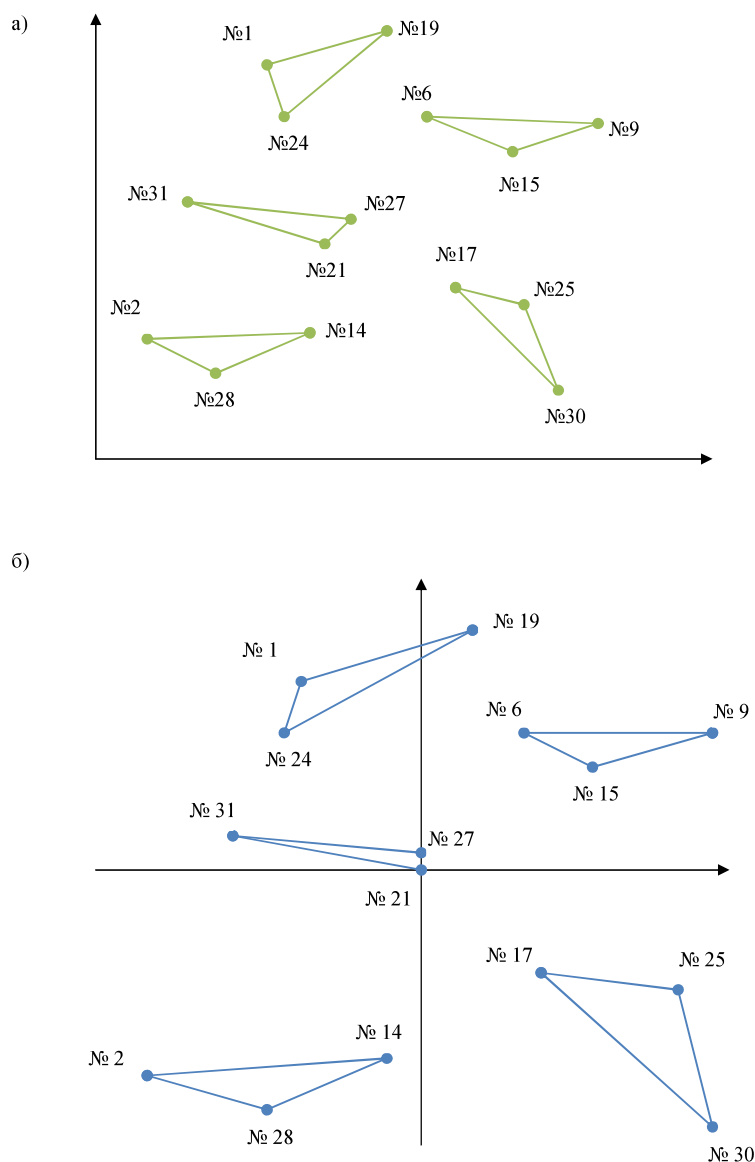

Рис. 1. Расположение предприятий в пространстве условий работы: а) в кодированной системе координат; б) в нормированной системе координат

Fig. 1. Enterprises location in the framework of work conditions a) in code system of coordinates; b) in a norm system of coordinates

После кодирования и последующего нормирования все признаки получают безразмерные значения, колеблющиеся примерно в одинаковых границах.

После проведения многомерных группировок проводится линейное упорядочивание точек на биссектрису многомерного угла. Таким образом, получаем обобщающую характеристику по условиям эксплуа-

тации (Ry_i) каждого отдельного предприятия, его техническим возможностям ($R\epsilon_i$) и экономическим результатам (Rp_i).

Классификация предприятий выполнялась на основе парагруппового критерия группирования. Результаты группирования изображались в виде иерархической дендрограммы [2] расстояний между объектами (рис. 2).

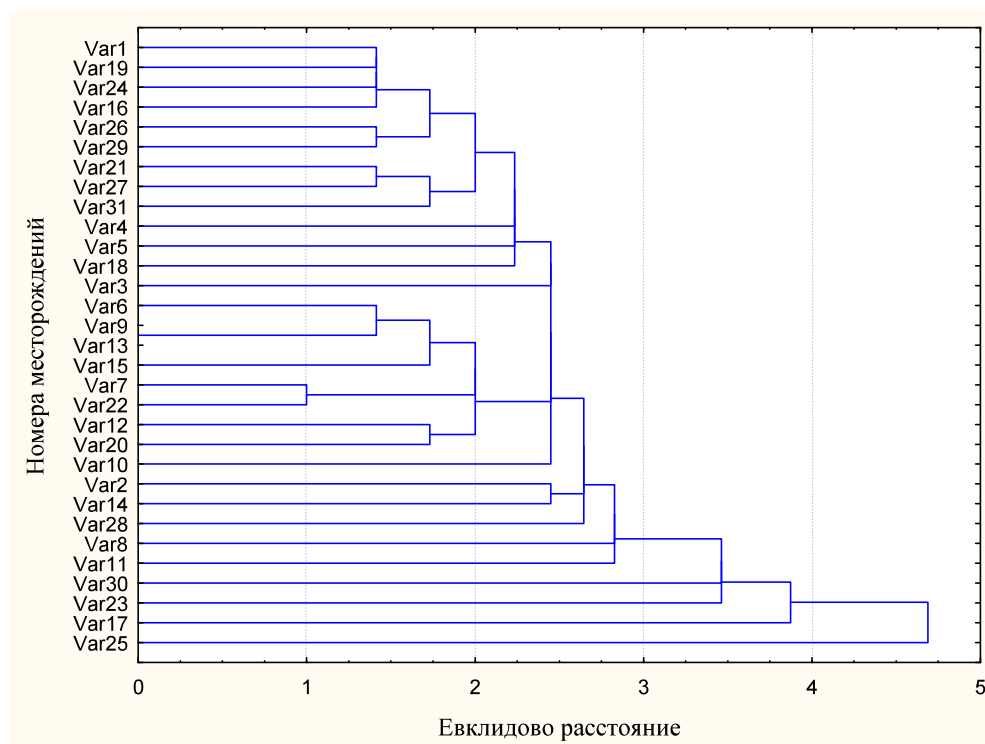

Рис. 2. Иерархическая дендрограмма объектов-аналогов

Fig. 2. Hierarchical dendrogram of analogical objects

Для проведения ранжирования определяются средние для каждого класса значения рассматриваемых характеристик. Эти значения представляют собой координаты центров тяжести классов (рис. 3). Каждый центр проецируется на ось ранжирования. Значение координаты проекции центра служит основанием для ранжирования предприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что предложенные критерии являются основой для комплексной оценки месторождений, а также для получения приёмами линейной регрессии, простой ре-

гламентирующей функции, которая устанавливает взаимосвязь между расчетным значением экономических результатов от условий и возможностей предприятия.

$$F = f(Ry_i; R\epsilon_i). \quad (4)$$

Отклонение (ΔIi) расчетного значения (F) от фактического (Rpi) позволяет судить, насколько эффективно (неэффективно) работает предприятие при соответствующих условиях и возможностях. Отклонение рассчитывается по следующей формуле:

$$\Delta Ii = F - Rp_i. \quad (5)$$

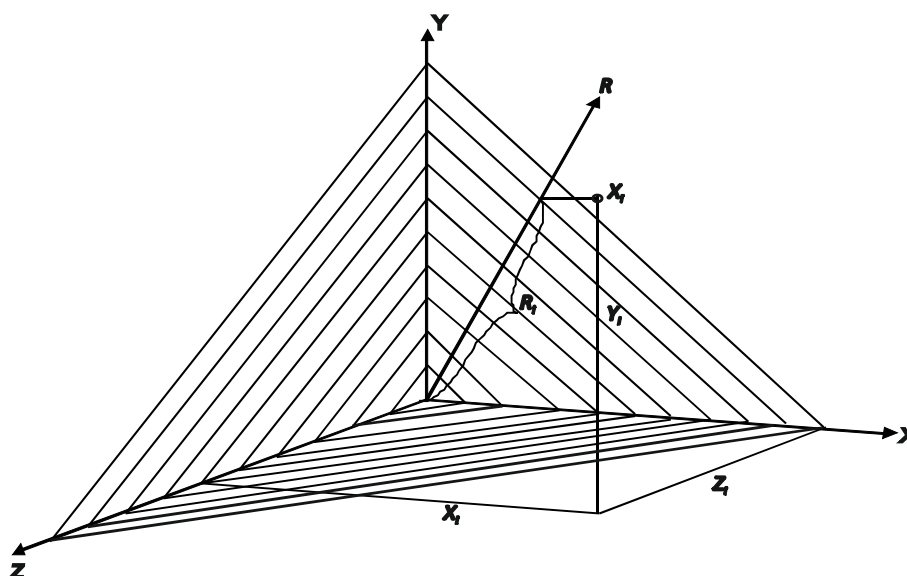

Рис. 3. Графическое отображение процедуры получения обобщающей координаты, где x_i, y_i, z_i – координаты точки

Fig. 3. Graphical representation of the procedure for obtaining the generalizing coordinate

При отклонении с положительным значением можно судить о том, что предприятие работает неэффективно, не использует внутренних резервов и благоприятных условий эксплуатации, причем, чем больше абсолютное значение отклонения (ΔI_i), тем предприятие работает с более низкими показателями.

Отрицательное значение ΔI_i говорит о том, что предприятие полностью использует собственные возможности и благоприятные условия эксплуатации.

Отклонение среднего внутриотраслевого значения от фактического рассчитывается по формуле

$$\Delta_{2i} = R_{p.c.p.} - R_{pi}, \quad (6)$$

где Δ_{2i} – отклонение среднего внутриотраслевого значения от фактического;

$R_{p.c.p.}$ – комплексная оценка внутриотраслевого среднего значения экономических показателей (по региону).

Расчетное значение индекса отклонения результатов работы i -го предприятия (K_i) показывает отклонение в долях единиц результатов работы среднего внутриотраслевого значения

$$K_i = \frac{R_{p.c.p.}}{R_{pi}}. \quad (7)$$

При значении индекса отклонения больше единицы можно судить о том, что предприятие работает с показателями ниже внутриотраслевых и наоборот.

Технико-экономические показатели по россыпи рч. Аркиль отражают благоприятные условия эксплуатации месторождения $R_{y_i} = 2$; $R_{e_i} = 3,87$; $R_{p_i} = 4,41$, $\Delta_{I_i} = -1,821$; $\Delta_{2i} = -2,602$; $K_i = 0,41$: незначительная мощность торфов, высокое содержание золота в эксплуатационных запасах, удельные капитальные вложения незначительно превышают среднеотраслевые, что говорит о неплохой обеспеченности предприятия оборудованием с небольшими сроками эксплуатации, наличие достаточных оборотных средств повлекло за собой относительно высокие технико-экономические показатели, в частности, чистая дисконтированная прибыль при норме дисконта 15 % и цене золота 310 р. в 2008 г. составила 973 тыс. р., внутренняя норма прибыльности равна 18 %, индекс прибыльности – 1,17, а срок окупаемости капитальных вложений составляет 2,47 года.

При существующей в настоящее время цене на золото 2100 р. за 1 г можно ожидать существенного улучшения при-

веденных технико-экономических показателей.

Список литературы

1. Галиев Ж. К., Галиева Н. В., Толмачев А. Г. Экономическое обоснование развития предприятий россыпной золотодобычи на основе формирования системы проектного финансирования // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2011. № S–2–5. С. 47.
2. Дюран Б., Одел П. Кластерный анализ. М.: Статистика, 1977. 128 с.
3. Елисеева И. И. Статистика. М.: ПРОСПЕКТ, 2014. 448 с.
4. Лешков В. Г. Разработка россыпных месторождений. М.: Горная книга, 2007. 906 с.
5. Инвестиционный портал о золоте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zolotoexpert.ru/> (дата обращения: 29.01.2017).
6. Научно-техническая библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.SciTecLibrary.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
7. Союз золотопромышленников России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.goldminingunion.ru/> (дата обращения: 25.01.2017).
8. Larichkin F. D., Glushchenko Yu. G., Ponomarenko T. V., Ivanova L. V. Efficiency of comprehensive ecologically balanced use of natural resources // *Vykonnost podniki* (Bratislava), 2011, no. 3, pp. 11–20.
9. Thermie Programme: promotion of energy in Europe // *OIL & GAS Tehnology*, 1994, no. 13.

References

1. Galiev Zh. K., Galieva N. V., Tolmachev A. G. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten* (Mining information-analytical bulletin), 2011, no. S–2–5, p. 47.
2. Durant B., Odel P. *Klasternyy analiz* [Cluster analysis]. Moscow: Statistics, 1977. 128 p.
3. Eliseeva I. I. *Statistika* [Statistics]. Moscow: Prospect, 2014. 448 p.
4. Leshkov V. G. *Razrabotka rossypnyh mestorozhdeniy* [Development of alluvial deposits]. Moscow: Mining book, 2007. 906 p.
5. *Investitsionnyy portal o zolote* (Investment portal about gold) Available at: <http://www.zolotoexpert.ru/> (Date of access: 29.01.2017).
6. *Nauchno-tehnicheskaya biblioteka* (Scientific and technical library) Available at: <http://www.SciTecLibrary.ru> (Date of access: 10.01.2017).
7. *Soyuz zolotopromyshlennikov Rossii* (The Union of Gold Miners of Russia) Available at: <http://www.goldminingunion.ru/> (Date of access: 25.01.2017).
8. Larichkin F. D., Glushchenko Yu. G., Ponomarenko T. V., Ivanova L. V. *Vykonnost podniki* (Vykonnost podniki), 2011, no. 3, pp. 11–20.
9. *Thermie Programme: promotion of energy in Europe* (Thermie Programme: promotion of energy in Europe): *OIL & GAS Tehnology*, 1994, no. 13.

Коротко об авторах

Костромин Михаил Витальевич, д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Открытые горные работы», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: открытые горные работы, повышение эффективности разработки россыпных месторождений
kostrmv@yandex.ru

Панина Татьяна Юрьевна, канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры «Экономика и менеджмент», Забайкальский аграрный институт, г. Чита, Россия. Область научных интересов: определение эффективности разработки россыпных месторождений золота на основе их комплексной технологической оценки
panirais@mail.ru

Briefly about the authors

Mikhail Kostromin, doctor of engineering sciences, professor, professor, Open Mining department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: open-pit mining, increasing the efficiency of alluvial deposits development

Tatyana Panina, candidate of economic sciences, senior teacher, Economics and Management department, Transbaikal Agrarian Institute, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: determination of the effectiveness of alluvial gold deposits development on the basis of their complex technological and economic evaluation

Образец цитирования

Костромин М. В., Панина Т. Ю. Комплексная технологическая оценка при разработке и проектировании россыпных месторождений золота // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 4–12. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-4-12.

Kostromin M. V., Panina T. Yu. Complex technological and economic assessment in the development and design of alluvial gold deposits // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 4–12. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-4-12.

Дата поступления статьи: 31.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 911.3:39

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-13-22

**РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В БАЙКАЛЬСКОМ
РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ АКТОРНО-СЕТЕВОГО ПОДХОДА**

**DEVELOPMENT OF INFORMATION SYSTEM OF MEDICAL AND HEALTH
TOURISM IN THE BAIKAL REGION ON THE BASIS
OF ACTOR-NETWORK APPROACH**

*М. В. Куклина,
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет,
г. Иркутск
kuklina-kmv@yandex.ru.*

*M. Kuklina,
Irkutsk National Research
Technical University, Irkutsk*

*В. Л. Рупосов,
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет,
г. Иркутск
ruposov@istu.edu*

*V. Ruposov,
Irkutsk National Research
Technical University, Irkutsk*

Актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом к Байкальскому региону и к лечебно-оздоровительному туризму, в частности. Повышенное внимание к туристической отрасли связано с увеличением туристического потока на территорию оз. Байкал ежегодно как внутреннего туризма, так и гостей из других стран. Данный процесс приводит к ужесточению требований к инфраструктуре и списку услуг, оказываемых на объектах отдыха. Для лечебно-оздоровительного туризма эти требования еще выше, что связано с организацией оказания, в том числе и медицинских услуг. Проанализированы популярные информационные ресурсы по региону и выделены основные проблемы по информационному обеспечению данной территории. Выявлены стратегии привлечения клиентов и определены наиболее приемлемые для данного региона направления развития. Проведен обзор состояния лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе, определены основные, наиболее сильно влияющие на туризм параметры данных процессов. Обоснована целесообразность создания информационной системы лечебно-оздоровительного туризма на основе акторно-сетевого подхода. Для систематизации знаний и визуализации полученных результатов использованы геоинформационные технологии. По результатам интерпретации пространственных данных построена карта с семантическим наполнением, которая является одним из ключевых результатов исследований. Карта с теневым рельефом и сегментированным изображением существующей оздоровительной инфраструктуры Байкальского региона представлена в работе. На основании построенной карты и созданной модели лечебно-оздоровительного туризма с использованием акторно-сетевого подхода сформулированы основные выводы о возможных стратегиях развития Байкальского региона в области оздоровительного туризма. Приведенные результаты исследований позволяют выявить основные направления туристических потоков, связанных с лечебно-оздоровительным туризмом в Байкальском регионе, что позволит целенаправленно развивать инфраструктуру и создавать актуальные информационные ресурсы

Ключевые слова: Байкальский регион; информационная система; лечебно-оздоровительный туризм; акторно-сетевая теория; актор-сети; акторы; туристические системы; санатории Иркутской области; санатории Бурятии; минеральные источники

The relevance of the article is due to the growing interest to the Baikal region and to medical and health tourism in particular. Increased attention to the tourism industry is associated with an increase in the tourist flow to the territory of Lake Baikal annually, both domestic tourism and visitors from other countries. This process leads to stricter requirements for the infrastructure and a list of services provided at recreation facilities. For medical and health tourism these requirements are even higher. It is connected with the organization of provision, including medical services. The article analyzes popular information resources in the region and identifies the main problems that currently exist in the information support of the given territory. The strategies for attracting clients

have been identified, and the most appropriate directions for development have been identified for the region. The review of the state of medical and health tourism in the Baikal region is carried out; the main parameters of these processes most influenced by tourism are identified. The expediency of creating an information system of medical and health tourism based on the actor-network approach is substantiated. To systemize knowledge and visualize the obtained results, geo-information technologies were used. Based on the interpretation of spatial data, a map with semantic content was constructed, which is one of the key results of the research. A map with a shadowy relief and a segmented image of the existing health infrastructure of the Baikal region is presented in the work. Based on the constructed map and created model of medical and health tourism using the actor-network approach, the main conclusions were made about possible strategies for the development of the Baikal region in the field of health tourism. The presented research results in this article allowing us to identify the main directions of tourist flows associated with medical and recreational tourism in the Baikal region, which will allow to develop the infrastructure and create actual information resources

Key words: Baikal region; information system; medical tourism; actor-network theory; actor-networks; actors; tourist systems; sanatoriums of Irkutsk region; sanatoria of Buryatia; mineral springs

В настоящее время во всем мире активно развивается лечебно-оздоровительный туризм. По прогнозу Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. туризм со сферой здравоохранения станет одним из наиболее приоритетных направлений развития национальных экономик. В России традиционно туризм и рекреация были почти неразделимы друг от друга: в советский период отдых предполагался с целью оздоровления и восстановления трудоспособности граждан (в домашнем регионе или за его пределами). Основными информационными ресурсами в данном направлении являются <http://sankurort.ru/> и <http://www.sanatoria.ru>.

Территория Байкальского региона имеет богатые рекреационные [4] и этнорекреационные [2] ресурсы, которые способствуют развитию туризма. Рекреационные виды деятельности признавались альтернативой другим видам хозяйствования, поскольку главным ресурсом развития служит сохранение природы. В результате развиваются транспортные сообщения, связь, строительство, появляются новые рабочие места [1; 3]. Как субъект национального и международного туристического рынка Байкальский регион предлагает сегодня различные туристические маршруты на охраняемых природных территориях (Предбайкальский и Забайкальский национальные парки), кемпинговый отдых на берегу Байкала, автотуры, водные туры, этнотуры, горнолыжный отдых, со-

бытийный туризм [5]. В то же время в настоящий момент не уделяется достаточного внимания развитию лечебно-оздоровительного туризма, в котором лидирующую роль играют курорты Ставропольского края (Кавказские Минеральные Воды), Сочи, Крыма и Алтайского края (Белокуриха). Ресурс <http://sankurort.ru/> включает в себя информацию по 10 санаторно-курортным учреждениям Иркутской области (из всего имеющихся 26) и по 3 учреждениям Бурятии (из 15), <http://www.sanatoria.ru> включает 18 учреждений области, 5 учреждений по Бурятии.

Состояние лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе. Байкальский регион имеет все предпосылки стать центром лечебно-оздоровительного туризма наряду с такими территориями, как Белокуриха и Кавказские Минеральные Воды. Прибайкалье по количеству целебных источников, помогающих восстановить и укрепить здоровье, занимает особое место в России. Здесь целебный ключ называется аршаном – «священная вода». Сейчас на территории Прибайкалья известно примерно 70 термальных, 30 холодных и горячих углекислых, а также 100 холодных радоновых источников.

На территории Иркутской области, по данным Иркутскстата за 2015 г., зарегистрировано 26 учреждений лечебно-оздоровительного профиля. В Республике Бурятия располагается 15 санаторно-курортных организаций разных форм собственности.

Санаторно-курортное лечение граждан Республики Бурятия в соответствии с медицинскими показаниями осуществляется в 15 санаторно-курортных организациях разных форм собственности. Из них 5 санаторно-курортных учреждений являются собственностью объединений профсоюзов «Байкалкурорт» (далее СКУП «Байкалкурорт») – санатории Аршан, Саяны, Горячинск, детские оздоровительные лагеря круглогодичного пребывания «Эдельвейс» и «Байкальский бор», 1 автономное муниципальное учреждение «Курортная бальнеологическая лечебница «Нилова Пустынь», 5 санаториев-профилакториев («Сосновый бор», «Юность», «Солнечный», «Подлеоморье», «Здоровье»), принадлежащих различным акционерным обществам, 4 противотуберкулезных санатория, подведомственных Минздраву Республики Бурятия.

Условно можно выделить два направления развития лечебно-оздоровительного туризма в регионе: в городах и в местах расположения минеральных источников [6].

Основная специфика городских курортов связана с преобладанием комплексных услуг общего характера. Довольно часто они являются наследниками крупных предприятий, при которых они созданы в советское время. В настоящее время наиболее широкий спектр услуг предлагается в курортах, расположенных в крупных городах (например, курорт «Ангара» в г. Иркутск, курорт «Русь» в Усть-Илимске и т.д.).

Среди курортов, расположенных вблизи минеральных источников, самым известным в Байкальском регионе является курорт Аршан, расположенный возле одноименного поселка. По своему составу местные источники на курорте Аршан близки Нарзану Кавказских минеральных вод. Его воду советуют употреблять при хронических гастритах. Также минеральную воду этих мест пьют при заболеваниях пищеварительного тракта, а душ полезен для профилактики сердечных и невротических заболеваний.

Также известны минеральные ванны курорта Вышка – бальнеологическая курортная местность находится в 5 км от с. Жемчуг, на берегу р. Иркут (50 км от

Аршана). В результате бурения в 50-х гг. вскрыта термальная вода, а скважина получила название Жемчугской. Вода скважин метановая, с небольшим содержанием сероводорода и радона, поступает с глубины 728...814 м, дебит составляет до 1000 м³ воды в сутки с температурой 36,5...44 °С. Данное месторождение является уникальным из-за сочетания метановых и углекислых термальных вод в одном месте [7]. Вода используется для лечения болезней костно-суставной системы, периферической нервной системы, последствий травм опорно-двигательного аппарата, заболеваний кожи и гинекологических заболеваний. Термальные источники действуют круглогодично.

Кроме того, широко известны Шумакские источники, для попадания на которые нужно преодолеть одноименный перевал Шумак – путь достаточно сложный и требует определенной подготовки и настроения. Шумакские источники находятся на высоте 1558 м над уровнем моря. Это более 100 уникальных минеральных радоновых, термальных и углекислых источников. Они очень эффективны по своим свойствам. У источников можно увидеть свою нумерацию и название, например, № 5 «Легкие», № 69 «Сердце», № 35 «Нервы», № 7 «Желудок», № 1 «Рак». Из-под одного камня можно обнаружить сразу несколько выходов минеральных вод с различной температурой, вкусом и содержанием газа.

В Курумканском районе минеральные термальные источники являются местом традиционного отдыха и лечения местных и жителей соседних районов. В 2009 г. курорт Кучигер посетило 367 человек, из которых 60 % – из Бурятии, 30 % – из Иркутской области, 10 % – из других регионов России и один – из Польши. В 2016 г. на курорте отдохнуло 1211 человек, на 303 человека меньше, чем в 2015 г. Администратор связывает это с пожарами, которые были в 2015 г. практически весь летний сезон. Администратор связывает уменьшение количества туристов по сравнению с 2016 г. сложной экономической ситуацией в регионе и стране в целом.

В Нукутском районе Иркутской области располагается санаторий «Нукутская Мацеста», имеющий очень богатые сульфидные воды (по концентрации сероводорода (230...270 мг³). Нукутское месторождение сульфидных вод в Советском Союзе ставили в один ряд с Сочи-Мацеста, Талги), которыми богата европейская часть России (Сочи, Талги, Серноводск). По запасам сульфидных вод Россия занимает ведущее место в мире, но в Азиатской части страны такие воды только в Нукутской Мацесте. В Мацесте 50 койко-мест (в зимнее время 25), в год она может принимать до 7 000 пациентов. В разное время Мацеста принадлежала различным организациям: профилакторий Заларинского гипсового рудника переименован в 1994 г. в окружной реабилитационный центр-санаторий «Нукутская Мацеста». В 2008 г. он переведён на баланс области, в 2011 г. – муниципалитета, в 2012 г. – опять области, и в 2013 г. – стал частью Нукутской районной больницы. Предприятие является убыточным (все доходы идут на оплату коммунальных услуг и организацию питания пациентов).

Стратегии привлечения клиентов. Развитие лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе может положительно сказаться на экономическом состоянии Прибайкалья:

1) возможно создание новых рабочих мест. Большинство турбаз с целебными источниками расположены в удаленной от городов местности, соответственно, жители окрестных сел имеют весьма ограниченные возможности при выборе места работы. Расширение же турбаз в сторону лечебно-оздоровительного туризма позволит сократить безработицу в близлежащих населенных пунктах;

2) развитие данного туристического направления, расширит спектр услуг турагентств и туроператоров;

3) при увеличении потока туристов увеличатся транспортные перевозки, что также способствует увеличению количества рабочих мест.

Разнообразие целебных свойств и предлагаемых процедур на Байкальских

курортах должно привлекать множество медицинских туристов, но этого не происходит по следующим причинам:

– сфера медицинского туризма в делах нашей страны не развита как самостоятельный класс услуг;

– соотношение цена-качество в России сильно уступает зарубежным аналогам, поэтому туристы, в том числе и российские, предпочитают отдых за границей;

– удаленность Байкальского региона от Европейской части страны, которая является основным поставщиком туристов;

– отсутствие информационной базы.

В данный момент нет ни одного интернет-ресурса, посвященного перспективам медицинского туризма на Байкале с перечнем всех курортов и предоставляемых на них услуг и процедур. Чтобы развивать и делать эффективным такой вид туризма, необходимо информировать потенциальных клиентов как через турфирмы, предоставляющие российский отдых, так и на тематических интернет-порталах. Для этого нужно собрать данные о всевозможных курортах и базах, предоставляющих медицинские услуги, в единую базу в единую информационную систему. Таким образом, предлагается разработать информационный-портал, включающий информацию о лечебно-оздоровительных возможностях региона.

Для оценки связи между требованиями потребителей туристических услуг и возможностями фирм, оказывающих данные услуги, использован акторно-сетевой подход.

Спецификой актор-сетей является то, что они не повсеместны и поддерживаются за счёт деятельности посредников и агентов (mediaries), различных делегатов, обеспечивающих функционирование сетей [8]. Поэтому подход позволяет сосредоточиться не на акторах, а на процессе по конструированию актор-сетей [9]. Основным вопросом является следующее: каким образом организованы приоритеты при формировании сетей [10].

Согласно акторно-сетевому подходу, условно выделены три группы актор-сетей, конструируемых:

- 1) представителями туристических услуг;
- 2) туристами;
- 3) внешними акторами.

Со стороны внешних акторов воздействие на связи между туристами и представителями туристических услуг может быть как способствующим их улучшению, так и ограничивающим. Кроме того, для конструирования актор-сетей могут привлекаться активно действующие в настоящее время субъекты, материальные и нематериальные, природные и культурные ресурсы. На данном этапе выделены следующие внешние акторы, результаты деятельности которых будут оцениваться при помощи полевых исследований:

- органы власти (федеральные, региональные, муниципальные): законотворческая деятельность по регулированию туристической деятельности, установления экологических ограничений, нормативов деятельности турбизнеса), строительство и содержание автомобильных дорог и инфраструктурных объектов поселений, создание и содержание информационных ресурсов для развития туристического бизнеса;

- представители организаций, напрямую не связанных с туристическим бизнесом: заказ отдыха для своих служащих через профкомы (что было особенно развито в советское время с санаториями);

- предприятия, обеспечивающие услугами туристические организации (предприятия по вывозу мусора, отходов, привоза воды и т.д. (все контрагенты, с которыми взаимодействует база);

- туристические агентства, туроператоры;

- информационные туристические сайты;

- системы бронирования (международные, российские, региональные);

- организации и физические лица, предоставляющие услуги туристам, отдыхающим на турбазе (экскурсии, гиды, аренда катеров, аренда велосипедов, копчение омуля и т.д.).

Деятельность по конструированию актор-сетей внешними акторами проанализирована на следующих примерах:

- информационные ресурсы, представляемые региональными органами власти Иркутской области (pribaikal.ru, irkobl.ru, admirk.ru и Республики Бурятия egov-buryatia.ru, minpriroda-rb.ru), рассматривают Байкал в основном лишь в рамках своей территории. Так, например, на сайте minpriroda-rb.ru в разделе Байкальской природной территории «Районирование Байкальской природной территории» можно увидеть на атласе районы, относящиеся к зоне БПТ Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского края. Во вкладках «Водные ресурсы», «Лесные ресурсы», «Минерально-сырьевые ресурсы», «Особо-охраняемые природные территории», «Сведения по объектам животного мира и охотничье-промысловым ресурсам» и др. можно увидеть сведения лишь по территории, относящейся к Республике Бурятия. Таким образом, выявлено, что пока отсутствует единый информационный ресурс для районов, входящих в Байкальский регион, который позволил бы комплексно рассматривать возможности для отдыха и оздоровления потенциальных туристов.

Конструирование актор-сетей представителями туристических услуг варьирует в зависимости от привлекаемых культурных, природных и социальных ресурсов. Несмотря на то, что актор-сети практически всегда сочетают разнообразие различных акторов, условно можно выделить следующие в зависимости от преобладания того или иного ресурса:

- использование материальных культурных ресурсов связано с расположением в крупных городах. Например, специфика лечебно-оздоровительных курортов в городах связана с преобладанием комплексных услуг общего характера. Довольно часто они являются наследниками крупных предприятий, при которых они созданы в советское время. В настоящее время наиболее широкий спектр услуг предлагается в курортах, расположенных в крупных городах (например, курорт «Ангара» в г. Иркутск, курорт «Русь» в Усть-Илимске и т.д.);

- Курорты при минеральных источниках являются ярким примером использо-

вания природных ресурсов, иногда требующих минимальных капиталовложений. Самым известным оздоровительным направлением является курорт Аршан, расположенный в одноименном поселке. По своему составу местные источники на курорте Аршан близки Нарзану Кавказских минеральных вод и пользуются большой популярностью в регионе. В связи с данной популярностью условия размещения иногда соответствуют минимальным требованиям (часто посетителям предлагаются летние домики без каких-либо удобств). Более удаленные Шумацкие источники и Кучигер практически лишены существенной туристической инфраструктуры;

– неформальная аренда квартир в Байкальске является примером сочетания разнообразных ресурсов: культурных (наличие крупного жилого фонда, оставшегося в наследство от Байкальского целлюлозно-бумажного комбината), природных (мягкий климат и снежные зимы) и социальных. В стратегиях квартирообладателей по поиску арендаторов важное значение имеет установление с ними доверительных и долгосрочных отношений, позитивного имиджа, который впоследствии позволял расширять существующие связи через сети знакомств. Вдобавок к персональным характеристикам арендодателей важную роль в этом играли расположение квартиры, количество комнат, интерьер, однако личные знакомства являлись ведущими в данном списке;

– использование нематериальных культурных ресурсов позволяет рассматривать туризм не только как экономическую деятельность, но и как форму межкультурного диалога и культурного образования. Культура становится ресурсом для оказания туристических услуг, репрезентируется в музеях и экологических центрах, фиксируется в списках – научных и культурного наследия. Помимо распространенных в регионе экотуров, авторы предполагают, что культура как форма диалога может быть также внедрена и в другие интерпретативные, религиозные, кулинарные и оздоровительные туры, и в целом в опыте

проживания и туристско-рекреационной деятельности в инокультурной среде.

В районах слабого развития туризма конструирование актор-сетей в основном осуществляется через социальные сети. Так, курорт Усть-Кута имеет собственный сайт, но не присутствует в различных системах бронирования. Курорт «Кучигер» в Курумканском районе Республики Бурятия также имеет собственный сайт, но не размещен в системе booking.com.

За 2015 г. Нукутская Мацеста приняла 1022 человека, основная часть которых составляет местное население и постоянные клиенты, приезжающие из Братска, Тулуна, Куйтуна, Ербогачена, Красноярска, Читы. В советское время Иркутский обком профсоюза министерства стройматериалов направлял на лечение – выделял путёвки для работников Ангарского керамического, цементного, Тулунского стекольного заводов, трестов «Сибхиммонтаж», «Востсибстрой», «Сельстрой», «Железобетон», Братского завода отопительного оборудования, Нукутского гипсового рудника. Информация о санатории «Нукутская Мацеста» есть на интернет-сайтах, включающих санатории по всей России <http://www.sanatoria.ru>, <http://sankurort.ru/>. Собственного сайта у Мацесты нет. В системах бронирования не присутствует. Информацию по Мацесте можно найти на сайте Нукутской районной больницы. Информация о курорте распространяется в основном неформально, через сети знакомств, случаи посетителей, узнавших о курорте из интернет-сайтов, остаются единичными.

Для решения вопроса анализа пространственного расположения и спектра оказываемых услуг использованы геоинформационные системы (ГИС) – это информационная система, обеспечивающая сбор, хранение, обработку, анализ и отображение пространственных данных и связанных с ними непространственных, а также получение на их основе информации и знаний о географическом пространстве. Данный вид информационной системы объединяет географические или простран-

ственные данные, которые составляют более половины объема всей информации, используемой организациями или пользователями, занимающимися разными видами деятельности, в которых необходим учет пространственного размещения объектов. Данные системы ориентированы на обеспечение возможности принятия оптимальных управленческих решений на основе анализа пространственных данных. Данные системы позволяют ответить на следующие вопросы: Что находится в заданной области? Где находится область, удовлетворяющая заданному набору условий? Какую пространственную информацию содержит объект?

Современные ГИС расширили использование карт за счет хранения графических данных в виде отдельных тематических слоев, а качественных и количественных характеристик составляющих их объектов в виде баз данных. Такая организация данных при наличии гибких механизмов управления ими обеспечивает принципиально новые аналитические возможности.

Данные системы позволяют проанализировать расположение объектов и выявить закономерности географического положения объектов оздоровительного туризма. По итогам пространственного анализа построена карта, на которую вынесены основные объекты по координатам их расположения, карта также содержит особо охраняемые зоны и территории национальных парков. Для повышения информативности представления данных создана база данных, в которую заносилась информация об объектах. Кроме координат и названия объекта, также вводились данные по видам оказываемых услуг. Для повышения визуализации информации базы данных с помощью геоинформационной системы сформирована тематическая карта с сегментными графами. Данное представление информации позволяет увидеть основные услуги, оказываемые на объектах оздоровительного туризма, при этом, не перегружая данными

карту. Для работы с информацией создана легенда, с помощью которой можно четко определить, какие услуги на какой территории может получить потребитель (см. рисунок).

Геоинформационная система позволяет пользователю спланировать свой отдых с учетом посещения наиболее интересных мест, получить необходимые оздоровительные услуги, спланировать логистику своего перемещения между искомыми объектами. Данная карта может использоваться самостоятельно, как атлас оздоровительного туризма, а также в качестве ГИС приложения, которое в он-лайн режиме позволяет получить дополнительную информацию за счет подключения к данной ситуационной схеме базу данных с дополнительной информацией.

В дальнейшем, с запуском системы, планируется её мониторинг и анализ существующих способов связи между потребителями туристических услуг и фирмами, оказывающими данные услуги с учётом разработанной информационной системы, для выявления способов улучшения связи между туристами и представителями туристических услуг. Для этого будет производиться анализ востребованности сервиса, отзывов туристов, динамики посещений, пожеланий от представителей туристических услуг, динамики продаж.

Также предполагается разработка и апробация методики оценки связи между требованиями потребителей лечебно-оздоровительных услуг и возможностями фирм, оказывающих данные услуги на основе акторно-сетевой теории (при помощи пилотного анкетирования и интервью с фирмами и потребителями услуг, анализа данных интернет-сайта). Будет проведен анализ существующих способов связи между потребителями услуг и фирмами, оказывающими данные услуги, для выявления способов улучшения связи между туристами и представителями туристических услуг.

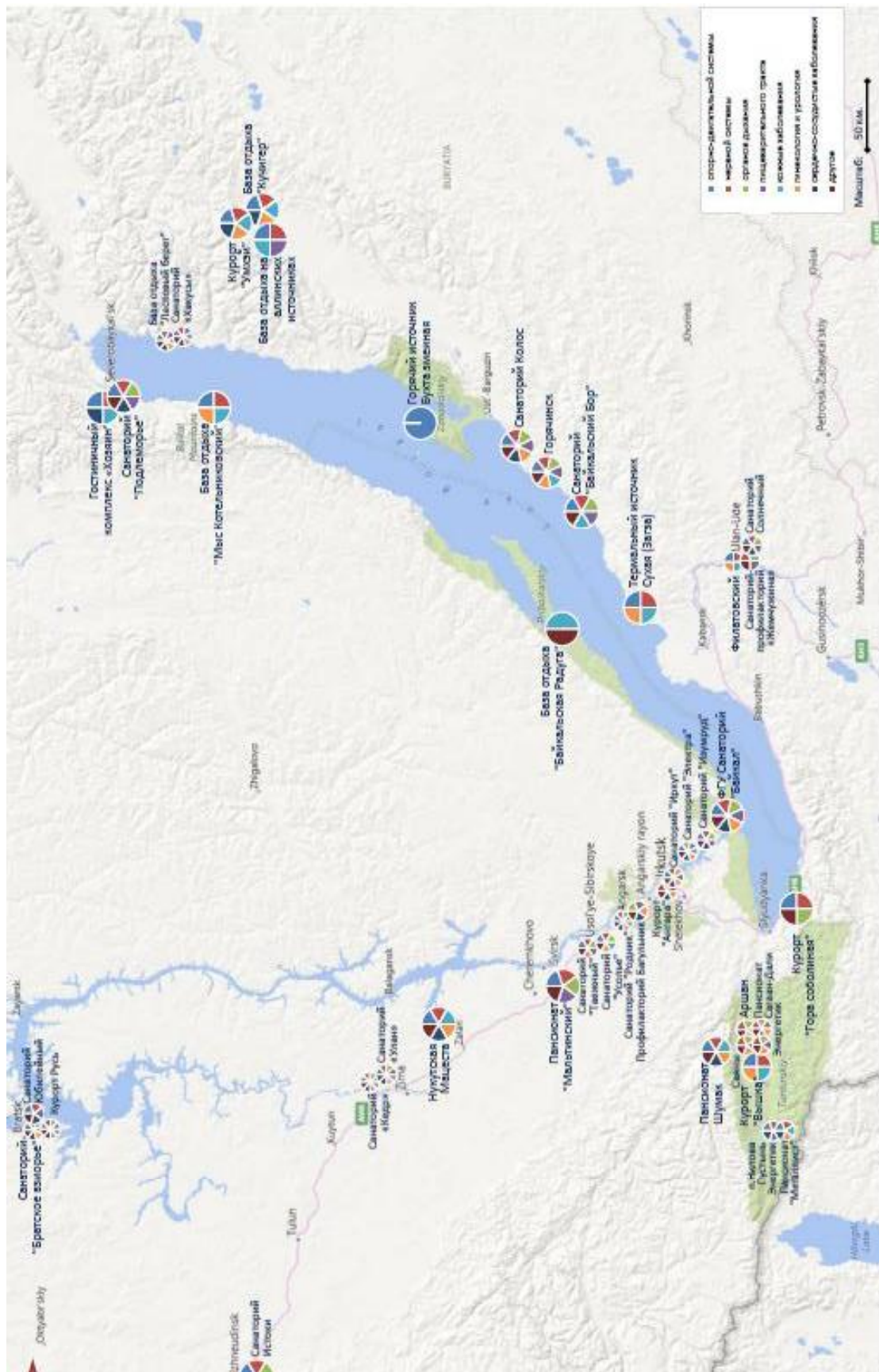

Схема лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе
 Medical and health tourism in the Baikal region

Основной результат проекта — это информационная система, включающая интерактивную карту лечебно-оздоровительного туризма инфраструктуры Байкальского региона, систему предоставления лечебно-оздоровительных услуг, настроенную с учётом специфических нужд и особенностей данного региона, местных сообществ, медицинских туристов и бизнеса и актуальная информация.

Список литературы

1. Абалаков А. Д., Панкеева Н. С. Особенности развития туризма в период глобального экономического кризиса // География и природные ресурсы. 2011. № 3. С. 111–117.
2. Байкальский институт рационального природопользования Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник / ред. А. К. Тулохонов. Улан-Удэ: Изд-во БИЦ СО РАН, 2009.
3. Богданова В. И. Разработка информационного туристического интернет-портала Байкальского региона // Техника и технологии: Проблемы и инновационные решения: сб. Междунар. науч.-практ. конф., 2016. С. 125–129.
4. Евстропьева О. В. Этнорекреационный потенциал Байкальского региона // География и природные ресурсы. 2013. № 1. С. 127–135.
5. Рященко С. В., Богданов В. Н., Романова О. И. Региональный анализ рекреационной деятельности. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2008. 143 с.
6. Справочник по медицинскому туризму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.med-turizm.ru/> (дата обращения: 17.12.2016).
7. Трапезникова Д. П. Обоснование внесения изменений в законодательство по охране озера Байкал // Наука и просвещение. 2016. С. 113–115.
8. Amin A., Thrift N. *Cities: reimagining the urban*. Cambridge: Polity Press, 2002.
9. Bosco F. J. *Actor-Network Theory // Approaches to Human Geography*. London: SAGE, 2006. P. 136–146.
10. Murdoch J. The spaces of actor-network theory // *Geoforum*. 1998. Vol. 29. No. 4. P. 357–374.

References

1. Abalakov A. D., Pankeeva N. S. *Geografiya i prirodnye resursy* (Geography and natural resources), 2011, no. 3, pp. 111–117.
2. *Baikalskiy institut ratsionalnogo prirodopolzovaniya Baikal: priroda i lyudi* [Baikal Institute of Rational Nature Management Baikal: nature and people]: encyclopedic reference book. Ulan-Ude: Publishing house of BSC SB RAS, 2009.
3. Bogdanova V. I. *Tehnika i tehnologii: Problemy i innovatsionnye resheniya* (Engineering and technology: Problems and innovative solutions): Collected articles of intern. scientific-practical. conf., 2016, pp. 125–129.
4. Evstropieva O. V. *Geografiya i prirodnye resursy* (Geography and natural resources), 2013, no. 1, pp. 127–135.
5. Ryashchenko S. V., Bogdanov V. N., Romanova O. I. *Regionalny analiz rekreatsionnoy deyatel'nosti* [Regional analysis of recreational activities]. Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography named after V. B. Sochava SB RAS, 2008. 143 p.
6. *Spravochnik po medicinskomu turizmu* (Reference book on medical tourism) Available at: <https://www.med-turizm.ru/> (Date of access: 17.12.2016).
7. Trapeznikova D. P. *Nauka i prosveshhenie* (Science and education), 2016, pp. 113–115.
8. Amin A., Thrift N. *Cities: reimagining the urban* [Cities: reimagining the urban]. Cambridge: Polity Press, 2002.
9. Bosco F. J. *Approaches to Human Geography* (Approaches to Human Geography). London: SAGE, 2006, pp. 136–146.
10. Murdoch J. *Geoforum* (Geoforum), 1998, vol. 29, no. 4, pp. 357–374.

Коротко об авторах

Куклина Мария Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Управление промышленными предприятиями», Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: информационные технологии в туризме, информационная система БПТ
kuklina-kmv@yandex.ru

Рупосов Виталий Леонидович, канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: инновации, инновационные стратегии, геоинформационные технологии
ruposov@istu.edu

Briefly about the authors

Maria Kuklina, candidate of economic sciences, assistant professor, Industrial Enterprises Management department, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: information technologies in tourism, information system BPT

Vitaly Ruposov, candidate of geological-mineralogical sciences, assistant professor, Economics and Management department, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: innovation, innovation strategies, geo-information technologies

Образец цитирования

Куклина М. В., Рупосов В. Л. Разработка информационной системы лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе на основе акторно-сетевого подхода // Вести. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 13–22. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-13-22.

Kuklina M., Ruposov V. Development of information system of medical and health tourism in the Baikal region on the basis of actor-network approach // Transbaikalian State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 13–22. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-13-22.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 16-33-01189.

The article was written with the financial support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation. Grant No. 16-33-01189.

Дата поступления статьи: 09.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

**СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ «УСЛОВИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ – СОСТАВ – ЭЛЕКТРОФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА»
СУЛЬФИДНЫХ МИНЕРАЛОВ**

**STATISTICAL SUBSTANTIATION OF THE DEPENDENCE «FORMATION
CONDITIONS – COMPOSITION – ELECTROPHYSICAL PROPERTIES» OF
SULPHIDE MINERALS**

*В. Г. Романов, Забайкальский государственный университет, г. Чита
vgromanov@yandex.ru*

V. Romanov, Transbaikal State University, Chita

Определена проблематика работы, связанная со статистическим обоснованием взаимосвязи состава и свойств сульфидных минералов. Изложены теоретические и экспериментальные обоснования связи состава сульфидов с температурой образования минералов и давлением в минералообразующей системе. Обосновано использование корреляционного анализа для выявления наличия и направленности связи состава и свойств сульфидных минералов, приведены ограничения корреляционного анализа. Статистическое обоснование связи состава и свойств сульфидов осуществлено на примере синтезированных галенитов с различным составом и содержанием введенных примесей (Sb_2S_3 , Bi и Bi_2S_3 , $AgBiS_2$), а также природных пиритов Уконикского золоторудного месторождения с различными содержаниями мышьяка. Коррелировались состав и содержание введенной при синтезе примеси с электрофизическими параметрами: термоэлектродвижущей силой, электропроводностью, постоянной Холла и концентрацией носителей тока, рассчитанной по измерениям постоянной Холла. Приводятся сведения о некорректности «валового» подхода при применении корреляционного анализа. Отклонения в направленности выявленной связи от теоретических представлений объясняются соображениями о гетерогенности синтезированных образцов

Ключевые слова: минералообразующая среда; состав минералов; матричные элементы; электрофизические свойства; термоэлектродвижущая сила; электропроводность; постоянная Холла; взаимосвязь; элементы-примеси; синтез; изоморфизм; корреляционный анализ; коэффициент корреляции; корреляционное поле; гетерогенность

The problems of work connected with the statistical justification of the relationship between the composition and properties of sulfide minerals have been determined. Theoretical and experimental substantiations of sulfides composition relationship with the temperature of minerals and pressure formation in the mineral-forming system are presented. The use of correlation analysis for the detection of the presence and orientation of the bond between the composition and properties of sulphide minerals is justified, and the limitations of the correlation analysis are given. The statistical substantiation between the sulfides composition and properties relationship was carried out using the example of synthesized galenics with different composition and content of introduced impurities (Sb_2S_3 , Bi and Bi_2S_3 , $AgBiS_2$) and natural pyrite from the Ukonik gold ore deposit with various arsenic contents. The composition and content of the introduced impurity with the synthesis of electro-physical parameters were correlated: thermoelectric power, electrical conductivity, Hall constant, and carrier, calculated from measurements of the Hall constant. The information on the incorrectness of the «gross» approach when applying correlation analysis is provided. The deviations in the direction of the revealed connection from theoretical representations are explained by considerations of heterogeneity of the synthesized samples

Key words: mineral-forming environment; composition of minerals; matrix elements; electro-physical properties; thermoelectromotive force; electrical conductivity; Hall constant; interrelation; impurity elements; synthesis; isomorphism; correlation analysis; correlation coefficient; correlation field; heterogeneity

Проблематика статьи вписывается в одно из направлений современной минералогии, изучающих причинно-следственные связи условий образования минералов с их конституцией, морфологией, составом и свойствами. Изучение этих связей способствует нарастающему расширению сфер использования минералов в практической деятельности человека.

Многими исследователями неоднократно предпринимались попытки обоснования взаимосвязи условий образования сульфидных минералов и их различных свойств. Связующим звеном в этой цепи является состав минерала. Он всегда откликается на изменения условий образования и часто существенным образом влияет на многие свойства минералов.

Целевое пространство статьи ограничим только исследованием взаимосвязи состава и свойств сульфидных минералов, оставив вне поля зрения левую часть трехзвенной системы, вынесенной в титульное заглавие, т.к. считаем доказанной связь состава сульфидов с одними из основных показателей условий минералообразования – температурой образования минералов и давлением в минералообразующей системе. Поэтому ограничимся только ссылками, подтверждающими этот тезис.

Веские доводы в его пользу для пирита находим у В. А. Фаворова с соавторами [10], считавшими, что отклонение состава пирита от стехиометрического соотношения связано с изменением парциального давления серы в гидротермальных растворах, зависящего от температуры минералообразования. Подобные выводы получены А. Д. Ракчевым и Л. В. Чернышевым [5]. Микроаналитические определения Fe и S в синтезированных пиритах, проведенные этими авторами, показали, что с ростом температуры синтеза происходит обогащение пиритов Fe и обеднение S.

Более поздние химические и рентгено-спектральные исследования пиритов Дарасунского месторождения показали [13], что пириты, сформированные в условиях закрытой системы, относительно высокого давления и высокой летучести серы, приводят к

отклонению стехиометрического состава в сторону избытка серы.

Также считается доказанной связь наличия элементов-примесей в пирите (Co, Ni, As; реже Mn, Cu и Ni) с условиями его образования [14; 15], причем высокотемпературные условия благоприятны для анионного изоморфизма, при котором As^{3-} или Sb^{3-} замещают S^{2-} , а высокотемпературные – для катионного, когда Co^{3+} и Ni^{4+} могут замещать Fe^{2+} [1; 11]. Доказательства изоморфного вхождения меди в структуру пирита приводят Н. Н. Мозгова [4] и Р. Т. Шуй [12], меди, свинца и цинка – Г. А. Юргенсон [13].

Теперь обратимся к статистическому обоснованию связи состава сульфидных минералов с их электрофизическими параметрами – это, во-первых, экспрессно определяемые и относительно распространенные в геолого-минералогической практике электропроводность и термоэлектродвижущая сила и, во-вторых, постоянная Холла (R) и концентрация носителей тока ($C_{хол.}$), практически не используемые в прикладных целях. В статье используются данные измерений постоянной Холла, выполненные В. М. Лапушковым.

Практически любой закон природы описывается совокупностью взаимосвязей переменных, составляющих его содержание. При стохастичном характере этих переменных их взаимосвязь, т.е. изменение одной или нескольких из этих переменных, приводящее к систематическому изменению другой или других переменных, может быть оценена с помощью корреляционного анализа. Математическим отображением взаимосвязи двух случайных величин служит коэффициент корреляции (r), позволяющий судить о наличии связи между двумя переменными.

С определенной долей условности значения коэффициента корреляции, изменяющиеся в диапазоне $-1...+1$, характеризуют тесноту связи исследуемых переменных: r, лежащий в пределах 0,7...0,99, говорит о сильной статистической взаимосвязи; 0,5...0,69 – средней; 0,2...0,49 – слабой и 0,09...0,19 – очень слабой. Направлен-

ность взаимосвязи характеризует знак r : плюс – прямая, минус – обратная.

Привлекательная простота корреляционного анализа часто способствует появлению некорректных выводов о наличии причинно-следственной связи между параметрами признаков, тогда как коэффициенты корреляции устанавливают только статистические взаимосвязи. Подобные выводы делаются обычно при малом количестве пар

признаков. Во избежание некорректных выводов необходимо осуществлять проверку значимости коэффициента корреляции. Одним из способов такой проверки является сравнение расчетного значения коэффициента корреляции с табличным (критическим) значением, рассчитанным для определенного количества коррелируемых пар и выбранного уровня значимости p (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Критические значения коэффициентов корреляции при $p < 0,05$
Critical values of correlation coefficients for $p < 0,05$

Количество коррелируемых пар/ Number of correlated pairs	Критические значения/ Critical meanings	Количество коррелируемых пар/ Number of correlated pairs	Критические значения/ Critical meanings
3	0,977	11	0,602
4	0,950	12	0,576
5	0,878	13	0,553
6	0,811	14	0,532
7	0,754	15	0,514
8	0,707	16	0,497
9	0,666	17	0,482
10	0,632	18	0,468

Сравнение r и $r_{\text{крит.}}$ позволяет сделать определенный вывод о нулевой гипотезе: она отвергается, если $r > r_{\text{крит.}}$; при выполнении обратного условия $r < r_{\text{крит.}}$ нулевая гипотеза принимается. При первом условии коэффициент корреляции считается значимым, а случайные величины коррелированы. При реализации второго условия – коэффициент корреляции незначим, и случайные величины не коррелированы.

В качестве первого объекта исследования определены галениты, синтезированные в Воронежском государственном университете, легированные различными по составу и содержанию примесями [9]. При выборе этого и последующих синтезированных объектов для исследования гипотетически предполагаем, что выявленные закономерности концептуально могут быть распространены и на природные галениты, а также и другие природные сульфиды, т.е. электрофизические параметры и при-

родных сульфидов будут зависеть как от состава, так и от содержания примесей. Это позволяет использовать электрофизические параметры минералов для решения определенного круга прикладных геолого-минералогических задач.

В табл. 2 приведен состав синтезированных галенитов с примесью различного содержания и коэффициенты корреляции, определяющие силу статистической взаимосвязи содержания примеси и электрофизических параметров.

Визуальный анализ коэффициента корреляции, устанавливающего статистическую взаимосвязь количественного содержания примесей в сульфидах с их электрофизическими параметрами (табл. 2) опровергает основную идею, заложенную в нашей монографии [7] об их существенной взаимосвязи. Сопоставление всех рассчитанных значений r с его критическими значениями говорит о подтверждении нуле-

вой гипотезы, т.е. о некоррелированности анализируемых пар. Однако приведенный пример говорит лишь о некорректном (в

данном случае «валовом») применении корреляционного анализа.

Таблица 2 / Table 2

Электрофизические параметры образцов галенита, легированных Sb_2S_3 (α измерен при $DT=45^\circ C$), и коэффициенты корреляции

Electro-physical parameters of galena samples doped with Sb_2S_3 (α measured at $DT = 45^\circ C$), and correlation coefficients

Номер образца/ Number of a sample	Содержание Sb_2S_3 , мол. %/ Content Sb_2S_3 , mol. %	Коэффициент термоЭДС α , мкВ/град./ Thermal EMF coefficient α , MV / deg.	Электропроводность σ , (Ом·см) ⁻¹ / Electroconductivity σ (Ohm · cm) ⁻¹	Постоянная Холла R , см ³ /кул./ Hall constant R , Cm ³ /coulomb	Концентрация по измерениям Холла $C_{холл}$, см ⁻³ / Concentration according to Hall measurements C hall, cm ⁻³
С 29	3,0	-40	$1,31 \cdot 10^3$	0,33	$1,9 \cdot 10^{19}$
С 30	3,12	-61	$1,0 \cdot 10^3$	0,30	$2,0 \cdot 10^{19}$
С 31	3,25	-78	$7,6 \cdot 10^2$	0,18	$3,4 \cdot 10^{19}$
С32	3,5	-160	$3,62 \cdot 10^2$	0,081	$7,7 \cdot 10^{19}$
С33	4,0	-575	$3,8 \cdot 10^3$	0,066	$9,4 \cdot 10^{15}$
С34	5,0	-540	$2,5 \cdot 10^4$	-	-
С35	7,0	-475	-	-	-
Коэффициент корреляции/ Coefficient correlations		-0,711	-0,797	-0,886	-0,146
Критическое значение/ Critical value		0,754	0,811	0,878	0,878

Дальнейший более детальный анализ позволяет установить, что вся серия образцов состоит из двух принципиально различных групп: первая – образцы С29...С32 и вторая – С33...С35. Об этом убедительно свидетельствуют корреляционные поля содержаний в образце Sb_2S_3 и коэффици-

ентов термоЭДС (рис. 1). Для четырех образцов (С29...С32) характерна обычная зависимость коэффициента термоЭДС от концентрации носителей, по которой возрастание концентрации носителей влечет уменьшение величины α ($r = -0,98$).

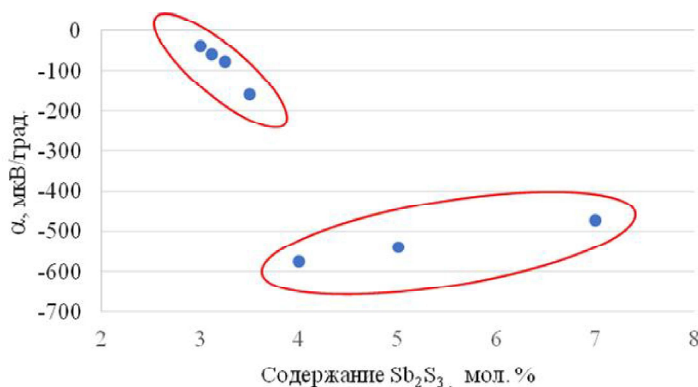

Рис. 1. Корреляционные поля пары «содержание Sb_2S_3 – коэффициент термоЭДС» в образцах синтезированных галенитов

Fig. 1. Correlation fields of the pair « Sb_2S_3 content – coefficient thermo-electric power» in samples of synthesized galena

Для других коррелируемых пар образцов первой группы коэффициенты корреляции свидетельствуют также о наличии сильной статистической взаимосвязи: для пар «содержание-электропроводность» $r = -0,986$; «содержание-постоянная Холла» $r = -0,982$; «содержание-концентрация Холла» $r = -0,959$.

Корреляционное поле пар «содержание Sb_2S_3 – коэффициент термоЭДС» второй группы образцов (рис. 1) и значение $r = 0,999$ свидетельствуют о наличии практически линейной прямой зависимости содержания в образце Sb_2S_3 и коэффициента термоЭДС, что относительно направленности связи противоречит теоретическим представлениям физики минералов [3].

Мы не располагаем данными измерений концентрации Холла по всем трем образцам, поэтому делать какие-либо выводы нет достаточных оснований. В качестве

объяснения может быть привлечен тезис о гетерогенности этих образцов. Соображения в пользу этого приведены в нашей работе [7], где показано, что пересчет концентраций примесных носителей в весовые проценты свидетельствует, что из всей введенной при синтезе примеси Sb_2S_3 изоморфно в структуру галенита вошла относительно малая часть сурьмы (0,4 %), остальная часть (2,11 %) обособилась во включениях. Кроме того, сера, входящая в состав примеси, при количествах ее более 4 мол. %, возможно, существенно изменяет режим синтеза.

В табл. 3 приведен состав синтезированных галенитов с примесью $AgBiS_2$ различного содержания и коэффициенты корреляции, определяющие силу статистической взаимосвязи содержания примеси и электрофизических параметров – коэффициента термоЭДС и электропроводности.

Таблица 3 / Table 3

Электрофизические параметры образцов галенита, легированных $AgBiS_2$, и коэффициенты корреляции (α измерен при $DT=45^\circ C$)

Electro-physical parameters of galena samples doped with $AgBiS_2$, and correlation coefficients (α measured at $DT = 45^\circ C$)

Номер образца/ Number of a sample	Содержание $AgBiS_2$, мол. %/ Content $AgBiS_2$, mol. %	Коэффициент термоЭДС, мкВ/град./Coefficient of thermoEMF, MV/deg.	Электропроводность s , $(\text{Ом}\cdot\text{см})^{-1}$ /Electrical conductivity s $(\text{Ом}\cdot\text{см})^{-1}$
500/9	1,0	-85	$4,1\cdot 10^3$
C11	3,0	-120	$1,8\cdot 10^3$
C12	4,0	-160	$7,5\cdot 10^2$
500/10	5,0	-200	$3,2\cdot 10^2$
C13	6,0	-430	$2,1\cdot 10^1$
C14	10,0	-965	–
C15	15,0	-1025	–
Коэффициент корреляции/Correlation coefficient		-0,947	-0,972
Критическое значение/ Critical value		0,754	0,878

Синтезированные системы $PbS-AgBiS_2$ по праву можно отнести к категории сложных по составу соединений хотя бы потому, что в этой системе атомы Ag и Bi являются атомами замещения и обладают противоположными эффектными зарядами, поэтому в галените Ag играет акцепторную роль, а Bi – донорную. Исходя из этого, можно было бы ожидать проявления сложных

эффектов вхождения этих примесей в решетку галенита, что непременно нашло бы отображение в значениях электрических параметров.

Однако установленные корреляционные связи говорят о закономерной и статистически значимой взаимосвязи содержания примеси и электрофизических параметров. Как показывают данные, при-

веденные в табл. 3, при весьма значительном количественном диапазоне содержаний примеси $AgBiS_2$ (1,0...15,0 мол. %) система $PbS-AgBiS_2$ адекватно откликается на различные содержания $AgBiS_2$ гомогенностью состава, о чем свидетельствует монотонное изменение коэффициента термоЭДС.

В табл. 4 приведен состав синтезированных галенитов с примесями Bi и Bi_2S_3 различных содержаний и коэффициенты корреляции, определяющие силу статистической взаимосвязи состава и электрофизических параметров.

Таблица 4 / Table 4

Электрические параметры образцов галенита, легированных Bi и Bi_2S_3 (α измерено при $DT=45^\circ C$)

Electrical parameters of galena samples doped with Bi and Bi_2S_3 (α measured at $DT = 45^\circ C$)

Номер образца/ Number of a sample	Содержание примеси, мол. %/ Impurities content, Mol. %	Коэффициент термоЭДС α , мкВ/град./ Thermo-EMF coefficient α , MV / deg.	Электропроводность σ , (Ом·см) ⁻¹ / Electroconductivity σ (Ohm · cm) ⁻¹	Постоянная Холла R , см ³ /кул./ Hall constant R , cm ³ /coulomb	Концентрация по измерениям Холла $C_{хол}$, см ⁻³ / Concentration according to Hall measurements, C_{hall} , cm ⁻³
500/16	Bi – 0,1	-224	$3,9 \cdot 10^1$	5,06	$1,2 \cdot 10^{18}$
500/18	Bi – 1,0	-75	$3,2 \cdot 10^2$	0,84	$7,4 \cdot 10^{18}$
С – 70	Bi – 5,0	-35	$3,9 \cdot 10^2$	0,31	$8 \cdot 10^{18}$
Коэффициент корреляции/ Coefficient correlations		0,78	0,77	-0,71	0,70
Критическое значение/ Critical value		0,977	0,977	0,977	0,977
С – 20	Bi_2S_3 – 1,0	-110	$2,9 \cdot 10^2$	-	-
С – 21	Bi_2S_3 – 3,0	-65	$6,3 \cdot 10^2$	-	-
С – 22	Bi_2S_3 – 5,0	-40	$2,6 \cdot 10^3$	0,49	$1,2 \cdot 10^{19}$
Коэффициент корреляции/ Coefficient correlations		0,98	0,92	-	-
Критическое значение/ Critical value		0,977	0,977	-	-

Согласно данным табл. 4, единственная коррелируемая пара – это содержание введенной при синтезе галенита примеси Bi_2S_3 и коэффициент термоЭДС, однако при этом значимость коэффициента корреляции находится на самом нижнем уровне порога. По аналогии с предыдущими сериями синтезированных галенитов можно предположить, что принципиальных отличий в статистической взаимосвязи содержаний примесей Bi и Bi_2S_3 и всех измеренных электрофизических параметров быть не должно.

Фактические результаты связаны, во-первых, с минимальным количеством пар, при котором вообще можно рассуждать о корреляционных связях и, во-вторых, возможными погрешностями измерений сложных электрофизических параметров,

которые, по всей вероятности, были бы нивелированы при большем количестве синтезированных образцов.

Природные образцы сульфидов, на которых осуществлялось выявление статистической взаимосвязи состава и электрофизических свойств, представлены пиритом Уконикского золоторудного месторождения (Забайкальский край). В литературе известны немногочисленные работы, касающиеся связи свойств природного пирита с условиями его образования [2; 8].

В табл. 5 приведены электрофизические параметры пиритов Уконикского месторождения, а также результаты химического анализа монофракций пирита на мышьяк. Анализ экспериментальных данных позволил установить [7], что дырочный

тип проводимости пиритов Уконикского месторождения обусловлен акцепторным действием примеси мышьяка, изоморфно замещающим серу в пирите. При таком типе гетеровалентного изоморфизма As^{3-} замещает S^{2-} и превращает некоторые гантели :S:S: в гантели :S:As:. Примеры подобного изоморфизма приводит, например, Т. Н. Шадлун

с соавторами [11], а также другие исследователи. Вероятность такого замещения в исследованных пиритах подтверждается, во-первых, коррелируемым возрастанием концентрации носителей тока при возрастании содержания мышьяка в образце (табл. 5), во-вторых, нашими температурными исследованиями электропроводности.

Таблица 5 / Table 5

Концентрации мышьяка в пиритах Уконикского месторождения, электрофизические параметры и коэффициенты корреляции состава и свойств
Concentration of arsenic in the pyrite deposits of the Ukonik deposit, Electro-physical parameters and correlation coefficients of composition and properties

Номер образца/ Number of a sample	Параметры/ Options				
	Концентрация мышьяка по хим. анализу C_{As} , % / Concentration of arsenic in chemical analysis C_{As} , %	Коэффициент термоЭДС a_k , мкВ/град/ ТермоEMF coefficient a_k , MV / deg.	Электропроводность s_j , (Ом·см) ⁻¹ / Electroconductivity s_j , (Ohm · cm) ⁻¹	Постоянная Холла R , см ³ /кулон/ Hall constant R , cm ³ / coulomb	Концентрация по измерениям Холла $C_{хол.}$, см ⁻³ / Concentration according to Hall measurements C_{hall} , cm ⁻³
1941	2,06	+290	6,6	0,019	3,2·10 ²⁰
3438	1,34	+316	4,5	0,021	3,0·10 ²⁰
1867	1,20	+287	0,74	0,024	2,6·10 ²⁰
1913	1,24	+330	4,8	0,028	2,2·10 ²⁰
3425	1,12	+290	1,2	0,032	1,9·10 ²⁰
3474	1,20	+286	9,2	0,032	1,9·10 ²⁰
1965	1,05	+339	0,68	0,036	1,8·10 ²⁰
X	1,09	+330	9,3	0,042	1,5·10 ²⁰
3467	0,97	+296	1,7	0,042	1,5·10 ²⁰
3441	0,60	+281	2,7	0,057	1,1·10 ²⁰
3472-2	0,79	+320	1,0	0,078	8,1·10 ¹⁹
1970	0,79	+340	3,2	0,098	6,4·10 ¹⁹
1861	0,40	+230	1,0	0,13	4,8·10 ¹⁹
3442	0,82	+365	1,8	0,15	4,1·10 ¹⁹
1969	0,67	+315	1,5	0,21	3,0·10 ¹⁹
1953	0,37	+195	3,4	0,21	2,9·10 ¹⁹
1881	0,15	+223	0,16	0,52	1,2·10 ¹⁹
Коэффициент корреляции/ Coefficient correlations		0,457	0,514	-0,714	0,903
Критическое значение/ Critical value	0,482				

Вычисления коэффициентов корреляции состава пиритов и свойств (две нижние строки таблицы) показали, что две пары параметров («концентрация мышьяка – постоянная Холла» и «концентрация мышьяка

– концентрация носителей тока») выявили сильную статистическую взаимосвязь, соответственно – 0,714 и 0,903. Две другие пары («концентрация мышьяка – термоЭДС» и «концентрация мышьяка – элек-

тропроводность») выявили слабую (первая пара) и среднюю (вторая пара) статистические взаимосвязи, причем для первой пары подтверждается нулевая гипотеза, что говорит о коэффициенте корреляции как незначимом, а об исследуемых величинах как не коррелированных.

Построение корреляционного поля для пар «концентрация мышьяка – термоЭДС» позволило установить (рис. 2), что образец 1941 «выбивается» из пространства корреляционного поля и, возможно, он существенно искажает реальную статисти-

ческую взаимосвязь. Исключение этого образца из расчетов показало, что коэффициент корреляции оказался равным 0,632 при его критическом значении 0,497, что говорит о средней статистической взаимосвязи.

Предпринятая попытка разделить весь массив образцов на две группы (рис. 2 – зеленый овал), основанная на предположении о двух различных генерациях пирита, при корреляционном анализе показала существенно худшие результаты, что обязало нас отвергнуть эту гипотезу.

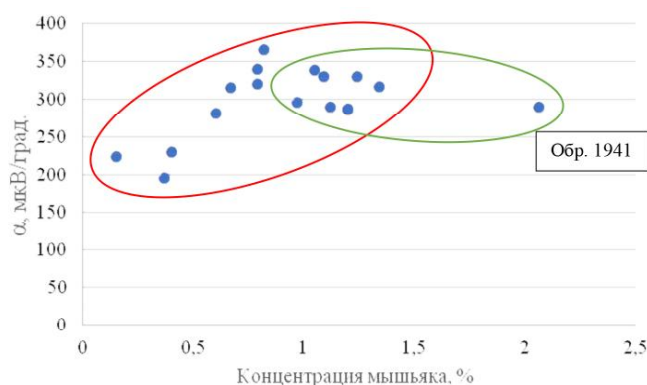

Рис. 2. Корреляционные поля пар «концентрация мышьяка – коэффициент термоЭДС» в образцах природных пиритов

Fig. 2. Correlation fields of pairs «arsenic concentration – coefficient thermo-electric power» in samples of natural pyrites

Проведенные исследования и полученные результаты позволяют сделать, на наш взгляд, однозначный вывод о достаточно сильной статистической взаимосвязи состава и электрофизических свойств сульфидных минералов.

Выводы. Таким образом, практическое использование электрофизических параметров сульфидных минералов для решения определенного круга геолого-минералогических задач

кроме теоретического и экспериментального обоснования получило и статистическое. Это еще раз говорит о взаимосвязи электрофизических параметров с вещественным состав минералов, соотношением в них матричных компонентов, составом изоморфных примесей, детерминируемых основными условиями минералообразующей системы.

Список литературы

1. Бородаев Ю. С., Мозгова И. Н. Об изоморфном замещении серы в пирите мышьяком и сурьмой // сб. Парагенезисы рудных минералов. М.: Наука, 1974. С. 3–13.
2. Князев Г. И., Куделя В. К. Полупроводниковые свойства галенитов и пиритов как критерий условий рудообразования. Киев: Наукова Думка, 1969. 116 с.
3. Марфуни А. С. Введение в физику минералов. М.: Недра, 1974. 319 с.
4. Мозгова И. Н. Об изоморфизме в сульфидах и их аналогах // сб. Изоморфизм минералов. М.: Наука, 1975. С. 86–113.

5. Ракчев А. Д., Чернышев Л. В. Зависимость энергии активации и химического состава пиритов от условий их синтеза // Докл. АН СССР, Сер. геол., 1968. Т. 183. № 4–6. С. 1184–1187.
6. Романов В. Г. Экспериментальное обоснование зависимости «состав–свойства» на основе исследования электрических свойств синтезированных галенитов // Вестник ЧитГУ. 2009. № 1 (52). С. 80–87.
7. Романов В. Г. Электрофизические методы исследования сульфидных минералов и рудных объектов. Чита: ООО «Техноленд», 2009. 232 с.
8. Суэуки Т. Связь между некоторыми свойствами пирита и их образованием: сб. Онтогенические методы изучения минералов. М.: Наука, 1970. С. 64–89.
9. Угай Я. А. Введение в химию полупроводников. М.: Высшая школа, 1975. 302 с.
10. Фаворов В. А., Красников В. И., Сычугов В. С. Некоторые факторы, определяющие изменчивость полупроводниковых свойств пирита и арсениопирита // Изв. АН СССР, Сер. геол., 1972. № 11. С. 72–84.
11. Шадлун Т. Н., Тренева Н. В., Велчев В. Мышьяковистые пирит и бравоит из месторождения Седмочисленцы // сб. Изоморфизм в минералах. М.: Наука, 1975. С. 113–122.
12. Шуй Р. Т. Полупроводниковые рудные минералы. Л.: Недра, 1979. 287 с.
13. Юргенсон Г. А. Типоморфизм и рудные формации. Новосибирск: Наука, 2003. 368 с.
14. Fisher M., Hiller L. Ober den thermoelektrische Effect des Pyrites.-Neuse Jahrb. Miner. Abhandl., 1956, Bd 83, no. 3, pp. 291–301.
15. Fleischer M. Minor elements in some sulfide minerals.-Econ Geol., 50-th Anniv, yov. 1905–1955, pt 2, 1955, pp. 970–1024.

References

1. Borodaev Yu. S., Mozgova I. N. *Ob izomorfnom zameshhenii sery v pirite myshyakom i surimoy* (On isomorphous substitution of sulfur in pyrite with arsenic and antimony): coll. articles Parageneses of ore minerals. Moscow: Science, 1974. pp. 3–13.
2. Knyazev G. I., Kudel V. K. *Poluprovodnikovye svoystva galenitov i piritov kak kriteriy usloviy rudoobrazovaniya* [Semiconductor properties of galenites and pyrites as a criterion for ore formation conditions]. Kiev: Naukova Dumka, 1969. 116 p.
3. Marfunin A. S. *Vvedenie v fiziku mineralov* [Introduction to the physics of minerals]. Moscow: Nedra, 1974. 319 p.
4. Mozgova N. N. *Ob izomorfizme v sulfidakh i ih analogah* (Isomorphism in sulfides and their analogues): Coll. art. Isomorphism of minerals. Moscow: Science, 1975. P. 86–113.
5. Rakcheyev A. D., Chernyshev L. V. *Dokl. AN SSSR, Ser. geol.* (Reports of Academy Sciences of the USSR, Ser. Geol.), 1968, vol. 183, no. 4–6, pp. 1184–1187.
6. Romanov V. G. *Vestn. Chit. Gos. Univ.* (Bulletin of the Chita State University), 2009, no. 1 (52), pp. 80–87.
7. Romanov V. G. *Elektrofizicheskie metody issledovaniya sulfidnykh mineralov i rudnykh obektov* [Electro-physical methods for studying sulphide minerals and ore objects]. Chita: LLC «Technoland», 2009. 232 p.
8. Sueuki T. *Svyaz mezhdru nekotorymi svoystvami pirita i ih obrazovaniem* (Relationship between certain properties of pyrite and their formation): Coll. art. Ontogenic methods of studying minerals. Moscow: Science, 1970. pp. 64–89.
9. Ugai Ya. A. *Vvedenie v himiyu poluprovodnikov* [Introduction to the chemistry of semiconductors]. Moscow: Higher School, 1975. 302 p.
10. Favorov V. A., Krasnikov V. I., Sychugov B. C. *Izv. AN SSSR, Ser. geol.* (News of the Academy of Sciences of the USSR, Ser. Geol.), 1972, no. 11, pp. 72–84.
11. Shadlun T. N., Treneva N. V., Velchev V. *Myshyakovistye pirit i bravoit iz mestorozhdeniya Sedmochislenisty* (Arsenic pyrite and bravoite from the Sedmocheslenitsy deposit): coll. art. Isomorphism in minerals. Moscow: Science, 1975, pp. 113–122.
12. Shuy R. T. *Poluprovodnikovye rudnye mineral* [Semiconductor ore mineral]. Leningrad: Nedra, 1979. 287 p.
13. Yurgenson G. A. *Tipomorfizm i rudnye formatsii* [Typomorphism and ore formations]. Novosibirsk: Science, 2003. 368 p.
14. Fisher M., Hiller L. *Ober den thermoelektrische Effect des Pyrites.-Neuse Jahrb. Miner. Abhandl.* (Ober den thermoelektrische Effect des Pyrites.-Neuse Jahrb. Miner. Abhandl.), 1956, Bd 83, no. 3, pp. 291–301.
15. Fleischer M. *Minor elements in some sulfide minerals.-Econ Geol., 50-th Anniv, yov.* (Minor elements in some sulfide minerals.-Econ Geol., 50-th Anniv, yov.), 1905–1955, pt 2, 1955, pp. 970–1024.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Романов Валерий Григорьевич, д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры «Социально-правовые дисциплины», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: методика и аппаратура для измерения электрофизических параметров рудных минералов, практическое использование результатов
vgromanow@yandex.ru

Valery Romanov, doctor of geol.-mineralogical sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: method and apparatus for measuring the electrical parameters of ore minerals, practical use of the results

Образец цитирования

Романов В. Г. Статистическое обоснование зависимости «условия образования – состав – электрофизические свойства» сульфидных материалов // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 23–32. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-23-32.

Romanov V. Statistical substantiation of the dependence «formation conditions – composition – electrophysical properties» of sulphide materials // Transbaikal State University Bulletin, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 23–32. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-23-32.

Дата поступления статьи: 07.04.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 622.765
DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-33-37

ПЕРЕРАБОТКА КАРБОНАТНО-ФЛЮОРИТОВЫХ РУД МЕСТОРОЖДЕНИЙ МОНГОЛИИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

PROCESSING OF CARBONATE-FLUORITE ORE DEPOSITS OF MONGOLIA AND TRANSBAIKAL REGION

*А. В. Фатьянов,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
fatyanov.albert@yandex.ru*

*A. Fatyanov,
Transbaikal State University,
Chita*

*Л. Г. Никитина,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
nikitina-lg@yandex.ru*

*L. Nikitina,
Transbaikal State University,
Chita*

*С. А. Щеглова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
ssheglova@mail.ru*

*S. Scheglova,
Transbaikal State University,
Chita*

Рассматривается проблема обогащения карбонатно-флюоритовых руд как наиболее сложных для переработки. При их обогащении не удается получить богатые флюоритовые концентраты при высоком извлечении ценного компонента. Проблема обогащения состоит в том, что флюорит и кальцийсодержащие породообразующие минералы обладают сильными гидрофобными свойствами и флотируются практически одинаково, то есть в условиях флотации очень трудно добиться селекции этих минералов. В статье изложены вопросы регулирования процессов структурирования дисперсионной среды флотационной пульпы с помощью различных методов и представлены два варианта технологических схем для карбонатно-флюоритовых руд месторождений Забайкалья и Монголии. Для отечественной промышленности рекомендована схема флотационного обогащения флюоритовых руд с карбонатным модулем 0,95, состоящая из основной флотации и 8 перечистных операций, с применением кислого жидкого стекла в качестве депрессора карбонатов. В этом случае возможно получение флюоритового концентрата марки ФФ-97А, содержащего 98,28 % CaF_2 и 0,13 % CaCO_3 при извлечении CaF_2 63,4 %. Для Монголии рекомендована схема флотации карбонатно-флюоритовых руд с применением нового реагента собирателя ON-60. Схема позволяет получить концентрат марки ФФ-95Б, содержащий CaF_2 – 97,3 %, CaCO_3 – 1,82 % при извлечении CaF_2 – 70,99 %. Обе технологии рекомендуются для применения в промышленных условиях

Ключевые слова: флотационное обогащение; флюоритовые руды; карбонатный модуль; жидкое стекло; концентрат; извлечение; флотация; карбонатный модуль; интенсификация; структурирование

The carbonate-fluorite ores are the most difficult of all flotation ores to be processed. Fields with such composition are growing in number nowadays but it is not possible to get rich fluorite concentrate with high recovery of a valuable component while processing them. The problem with processing is that the fluorite and calcium-containing rock-forming minerals have strong hydrophobic properties and are floated practically in the same way, which means that it is very difficult to achieve filtering of these minerals with flotation. The article deals with the issue of regulating processes of structuring of the flotation pulp dispersive medium by various methods. Two variants of technological schemes for the carbonate-fluorite ore deposits of the Transbaikal region and Mongolia are presented in the article as well as a scheme for flotation beneficiation of fluorite ores with the carbonate module of

0,95, consisting of the basic flotation and 8 recleaning operations, using acidic sodium silicate as a depressant agent, recommended for the domestic industry. In this case, it is possible to obtain FF-97A grade fluorite concentrate, containing — 98,28 % of CaF_2 and 0,13 % of CaCO_3 recovering 63,4 % of CaF_2 . The scheme for flotation of carbonate-fluorite ores by using ON-60, a new collecting agent, is recommended for Mongolia. This scheme makes it possible to obtain FF-95B grade concentrate, containing 97,3 % of CaF_2 , 1,82 % of CaCO_3 recovering 70,99 % of CaF_2 . Both technologies are recommended for applying under production-line conditions

Key words: flotation beneficiation; fluorite ores; carbonate module; sodium silicate; concentrate; recovery; flotation; carbonate unit; intensification; structuring

Введение. На горном факультете Забайкальского государственного университета работает организованная в 2001 г. на основании решения ученого совета Читинского государственного университета научная аналитическая лаборатория, занимающаяся развитием теории и практики новых технологий в горной промышленности Забайкальского края и Монголии.

Основное научное направление лаборатории — неравновесные процессы в технологии переработки минерального сырья. Его главной особенностью являются развиваемые специалистами лаборатории представления о том, что устойчивость дисперсной флотационной системы может регулироваться в условиях изменения колебательных режимов неравновесных процессов. Для этого предложено использовать гармонические колебания или колебания более сложного характера, называемые пульсирующими.

Цель исследований. Основная идея исследований связана с использованием представлений о результатах кооперативного взаимодействия в неравновесных системах, определяемых понятием об их структурировании, т.е. самоорганизации с образованием диссипативных структур. Возможности изменения структуры дисперсионной среды обоснованы с разработкой и обоснованием ее изменяемых свойств под действием флотируемых минералов и флотореагентов, а также при использовании воздействий различных физических полей. Следует отметить, что данное представление находится в духе современных теорий структурообразования: синергетики, теории катастроф и термодинамики необратимых процессов. В настоящее время аналогичные идеи находят развитие в биологии,

химии, физике и других научных направлениях, где исследуются сложные системы вдали от состояния равновесия. Доказано, что неравновесные системы под действием слабых энергетических воздействий могут претерпевать значительные структурные изменения, направленное регулирование которых может широко использоваться в промышленности для интенсификации процессов флотации труднообогатимых полезных ископаемых [4].

Методы исследования. Для практического применения в лаборатории предложены технологические методы регулирования процессов структурирования дисперсионной среды флотационной пульпы: солевая флотация в присутствии нейтральных солей, избирательная стабилизация пульпы, электрохимическая обработка флотационной пульпы при переработке различных по составу типов руд Забайкалья и Монголии. Многие особенности технологического характера изучены на рудах Югодзырского, Хубсугульского, Начирского, Олимпийского, Гарсонуйского, Антоновского, Шахматного, Удоканского и других месторождений. Исследованы и обоснованы технологические решения с применением нестандартных приемов в таких направлениях, как разработка нетрадиционных технологий обогащения ряда руд старых и новых месторождений полезных ископаемых Забайкалья и Монголии с применением различных физико-химических воздействий на компоненты и фазы, интенсификация флотации труднообогатимых руд Забайкалья и Монголии на основе структурирования дисперсионной среды, разделение минералов в нестационарном центробежном поле, разработка технологических схем для промышленного освоения более эффективных

технологий переработки многокарбонатных флюоритовых и других руд.

В последние годы выполнены исследования по обогащению наиболее сложных по составу карбонатно-флюоритовых руд отечественных и монгольских месторождений и рекомендованы два принципиально разных варианта схем.

Результаты исследований. Для отечественной промышленности рекомендована схема флотационного обогащения руды Начирского и Олимпийского месторождений, представленной промпродуктом после гравитационного обогащения с карбонатным модулем 0,95 и содержащим, %: CaF_2 – 30,32; CaCO_3 – 23,07; MgCO_3 – 8,97; SiO_2 – 32,7. Для проведения промышленных испытаний рекомендована схема, состоящая из основной флотации и 5...8 перечистных операций, в зависимости от того, концентрат какого качества необходимо получить. Схема предусматривает селекцию кальциевых минералов с флотацией флюорита и подавлением флотиремости карбонатов. Продукт первой перечистки и хвосты основной флотации выводятся в отвал. В качестве собирателя рекомендована олеиновая кислота, а в качестве депрессора карбонатов – кислое жидкое стекло с pH раствора менее 1, приготовленное по специальной методике. Предусматривается введение нейтральных солей CaCl_2 и NaCl в цикл измельчения для регулирования структуры водной фазы. Рекомендуется применять хлористый натрий в виде водного раствора, а хлористый кальций – в виде кислого раствора, для чего в свежеприготовленный раствор добавляется концентрированная соляная кислота с доведением pH до величины менее 1. Специальная операция по стабилизации окислительно-восстановительного состояния пульпы, контролируемая с помощью платинового и хлор-серебряного электродов для достижения величины $E_h = 1300$ мВ вводится после измельчения руды. В промышленных условиях этот процесс осуществляется путем перемешивания пульпы после измельчения руды в течение 12...15 мин в контактном чане или камерах флотации без подачи воз-

духа. Применяемая система регулирования структуры жидкой фазы и E_h дисперсной системы совместно с разработанным режимом обеспечивает скоротечность процесса разделения кальцийсодержащих минералов на основе аэрофлокулярной флотации. Наиболее высококачественная продукция получена по схеме с восемью перечистками концентрата, флюоритовый концентрат марки ФФ-97А содержит 98,28 % CaF_2 и 0,13 % CaCO_3 при извлечении CaF_2 – 63,4 %. Второй концентрат – карбонатный – смесь промпродуктов со второй по восьмую перечистки, содержит 43,56 % CaCO_3 ; 35,54 % CaF_2 при извлечении CaCO_3 – 39,65 %; CaF_2 – 17,18 %. Общее извлечение флюорита в оба концентрата составляет 80,52 %. Полученные показатели подтвердились при проверке на местной воде обогатительной фабрики.

Для Монголии рекомендованная схема флотационного обогащения испытывалась на руде месторождений: шахты Бор-Ундур, Урген и Хох-Дэль, планируемых в перспективе для переработки на обогатительной фабрике ГОКа Бор-Ундур. В соответствии с химическим составом содержание пробы составило, %: CaF_2 – 26,55; CaCO_3 – 10,01; SiO_2 – 47,05; P – 0,039; S – 0,042 при карбонатном модуле 2,65.

В результате проведенного исследования в лабораторных условиях для обогащения высококальцитной руды рекомендована технологическая схема и реагентный режим, позволяющие отказаться от подогрева пульпы и снизить ее температуру до +5 ... 8 °С. Рекомендуется применять новый реагент – собиратель из класса перластанов ON-60 для создания таких условий. Проблемы разделения кальцийсодержащих минералов флюорита и кальцита решены с применением модифицированного жидкого стекла, которое используется в качестве депрессора и готовится на основе введения в раствор обычного щелочного жидкого стекла растворов сульфатов железа, алюминия, цинка и др. Схема флотации состоит из основной флюоритовой и шести перечистных операций. Хвосты основной флюоритовой флотации и первой перечистки

являются отвальными продуктами. Конечными продуктами технологии обогащения являются флюоритовый и карбонатный концентраты. Флюоритовый концентрат марки ФФ-95Б, содержащий CaF_2 – 97,3 %; CaCO_3 – 1,82 % получен в качестве пенного продукта шестой перемывки при извлечении CaF_2 – 70,99 %. Карбонатный концентрат представляет смесь промпродуктов со второй по шестую перемывки и содержит 43,53 % CaF_2 и 12,02 % CaCO_3 при извлечении CaF_2 – 20,66 % и CaCO_3 – 45,71 %. Такой концентрат рекомендуется после окомкования использовать в цементной и

металлургической промышленности. Общее извлечение CaF_2 в оба концентрата составляет 91,65 %. В схеме рекомендуется стабилизация Eh в течение 15 мин.

Выводы. Полученные результаты исследования являются перспективными для интенсификации разработки технологии обогащения сложных по составу многокарбонатных флюоритовых руд. Разработанные схемы флотации и реагентный режим могут применяться как на отечественных флюоритовых фабриках, так и обогатительных фабриках Монголии.

Список литературы

1. Астахов Р. Я., Никифоров К. А., Мохосоев М. В. Селективная флотация флюорит-карбонатных руд. Новосибирск: Наука. 1983. 138 с.
2. Берлинский А. И. Структурообразование и депрессирующие свойства жидкого стекла // Труды Центрального научно-исследовательского горноразведочного института. 1967. Вып. 70. С. 23–27.
3. Леонов С. Б., Астахов Р. Я. Флотация карбонатно-флюоритовых руд с использованием в качестве регулятора среды кислого раствора хлористого кальция // Физико-химические и технологические исследования процессов переработки полезных ископаемых. Иркутск, 1973. С. 84–87.
4. Никифоров К. А., Ревнивцев В. А. Направленные превращения минералов. Новосибирск: Наука, 1992. 192 с.
5. Никифоров К. А. Необратимые процессы в измельчении минерального сырья // ФТПРПИ. 1993. № 6. С. 85–87.
6. Никифоров К. А. Самоорганизация как принцип селективной флотации тонкодисперсных систем // Рациональное использование минерального сырья Сибири. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. С. 3–10.
7. Сычков В. В., Астахов Р. Я. Лабораторные исследования и полупромышленные испытания плави-кошпатовой руды Начирского участка Гарсонуйского месторождения // Материалы семинара работников технологических лабораторий геологических организаций. 1970. Вып. 2. С. 110–115.
8. Чантурия В. А. Перспектива устойчивого развития горноперерабатывающей индустрии России // Горный журнал. 2007. № 2. С. 2–9.
9. Чантурия В. А., Чаплыгин П. Н., Вигдергауз В. Е. Ресурсосбережение технологии переработки минерального сырья и охрана окружающей среды // Горный журнал. 2007. № 4.
10. Чантурия В. А. Современные проблемы обогащения минерального сырья в России // Обогащение руд. 2000. № 6.
11. Pople J. A. A theory of the structure of water // Proc. Roy. Soc., 1951/ Ser. A, vol. 205, no. 1081, pp. 163–179.
12. Carbonatites. Genesis and Evolution / Ed. K. Bell. L.: Unwin Hyman, 1989. 618 p.

References

1. Astakhov R. Ya., Nikiforov K. A., Mohosoev M. V. *Selektivnaya flotatsiya flyuorit-karbonatnyh rud* [Selective flotation of fluorite-carbonate ores]. Novosibirsk: Nauka. 1983. 138 p.
2. Berlinsky A. I. *Trudy Tsentralnogo nauchno-issledovatel'skogo gornorazvedoch'nogo instituta* (Proceedings of the Central Research Institute of Mining and Exploration), 1967, issue 70, pp. 23–27.
3. Leonov S. B., Astakhov R. Ya. *Fiziko-himicheskie i tehnologicheskie issledovaniya protsessov pererabotki poleznyh iskopaemyh* (Physico-chemical and technological studies of processing of minerals). Irkutsk, 1973, pp. 84–87.
4. Nikiforov K. A., Revnivitsev V. A. *Napravlenkiye prevrashheniya mineralov* [Directed transformations of minerals]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 192 p.
5. Nikiforov K. A. *FTPRPI* (Fiz.-Tekh.), 1993, no. 6, pp. 85–87.

6. Nikiforov K. A. *Ratsionalnoe ispolzovanie mineralnogo syriya Sibiri* (Rational use of mineral raw materials in Siberia). Ulan-Ude: BNC SO AN SSSR, 1990, pp. 3–10.
7. Sychkov V. V., Astakhov R. Ya. *Materialy seminarov rabotnikov tehnologicheskikh laboratoriy geologicheskikh organizatsiy* (Materials of the seminar of workers of technological laboratories of geological organizations), 1970, issue 2, pp. 110–115.
8. Chanturia V. A. *Gornyy zhurnal* (Mining Journal), 2007, no. 2, pp. 2–9.
9. Chanturia V. A., Chaplygin P. N., Wigderhaus V. E. *Gornyy zhurnal* (Mining Journal), 2007, no. 4.
10. Chanturia V. A. *Obogashhenie rud* (Enrichment of ores), 2000, no. 6.
11. Pople J. A. *Proc. Roy. Soc.* (Proc. Roy. Soc.), 1951/ Ser. A, vol. 205, no. 1081, pp. 163–179.
12. *Carbonatites. Genesis and Evolution* (Carbonatites. Genesis and Evolution); Ed. K. Bell. L.: Unwin Hyman, 1989. 618 p.

Коротко об авторах

Фатьянов Альберт Васильевич, д-р техн. наук, профессор кафедры «Обогащение полезных ископаемых и вторичного сырья», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: неравновесные процессы в технологии переработки минерального сырья, флотация минерального сырья
fatyanov.albert@yandex.ru

Никитина Людмила Георгиевна, канд. техн. наук, доцент кафедры «Обогащение полезных ископаемых и вторичного сырья», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: обогащение полезных ископаемых, флотация минерального сырья
nikitina-lg@yandex.ru

Щеглова Светлана Александровна, канд. техн. наук, доцент кафедры «Управление персоналом», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: обогащение полезных ископаемых, флотация минерального сырья, экономика
ssheglova@mail.ru

Briefly about the authors

Albert Fatyanov, doctor of engineering sciences, professor, Mineral Processing and Recoverable Materials department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: unequal processes in the technology of mineral raw materials processing, floatation of mineral raw materials

Ludmila Nikitina, candidate of engineering sciences, assistant professor, Mineral Processing and Recoverable Materials department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: minerals processing, floatation of mineral raw materials

Svetlana Scheglova, candidate of engineering sciences, assistant professor, Personnel Management department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: minerals processing, floatation of mineral raw materials, economics

Образец цитирования

Фатьянов А. В., Никитина Л. Г., Щеглова С. А. Переработка карбонатно-флюоритовых руд месторождений Монголии и Забайкалья // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 33–37. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-33-37.

Fatyanov A. V., Nikitina L. G., Shcheglova S. A. Processing of carbonate-fluorite ore deposits of Mongolia and Transbaikal Region // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 33–37. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-33-37.

Дата поступления статьи: 27.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE TERM «POLITICAL CULTURE»

*В. В. Колпаков, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов
vladimirkolpakov15@gmail.com*

V. Kolpakov, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of RANEPА, Saratov

Статья посвящена анализу понятия «политическая культура» в политической науке. Сформулирована цель, которая состоит в обобщении различных подходов к определению политической культуры. Задача заключается в рассмотрении существующих определений политической культуры и сравнении концепций зарубежных и отечественных ученых.

В данной статье сформулированы пять подходов к определению термина «политическая культура». Первый подход составляют классические представления о политической культуре Г. Алмонда и С. Верба, которые определяют данное явление как совокупность аспектов (познавательный, эмоциональный, оценочный), а также как восприятие и понимание видимой политики соответственно. Основу второго подхода образует классификация Е. Вятра, акцентирующего внимание на политическом поведении, как ключевой части политической культуры. В свою очередь, С. Хантингтон отмечает зависимость изменений в поведении и менталитете, как составных элементов политической культуры от различных изменений: социальных, экономических, общественных, политических, информационных, технологических и прочих. В рамках третьего подхода рассматривается типологизация А. С. Панариной, рассматривающей политическую культуру как совокупность трех временных компонентов – прошлого, настоящего и будущего. Четвертый подход основан на дефинициях К. А. Воробьева, К. С. Гаджиева, А. Л. Горелова, А. Г. Грязновой, отмечающих многогранность политической культуры. На основании исследований российских ученых выделен пятый подход. М. А. Акмалова, Н. А. Баранов, В. Л. Бозаджиев, Л. Ф. Усикова, О. Н. Фомин отмечают внутреннюю структуру политической культуры, которую образуют политические знания, ценности, ориентации, шаблоны поведения, установки, ориентации, убеждения, чувства и опыт.

Сделан вывод о многозначности феномена политической культуры, т.к. рассматриваемое явление насчитывает несколько десятков интерпретаций, что подтверждает сложность теоретического осознания и восприятия. Отмечена субъективная позиция зарубежных и отечественных исследователей в определении политической культуры. Подчеркивается присутствие составных компонентов политической культуры, сформулированных классиками политической науки Г. Алмондом и С. Верба, в большинстве существующих определений данного явления

Ключевые слова: политика; политическая наука; политическая культура; политические знания; политический процесс; политическое поведение; политическая система; политический опыт; политическая деятельность; институты власти

This article analyzes the concept of «political culture» in political science. The author has formulated the goal, which is the generalization of different approaches to the definition of political culture. The task is to review existing definitions of political culture and comparison of concepts of foreign and domestic scientists.

Five approaches to the definition of the term «political culture» are formulated in this article. The first approach consists of classical notions of political culture by G. Almond and S. Verba. They define this phenomenon as a set of aspects (cognitive, emotional, evaluative), as well as the perception and understanding of the apparent policy accordingly. The basis of the second approach is defined by the classification of E. Wiatr, who focuses on the political behavior as a key part of the political culture. In turn, S. Huntington points out the dependence of

changes in behavior and mentality as the constituent elements of political culture of different changes: social, economic, social, political, informational, technological and other. In the framework of the third approach, the typology by A. S. Panarin is considered, which presents political culture as a set of three time components – past, present and future. The fourth approach is based on the definitions given by K. A. Vorobiev, K. S. Gadzhiev, A. L. Gorelov, A. G. Gryaznova, who pay attention to the diversity of political culture. Based on the studies the Russian scientists have isolated the fifth approach. M. A. Akmalova, N. A. Baranov, V. L. Bozadzhiev, L. F. Usikova, O. N. Fomin note the internal structure of political culture, which is formed by political knowledge, values, orientation, behavior patterns, attitudes, orientations, beliefs, feelings and experiences.

It is concluded that political culture is an ambiguous phenomenon, as it has dozens of interpretations, which confirm the complexity of its theoretical understanding and perception. The author has noted a subjective position of foreign and domestic researchers in the definition of political culture. The presence of the constituent components of political culture, formulated by the classics of political science G. Almond and S. Verba, in most existing definitions of this phenomenon is emphasized

Key words: politics; political science; political culture; political knowledge; political process; political behavior; political system; political experience; political activities; institutions of authority

Введение. Существенное влияние на формирование властных отношений и жизнеспособность политической системы оказывает политическая культура. В настоящее время политическая наука содержит достаточное количество дефиниций термина «политическая культура». Данное обстоятельство связано с возникновением государства и административно-политической сферы общественной жизни. В связи с многозначностью понятия «политическая культура» и субъективностью контекста его понимания, в политической науке существует несколько десятков определений данного явления, что во многом позволяет подчеркнуть разностороннюю ориентацию и политическое разнообразие данного феномена. Он понимается как свойство определенной общности, часть общей культуры, элемент политической жизни или совокупность стандартов и норм политического поведения и т.п. [12. С. 91]. При этом политическая культура может как способствовать, так и противостоять изменениям в обществе, образе жизни населения и ценностях граждан.

С целью систематизации основных подходов к интерпретации понятия «политическая культура» как одному из ключевых вопросов политической науки необходимо определить, какой именно она может быть и каким образом возможно на нее влиять для эффективного развития государства и общества. Исследования политической культуры отражены в тру-

дах как зарубежных (Г. Алмонд, С. Байт, К. фон Бойме, С. Верба, И. Гердер, М. Дуглас, Д. Дивайн, М. Дюверже, И. Инглхарт, Д. Каванах, Л. Пай, В. Парето, Дж. Плейно, В. Розенбаум, Р. Роуз, П. Шаран, Р. Ж. Шварценберг и др.), так и отечественных (А. Н. Баранов, К. А. Воробьев, К. С. Гаджиев, А. Л. Горелов, А. Г. Грязнова, Ю. Краснов, А. С. Панарин, А. И. Соловьев, О. Н. Фомин, И. Шапиро и др.) ученых. Перечисленные исследователи рассматривают определение политической культуры, ее составные компоненты, типологию, влияние на политическое поведение и т.п. Задачей данной статьи является анализ понятия «политическая культура» и сравнение понимания данного термина зарубежными и отечественными специалистами, обобщение некоторых подходов.

Существующий диапазон подходов к определению политической культуры условно можно разделить на пять основных подходов.

Первый подход связан с идеями американского ученого Г. Алмонда, который, анализируя политическую систему, определил уровни ее исследования – институциональный (институты власти, их функции, ценности и сценарии формирования политики государства) и ориентационный (ориентиры общества на политические объекты). Так, данные ориентиры состоят из знаний о структуре политической системы, институтах и механизмах выстраивания власти (познавательный аспект), чувств обще-

ства к персонам, олицетворяющим власть в представлении населения (эмоциональный аспект) и суждений, которые опираются на определенные стандарты и критерии оценивания политических явлений (оценочный аспект) [4. С. 106]. По мнению Г. Алмонда, совокупность перечисленных аспектов образует такое неоднозначное явление, как политическая культура.

Кроме того, в исследованиях Г. Алмонда политическая культура разделяется на поляризованную и консенсуальную, различие которых заключается в следующем. Так, для общества с консенсуальной политической культурой характерны центристские умеренные политические силы. В обществе с поляризованной политической культурой доминируют крайние лево- и праворадикальные политические силы. Как подчеркивает Г. Алмонд, расколы в обществах поляризованных политических культур позволяют заявить о распаде политической культуры на субкультуры, для которых свойственно отличаться первичными ценностями, взглядами, позициями и др. В связи с этим, политическую культуру поляризованного типа следует разделять на горизонтальную (деление основано на этническо-религиозных и региональных признаках) и вертикальную (социальные и демографические показатели) [9. С. 45].

По мнению С. Верба, политическая культура придает очертание форме взаимосвязи политических событий и реакции человека на данные обстоятельства. Иными словами, политические действия или бездействия населения являются ответной реакцией на деятельность институтов власти и ее представителей, военные действия, избирательные кампании, однако преобладающим фактором все же является символическое значение в понимании наблюдающих за всеми происходящими событиями индивидов. Следовательно, политическая культура является проявлением восприятия и понимания видимой политики [16]. Таким образом, по мнению ряда теоретиков, определение политической культуры является лишь новым термином устаревшего подхода [15].

Второй подход заключается в рассмотрении политического поведения как составного компонента политической культуры. Так, согласно классификации политической культуры польского исследователя Е. Вятра, рабовладельческому и феодальному типам общества подходит традиционный тип политической культуры, который характеризуется священным пониманием власти и рассмотрением традиций как инструмента регулирования политических отношений [11]. В рамках указанного типа Е. Вятр выделяет племенной, теократический и деспотичный подвиды политической культуры, что подразумевает различные виды взаимодействия друг с другом. По Е. Вятру, буржуазное общество имеет демократический (высокая политическая активность населения при наличии соответствующих прав) и автократический (сильная и бесконтрольная власть, которая ограничивает права и свободы человека и гражданина) типы политической культуры.

На наш взгляд, политическое поведение развивается в направлении увеличения уровня и интенсивности политического участия – вовлеченности в политическую систему. По мнению С. Хантингтона, политическое участие является той самой чертой, которая отличает современные демократические общества от традиционных, а также современную политику от политической жизни предыдущих поколений. «Модернизация означает мобилизацию масс, что предполагает увеличение политического участия, что, в свою очередь, является ключевым звеном политического развития». Следовательно, именно участие отличает современную политику от традиционной политики» [14. С. 110]. Таким образом, социально-экономические, общественно-политические и информационно-технологические изменения связывают с переменами в менталитете и поведении общества, т.е. в политической культуре.

Третий подход предполагает, что политическая культура является символической системой, которая включает политические нормы, ценности, традиции, идеалы и проекты будущего и состоит из трех времен:

прошлого (политические традиции), настоящего (нормы и установки поведения человека) и будущего (ожидаемое, должное). По мнению А. С. Панарина, мотивацию населения, участвующего в политическом процессе, в первую очередь, составляет достижение желаемого будущего, а не только прошлое с определенными ценностями и традициями. Политическая деятельность на самом деле является ответом на вызовы современности, невзирая на объяснение мотивов своего участия, например, защитой ценностей прошлого [8. С. 32]. С данной точки зрения, возможно заявить об отсутствии несовременных политических культур, т.к. каждое последующее поколение опирается и действует не только на прошлое, но и руководствуется нынешней политической ситуацией для достижения ориентиров будущего.

Четвертый подход основан на широком понимании политической культуры. Так, по мнению А. Г. Грязновой, политическая культура является постоянно изменяющимся явлением, которое реагирует на изменения окружающей действительности [10]. Политическая культура, являясь одним из ключевых элементов политической системы общества, отражает политическую и юридическую компетентность граждан, общественно-политических деятелей и их поведение, а также существенным образом оказывает влияние на процессы формирования и функционирования институтов власти.

Последовательное развитие общества влияет на политическую культуру так, что в зависимости от этапа развития человечества она наполняется содержанием конкретного периода времени. Однако, как считает К. А. Воробьев, нецелесообразно рассматривать политическую культуру как конъюнктурное явление, т.к. в сравнении с иными социально-политическими событиями ее динамичный характер непосредственно связан с политическим действием и(или) бездействием населения. Политические процессы характеризуются изменчивостью и динамичностью, что приводит к изменению своей направленности [10].

К. С. Гаджиев, описывая политическую культуру, указывает, что она представляет собой одновременно систему взаимоотношений и процесс производства и воспроизводства формирующих ее частей в следующих друг за другом поколениях [5. С. 22].

Аналогично, А. Л. Горелов отмечает, что уровень политической культуры периода Древней Греции, когда существовали города-государства, является образцовым. Характерной особенностью указанного периода времени являлась обязанность всех граждан участвовать в политическом процессе, а занятие политической деятельностью признавалось в качестве высшей ценности [7].

Пятый подход находит отражение в исследованиях российских ученых. Исследуя политическую культуру, они пришли к выводу, что необходимо различать политическое знание и политическую культуру. Так, ряд источников, содержащих определение политической культуры, указывает на политические знания как составной элемент данного явления [6. С. 293]. Так, по мнению О. Н. Фомина, политическая культура имеет более глубокий характер по сравнению с политическим знанием: «Можно сказать, что политическая культура – это пережитые, усвоенные и адаптированные политические знания, ставшие основой для деятельности. А политическое знание – это новое рациональное понимание политической жизни социума, то, что может быть принято и усвоено, и лишь тогда станет частью политической культуры» [13. С. 87].

По мнению Л. Ф. Усиковой, политическая культура представляет собой реализацию политических знаний, ценностей, ориентаций, стилей поведения в определенной исторической системе политико-ориентированной деятельности и отношений. «Политическая культура – исторически сформированная совокупность представлений о разных элементах политической жизни, которую образуют нормы, ценности, институты власти, политические инструменты населения и общества» [12. С. 90].

Н. А. Баранов рассматривает политическую культуру как характеристику политического опыта, уровень политических чувств и знаний, стилей поведения, функционирования политических субъектов, часть общей культуры. «Политическую культуру следует понимать, как посредника между политическим миром и окружающей средой, который обеспечивает взаимодействие между различными сферами отношений, культурными нормами, стереотипами и политическими процессами» [2. С. 203].

Как считает М. А. Акмалова, политическая культура является совокупностью установок, ценностей, ориентаций и убеждений и выражающих их символов, являющихся общепринятыми и служащих упорядочению политического опыта и регулированию политического стиля поведения всех участников общественного развития. Тем самым она не только состоит из ценностей, установок и идеалов, но и из действующих норм политической жизни [1. С. 193].

В. Л. Бозаджиев также указывает на то, что политическая культура подразумевает продиктованный ценностными ориентирами индивида о политических явлениях и демонстрируемый на практике свод правил его поведения или субъективный стиль политической деятельности [3. С. 144].

Выводы. Подводя итоги, отметим, что термин «политическая культура», введенный в научный оборот И. Гердером и ставший классическим благодаря Г. Алмонду и С. Верба, систематически исследовался и пополнялся многочисленными новыми ин-

терпретациями. Зарубежные и отечественные исследователи рассматривают политическую культуру как явление, которое состоит из политического опыта, стереотипов, мифов, стилей поведения индивидов и общества.

На наш взгляд, рассмотренный перечень определений подтверждает сложность такого явления, как политическая культура и позволяет считать, что многочисленные трактовки свидетельствуют о субъективной позиции исследователей при попытке сформулировать иное определение, отличающееся от классических концепций Г. Алмонда и С. Верба. Вместе с тем, основные элементы политической культуры, сформулированные классиками политологического сообщества, встречаются в большинстве существующих определений.

Указанные нами подходы к определению политической культуры больше необходимы для теоретического осознания специфики данного явления. Каждое определение взаимодополняет друг и друга, подтверждая многогранность политической культуры как феномена. Таким образом, политическая культура представляет собой систему регулирования общественных отношений населения и власти, политических институтов и процессов, которая осуществляет перевод внешнего контроля политического поведения населения во внутренний – посредством усвоения норм, традиций, ценностей и идеалов, которые обеспечивают активность общества, групп, человека и их выбор при принятии решений.

Список литературы

1. Акмалова М. А. Теоретико-методологические основы политической культуры // Вестник ТГУПБП. 2013. № 4 (56). С. 193–198.
2. Баранов Н. А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды СПбГУКИ. 2015. № 208. С. 203–213.
3. Бозаджиев В. Л. Политическая культура личности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3–1. С. 144–145.
4. Будаева Д. Ц., Черкун Е. Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник БГУ. 2013. № 6. С. 105–109.
5. Омеличкин О. В. Концепт политической культуры в российской политологии // Вестник КемГУ. Сер. Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2 (2). С. 21–28.
6. Погосян Л. А., Гражданкина Л. Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4 (43). С. 293–295.

7. Политическая культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/23.htm (дата обращения: 02.03.2017).
8. Сигачев М. И. Восточная альтернатива в работах А. С. Панарина // Вестник ВятГГУ. 2015. № 6. С. 31–37.
9. Соловьева М. А. Развитие представлений о феномене политической культуры // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 35–50.
10. Сущность политической культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.sale/kurs-politologii-obschiy/1611-suschnost-politicheskoy-87859.html> (дата обращения: 02.03.2017).
11. Типология политической культуры Вятра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banauka.ru/2354.html> (дата обращения: 02.03.2017).
12. Усикова Л. Ф. Политическая культура // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. № 1. С. 90–101.
13. Фомин О. Н. Политическая культура как фактор политического процесса // Власть. 2012. № 3. С. 86–89.
14. Huntington S. Political development and Political decay // Politics in Advanced Nations: Modernization Development and Contemporary Change. Prentice Hall, 1974.
15. Kavanagh D. Political Science and Political Behaviour. London, 1983. p. 48.
16. Verba S., Pye L. Conclusions: Comparative Political Culture // Political Culture and Political Development Princeton, 1965. p. 516.

References

1. Akmalova M. A. *Vestnik TGUPBP* (Bulletin of TGUPBP), 2013, no. 4 (56), pp. 193–198.
2. Baranov N.A. *Trudy SPbGUKI* (Proceedings of SPbGUKI), 2015, no. 208, pp. 203–213.
3. Bozadzhiev V. L. *Mezhdunarodny zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovaniy* (International Journal of Applied and Basic Researches), 2014, no. 3–1, pp. 144–145.
4. Budaeva D. C., Cherkun E. Yu. *Vestnik BCU* (Bulletin of BSU), 2013, no. 6, pp. 105–109.
5. Omelichkin O. V. *Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* (Bulletin of KemSU. Series: political, sociological and economic sciences), 2016, no. 2 (2), pp. 21–28.
6. Pogosyan L. A., Grazhdankina L. Yu. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta* (Bulletin of the North Caucasus Federal University), 2014, no. 4 (43), pp. 293–295.
7. *Politicheskaya kultura* (Political culture) Available at: http://www.read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/23.htm (Date of access: 02.03.2017).
8. Sigachev M. I. *Vestnik VyatGGU* (Bulletin of VyatSHU), 2015, no. 6, pp. 31–37.
9. Solovieva M. A. *Noveyshaya istoriya Rossii* (The recent history of Russia), 2012, no. 1, pp. 35–50.
10. *Sushhnost politicheskoy kulturey* (The essence of political culture). Available at: <http://www.lib.sale/kurs-politologii-obschiy/1611-suschnost-politicheskoy-87859.html> (Date of access: 02.03.2017).
11. *Tipologiya politicheskoy kulturey Vyatra* (Vyatr typology of political culture) Available at: <http://www.banauka.ru/2354.html> (Date of access: 02.03.2017).
12. Usikova L. F. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturey, smysly* (Locus: people, society, culture, meanings), 2010. no. 1, pp. 90–101.
13. Fomin O. N. *Vlast* (Power), 2012, no. 3, pp. 86–89.
14. Huntington S. *Politics in Advanced Nations: Modernization Development and Contemporary Change* (Politics in Advanced Nations: Modernization Development and Contemporary Change). Prentice Hall, 1974.
15. Kavanagh D. *Political Science and Political Behaviour* [Political Science and Political Behaviour]. London, 1983, p. 48.
16. Verba S., Pye L. *Political Culture and Political Development Princeton* (Political Culture and Political Development Princeton), 1965, p. 516.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Колшаков Владимир Владимирович, аспирант, кафедра «Политические науки», Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, специалист научного отдела, Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково, Россия. Область научных интересов: политическая культура, интернет, политические процессы, политические коммуникации, средства массовой информации, предвыборная кампания
vladimirkolpakov15@gmail.com

Vladimir Kolpakov, postgraduate, Political Parties department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of RANEPА, Saratov, specialist of science department, Balakovo branch of RANEPА, Balakovo, Russia. Sphere of scientific interests: political culture, Internet, political processes, political communication, media, election campaign

Образец цитирования

Колпаков В. В. Подходы к определению термина «политическая культура» // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 38–44. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-38-44.

Kolpakov V. V. Approaches to the definition of the term «political culture» // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 38–44. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-38-44.

Дата поступления статьи: 06.03.2017 г.

Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 321

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

STATEHOOD AND CLASS STRUCTURE OF A MODERN SOCIETY

*А. М. Колядин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва
andy@list.ru*

*A. Kolyadin, Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow*

Анализируется классовая структура современного общества. Рассматривается феномен формирования нового класса, связанного с существенным расширением сферы услуг, приводятся признаки этого класса, его ценности и особенности организации. Отмечается, что новый класс демонстрирует собственные цели и интересы, является носителем социальной активности, создателем инноваций в экономике, политике, культуре, коммуникациях

Ключевые слова: *классовая структура; государственность; информационное общество; собственность; общественное производство; социальный статус; суперкреативное ядро; индустриальное общество; креативный класс; новый класс; современное общество*

The class structure of a modern society is analyzed. The phenomenon of formation of a new class connected with essential expansion of services sphere is considered; the signs of this class, its value and feature of the organization are given. It is noticed, that the new class shows own purposes and interests and is a carrier of social activity, founder of innovations in economy, politics, culture, communications

Key words: *class structure; statehood; information society; ownership; social production; social status; super creative main body; industrial society, creative class, new class, modern society*

В контексте рассмотренной нами ранее классовой модели (см. "Вестник ЗабГУ", Т. 23. № 3. С. 53–60) имеет смысл оценивать классовую структуру современного общества. Но при этом следует учитывать влияние ряда факторов, существенным образом затеняющих картину, и в первую очередь это противоречие между глобальным характером экономики и локальной экономикой, являющейся, как правило, объектом социологического анализа, ограничивающимся национальными рамками. Попытки провести анализ в масштабах всего человеческого сообщества, мировой социальной структуры, подобные, напри-

мер, экспериментам М. Кастельса, по объективным причинам чрезвычайно сложны и крайне редки [8]. Тут дело осложняет и масштаб изучаемых явлений, и отсутствие методологий, подходящих для учета положения социальных групп, близких по генезису и локусу, разделенных, однако, национальными границами и национальными условиями [9; 11; 12; 13]. Поэтому, например, раздувшаяся сфера услуг, типичная для богатых метрополий, получающих доходы от эксплуатации периферии (в Англии в 1850 г. такой вид занятости, как «прислуга» был вторым по численности, уступая только сельским работникам и

опережая промышленных рабочих), часто объявляется не следствием привилегированного положения западных стран в глобальной системе разделения труда, а имманентным свойством социальной структуры будущего. Сам новый класс, вне строгих представлений о сути разделения труда, в представлениях западных ученых имеет крайне нечеткие границы, куда относят и социальные группы — представителей укладов, уходящих в прошлое, и названный сектор услуг, который также не имеет строгих критериев, ибо к нему относят и парикмахера, и финансиста, предоставляющего «финансовые услуги», и специфические социальные коллективы, вызванные к жизни кризисным состоянием капиталистического мироустройства, как, например, так называемый креативный класс.

Формирование нового класса связано, прежде всего, с изменением доминанты производственного процесса, суть которого в нынешней экономике фактически сводилась к получению денежной прибыли. Теперь цели и мотивы производства становятся другими. Так, увеличение доли капитала в национальном доходе и рост производительности в компаниях при снижающейся оплате труда свидетельствуют, на взгляд В. Л. Иноземцева, о том, что принципы организации индустриального общества прекращают действовать. Р. Флорида отмечал, что раньше ведущей силой экономического развития «были компании и предприятия, и города определяли свой статус по количеству расположенных на их территории головных офисов корпораций», теперь этой ведущей силой стала способность руководства городов создать креативную экономику. А. Бард и Я. Зодерквист уверяют, что уже в недалеком будущем «каждая успешная в этом отношении персона или организация будет осаждаваться бесчисленными инвесторами, охотящимися за информацией, которые будут готовы, стоя на коленях, умолять разрешить им инвестировать их капиталы в деятельность, которую они даже до конца не понимают, и они будут просто вынуждены приспособливаться к разнообразным нетократическим прихо-

тям» [8. С. 208]. Особенности современного производственного процесса культивируют особые черты у его участников.

Первый, основной признак представителей нового класса — высокий уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного для большинства граждан, составляющих совокупную рабочую силу. В людях все более ценится квалификация, профессиональные знания и навыки, умение правильно их применять. По показателю этого капитала «образованности» «многие представители рабочего или обслуживающего класса могут найти себе место в креативном классе и даже в его суперкреативном ядре». Высокие требования на производстве, в науке и технологиях к уровню образования приводят к росту стандартов знания, поэтому границы нового класса «никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом» [7].

Характерно, что еще естественно-органическая школа происхождения классов выделяла в высший класс ученых, чиновников высокого ранга и других выдающихся лиц, получивших академическое образование [10. С. 169].

Второй признак — самостоятельная ведущая роль нового класса в современном производственном процессе. Согласно Р. Флориде, к суперкреативному ядру относятся профессионалы в области программирования и математики, естественных и социальных наук, образования и воспитания, дизайна и СМИ, а к «креативным профессионалам» — управленческие и руководящие кадры, специалисты в области бизнеса и финансов, права и т.д. Любая передовая отрасль хозяйства страны не может обойтись без такого рода профессионалов в ключевых технологических операциях [4].

В. Л. Иноземцев утверждает, что новый высший класс постиндустриального общества «как никогда прежде является трудящимся классом». Все упомянутые авторы отмечают востребованность его представителей в экономике, а американский профессор — как следствие этого — свободные отношения с работодателями. Члены нового класса могут позволить себе рабо-

тать дома, выполнять только те виды работ, которые им нравятся, и сами устанавливать себе рабочие часы. Правда, за подобную свободу приходится платить потерей заработка — подходящую работу найти нелегко, и она не обязательно хорошо оплачивается [14. С. 127]. Труд и человеческий капитал становятся непосредственной производительной силой.

Третий признак нового класса — экономическая независимость от средств производства работодателя, свобода выбора предметов и средств труда в изготовлении конечного продукта.

У интеллектуалов наличествует личная собственность на средства производства (оргтехника и компьютер с программным обеспечением, средства коммуникации). Дорогостоящее исследовательское оборудование можно брать в кредит.

«Члены креативного класса обычно не владеют какой-либо существенной собственностью в материальном смысле, — свидетельствует Флорида. — Их собственность, проистекающая из творческих способностей, не имеет физической формы, поскольку располагается буквально у них в мозгу». Все участники производства имеют доступ ко всей необходимой информации в конкретной нетократической сети и могут внести свой вклад в трудовой процесс, при этом каждый имеет возможность высказать свое мнение и участвовать в принятии решений. Технологическое развитие предоставляет каждому работнику немислимые прежде рычаги влияния относительно его рабочей ситуации [14. С. 196]. В результате работник более свободен и в меньшей степени отчужден от конечного продукта.

Четвертый признак представителей нового класса — творческий характер и индивидуальные условия работы, особые требования к рабочему пространству [3].

В индустриальную эпоху этому фактору отводился минимум внимания, и в экономические формулы и показатели он не попадал. Типичная трудовая обстановка второй половины XX в.: ряды рабочих столов (или станков, или кульманов) в большом помещении, разделенном на кабинки

(участки, сектора, отделы), способствующие корпоративному образу мышления; местам, не относящимся к производству, отведен минимум пространства.

Современные условия противоположны старым — открытая планировка офисов, высокие потолки; проходы вдоль внешней стены (поскольку «вид на улицу принадлежит всем»); удобно расположенные, хорошо спланированные и оснащенные помещения общего пользования; изобилие мест отдыха и общения; отсутствие лишней вещей, отдельные места для хранения; эстетическая атмосфера, включающая качественный дизайн, яркие цвета; отраженный свет; многочисленные произведения искусства.

Креативная деятельность ведется на проектной основе, а проектам свойственна цикличность. Кроме того, такая работа «требует гигантской концентрации, поэтому люди нуждаются в свободном времени и гибких условиях, позволяющих им немного расслабиться в течение дня», — считает Р. Флорида. Поэтому компании стремятся создавать рабочие места с «индивидуальной структурой», отвечающей интересам сотрудников [14. С. 145]. В итоге не только работодатель определяет норму необходимого и прибавочного времени, но и сам работник может задавать эти соотношения.

Таким образом, новый класс ориентирован на небывалый, только нарождающийся «информационно-технологический» тип производства, который более сложен и имеет в основе все предшествующие способы [5]. Традиционной индустриально-капиталистической деятельности будет отведена второстепенная роль: «Капиталисты станут низшим классом, занятым возней вокруг устаревшей, второсортной информации», а новый класс будет забирать финансовые доходы, власть, статус и всеобщее внимание [6. С. 202].

В производственном процессе повышается роль разных видов капитала, расширяется понятие «средства производства», постепенно падает значимость индустриальных принципов организации труда.

Вторая группа признаков нового класса объединяется на основе приверженности особой системе ценностей, не соответствующей протестантской этике, характерной для индустриального производства.

В. Л. Иноземцев отмечает у интеллектуалов появление «нематериалистических ценностей» и целей, связанных с самоутверждением личности.

Высокий уровень доходов и социальная защита делают заботу о материальных условиях существования второстепенной. По мнению Р. Флориды, новый класс привержен гедонистичной богемной этике – в удовольствии и счастье; однако, не в «глубокой распушенности и алчных излишествах», а в «принятии и переживании того, что предлагает жизнь». А. Бард и Я. Зодерквист констатируют невозможность фиксировать этот стиль жизни: он всегда будет претерпевать постоянные изменения. Все ранее существующие представления об обычных понятиях и терминах будут пересмотрены в новой общественной парадигме «с изменением технологического и общественного контекста» [6. С. 144].

В новой системе ценностей большое значение будут иметь факторы качества потребления и влияния окружающей среды как стимуляторы творчества, креативности. Поэтому можно выделить характерные черты внутриклассовых ценностных ориентировок, дополняющие выведенные из процесса производства.

Это, прежде всего, высокая мобильность и горизонтальный рынок труда. На смену вертикальной иерархии и традиционному служебному продвижению пришли горизонтальное разделение труда, карьерный рост со сменой компаний.

Лозунг: «плох тот солдат, который не хочет стать генералом» не действует в отношении интеллектуалов. Представители нового класса постоянно меняют места работы в поисках подходящего варианта. «То, насколько выгодны экономические условия, не будет иметь значения: города и регионы будут проигрывать, если не смогут предложить достаточно привлекательный стиль жизни и стимулирующую

культурную среду». Это – принципиальный вопрос нетократической миграции, связанной со стилем жизни, – утверждают А. Бард и Я. Зодерквист. В ходе горизонтальных перемещений представители нового класса особо заботятся о своей репутации и наращивают человеческий капитал, стремясь фактически увеличить ренту с него. В итоге «игровое поле остается горизонтальным, – отмечает Р. Флорида, – и уровень мобильности в нем достаточно высок». А вследствие ослабления вертикали даже «начальство перестало понимать, чем занимаются нижестоящие служащие» [6. С. 138].

Другой признак представителей нового класса – аутентичный отдых как продолжение работы.

Представители нового класса нуждаются в особенном мироощущении для максимально плодотворного труда. Кроме того, творческая практика предполагает в основном умственную деятельность и сидячую работу, поэтому интеллектуалы нуждаются в физических нагрузках, смене обстановки, новых ощущениях. Их отдых отличается от традиционного досуга. Они предпочитают скалолазание, велосипед или занятие бегом вместо просмотра спортивных передач по телевидению; путешествия, которые обеспечивают интеллектуальную или физическую стимуляцию. Они едут в места, не разработанные туристической индустрией, слушают музыку, которую массово не производят фирмы звукозаписи, пользуются веб-сайтами, не содержащими рекламу, потребляют товары и услуги, которые «не упоминаются в медиа» и потому широко не известны. Например, представитель нового класса предпочтет необычные антикварные предметы обстановки или оригинальную мебель в стиле модерн вместо стандартного дивана [6. С. 145–146].

Третий признак в этой группе – открытость новому опыту. Так, Р. Флорида акцентирует внимание на том, чтобы сознание было «открыто», что является предпосылкой конструктивной креативности. В этом случае в человеке не формируются защитные процессы, действительность вос-

принимается свободно, без искажения. Открытость означает «проницаемость границ между концепциями, мнениями, представлениями и гипотезами, а также способность получать какой угодно объем противоречивой информации».

При этом цельность человека не разрушается, считает Р. Флорида. Индивидуальность, своеобразие и самоутверждение, атмосфера терпимости к различиям и оригинальности на рабочих местах — все это способствует формированию свободного восприятия нового опыта. По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, в сети человек окажется в состоянии постоянного становления, исключительной восприимчивости к новым веяниям и постоянной переоценки ценностей (правда, это не касается лиц, занимающих высокие позиции в сетевой иерархии) [6. С. 187, 206]. Открытость поддерживает способность к инновациям на высоком уровне, усиливает конструктивную креативность.

Четвертым признаком является высокая значимость внимания как источника желаний, потребностей, мотиваций и деятельности представителей нового класса.

В современном развитом обществе реализованы основные естественно-физиологические и материальные потребности большей части населения, обеспечивающие его жизнедеятельность. Главным становится вопрос о возможности удовлетворения духовных и искусственных материальных потребностей.

Система ценностей нового класса построена на единстве, взаимозависимости производства и потребления. Пересмотр значений этих двух терминов А. Бард и Я. Зодерквист считают центральным вопросом информационной парадигмы.

Так, согласно буржуазным представлениям, каждый, кто не имеет работы или занят домашними заботами, ничего не достиг в этот день. Его время может быть заполнено практическими делами и социальными контактами или потреблением материальных и духовных благ, но все это не достойно уважения в условиях, когда единственно полезным считается производство товаров

и услуг, и как следствие — добавленной стоимости. Работа является долгом перед обществом, а собственная производительность и полезность — служением другим.

С точки зрения капиталистической парадигмы и протестантской трудовой этики производство является позитивным процессом, а потребление негативно — это уменьшение накопленных благ, расточительная слабость, которую люди могут себе позволить, только что-то при этом производя.

В нынешней ситуации человек все глубже погружается в единый производственно-потребительный процесс, а деятельность на рабочем месте во все большей степени предполагает преобразование информации и усвоение знаний, полученных другими людьми. В результате происходит размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между созидательной деятельностью и досугом. В возникающем едином процессе производство нацелено на потребление, а потребление обеспечивается производительной деятельностью, воспринимаемой в качестве «своеобразного досуга». В информационную эпоху массовое производство товаров и услуг все больше становится делом автоматизированных предприятий, и сама трудовая деятельность (с ее индустриальной мотивацией) уже не является организующим принципом общества.

Можно выделить еще одну, третью группу признаков нового класса, которая связана с системой организации общества и пока не имеет таких четких характеристик, какие отмечены в двух предыдущих группах. Это вызвано не устоявшимся положением нового класса в стратификационной системе.

В работах упомянутых исследователей признаки класса отражают новую структуру социальных отношений, формирующую приемлемое для него коллективное ассоциирование в обществе, в котором он пока воспринимается как чужой. Так, индустриальным «ботанистанам» в стиле Силиконовой долины (это регионы «с быстрым экономическим ростом, но и расползающиеся, загрязненные и с транспортными пробле-

мами») Р. Флорида противопоставляет оазисы расселения нового класса. В последних университеты играют особые роли, «отражающие технологию, талант и толерантность».

В «оазисах» местные власти поддерживают атмосферу креативности, культивируя ее «всевозможными средствами», и стабильность, взяв на себя риск, связанный с переменой жителями места работы.

Такие условия позволяют создать «креативную мешанину, где каждый мог расслабиться и быть самим собой». В. Л. Иноземцев отмечает другую сторону – изменение характера восприятия человеком окружающего мира, отношения к себе и окружающим, потребление большого объема информационных услуг, доминирование внутренних стимулов деятельности.

Если доиндустриальное и индустриальное общества базируются на взаимодействии человека с природой и с преобразованной им природой, то постиндустриальное общество характеризуется взаимодействием между людьми.

«Креативная мешанина» с «возрастающим интеллектуальным капиталом» и «интерактивным обменом многоликих индивидуалов» (пользуясь терминами соответственно Р. Флориды, В. Л. Иноземцева, А. Барда и Я. Зодерквиста) представляет собой подсистему общества более высокого, чем индустриальный, уровня сложности. В ней проявляются новые закономерности.

1. Возникают новые формы группового ассоциирования и общественных структур. Люди креативных профессий предпочитают «гибкие, квазиавтономные сообщества» – сети, к которым можно быстро подключаться, пользоваться их возможностями и расширять круг общения. Социальный статус человека определяется членством в конкретной сети, группе. Статус самих сетей определяется эффективностью работы их профессиональных кураторов – «арбитров вкуса и сетикета». Конкуренция кураторов на сетевом рынке вынуждает их постоянно заниматься рекламой собственной сети и убеждать окружающих в ее превосходстве. Сети-сообщества создают свои влиятельные альянсы, формируя иерархическую

социальную пирамиду. Низшие слои в пирамиде более склонны, чем средние, к материальным ценностям [1; 2].

2. Новый класс приносит в общество свое представление о ценности свободного времени. Переход от индустриального к информационному производству сопровождается сокращением рабочего времени, что позволяет сочетать профессиональный труд, личную жизнь и общественную активность.

Культура в одном из ключевых значений отражает степень организации социума, в ней содержится представление разных слоев об общественно необходимом и о свободном времени. Новый класс уделяет особое внимание поиску «стратегии углубления» свободного времени. В одном варианте она сводится к ускорению темпа деятельности; замене затратной по времени формы досуга на ускоренную; совмещению сразу нескольких занятий; деятельному планированию времени; дроблению времени с целью его контроля и т.д.

С точки зрения нового класса, ценность окружающих людей и общественных организаций в их способности качественно реализовать свободное время, а эффективность государственных структур – в экономии времени.

3. Искажается представление о демократии из-за изменения ее институтов и форм. В политике, например, главным источником власти становится информация, она общедоступна для участия каждого в принятии политических решений. Но возможности ее преобразования и использования как знания сильно разнятся, что вызвано неодинаковыми способностями людей, поэтому в социально-экономической сфере неравенство только усиливается.

Сферы культуры и коммуникаций демонстрируют многообразие и конкуренцию, но из-за большого влияния социально-экономического ресурса демократия доступна только сильным. Наличие интернета возродит прямую форму демократии (люди могут мгновенно высказаться по любой проблеме), тем самым спасет ее от угрозы «порабощения медиатерапиями».

4. Растет потребность в новом типе государства. А. Бард и Я. Зодерквист отмечают поражение существующего государства от СМИ — первой, но не последней, созданной нетократами сети. Кульминацией станет «полнейшая беспомощность политиков» и диктатура медиа-империй. Вдобавок интернет «покончит с существованием избранных-посредников» и сделает ненужным парламент — традиционный элемент государства. Все это даст дорогу борьбе между заинтересованными группами за право определять допустимые нормы и практики: то, что государство считает неэтичным сегодня, без него «завтра будет принято повсеместно». По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, в подтверждение такого исхода обнаруживается, что представители нового класса уже не нуждаются в существующем государстве.

Современные технологии позволяют им уклоняться от уплаты налогов, частное страхование сполна обеспечивает медицинское обслуживание, частные школы — обучение детей, а частные охранники — защиту частных владений.

Авторы отмечают, кроме того, враждебность государства с его традиционным рыночным подходом к любой «активности за пределами экономического сектора» (к домашней работе, различным формам общественной деятельности) из-за сложности контроля и налогообложения. Статус человеку дает не задача, а форма ее реализации. Например, когда родители присматривают вместо своих собственных за чужими детьми, их работа облагается налогами и включается в государственную статистику, в итоге появляется «экономический рост» [6. С. 71–77].

Список литературы

1. Абезгильдин Р. Р. Политические сети в современном мироустройстве // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 124–132.
2. Абезгильдин Р. Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 109–116.
3. Алтынкович Е. Е. Общество сетевых структур и «отчуждение» личности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 185–194.
4. Алтынкович Е. Е. Личность в условиях «множественной идентичности» // Правовое поле современной экономики. 2016. № 3. С. 171–184.
5. Алтынкович Е. Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологические основания возникновения // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 133–140.

Таким образом, традиционное государство все более теряет доверие общества и не имеет рычагов воздействия на новый класс.

Авторы приведенных исследований сосредоточили внимание на разных аспектах проявления нового класса. Мы попытались обобщить их представления и сделать некоторые выводы.

Новый класс демонстрирует собственные цели и интересы, является носителем социальной активности, создателем инноваций в экономике, политике, культуре, коммуникациях. Он формирует собственное видение будущего, идеологию и организацию информационного общества и становится основным субъектом политики, субъектом истории. Другие существующие сейчас классы в состоянии лишь играть политические роли индустриальной эпохи. Так было во времена падения античности, когда рабы устраивали большие восстания (или в эпоху позднего средневековья, когда бунтовали крестьяне), но эти бунты не могли изменить сложившийся миропорядок. Только представители новых классов в лице феодалов или, затем, буржуа-предпринимателей, живших по принципам новой эпохи, оказались теми субъектами политики, которые выводили общество из-под угрозы упадка и исчезновения. Такая же роль сейчас отводится новому классу.

Этот класс возрождает аристотелевское положение *homo politicus* в царстве политики. В нем граждане участвовали в обсуждении общественных дел без насилия или принуждения со стороны государства, выражали собственные мнения, обозначая свою индивидуальность и публично заявляя о совершенстве своей персоны.

6. Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
7. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 69–70.
8. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулин А. Г. *Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ*. СПб.: Фонд «Университет», 2001. 208 с. (Сер. Безопасность человека и общества).
10. Солнцев С. И. *Общественные классы*. М.: Астрель, 2008.
11. Тихомиров Ю. А. *Государственность: крах или воскрешение* // Государство и право. 1992. № 9. С. 11–19.
12. Тихомиров Ю. А. *Государство на рубеже столетий* // Государство и право. 1997. № 2. С. 24–32.
13. Тихомиров Ю. А. *О модернизации государства* // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3–16.
14. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика XXI, 2007.

References

1. Abezgildin R. R. *Mir politiki i sotsiologii* (World of politics and sociology), 2016, no. 5, pp. 124–132.
2. Abezgildin R. R. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* (Law science: history and modernity), 2016, no. 3, pp. 109–116.
3. Altynkovich E. E. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* (Law Science: history and modernity), 2016, no. 5, pp. 185–194.
4. Altynkovich E. E. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki* (Legal field of modern economy), 2016, no. 3, pp. 171–184.
5. Altynkovich E. E. *Mir politiki i sotsiologii* (The world of politics and sociology), 2016, no. 5, pp. 133–140.
6. Bard A., Zoderquist Ya. *Netokratiya. Novaya pravayashaya elita i zhizn posle kapitalizma* [Netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 252 p.
7. Inozemtsev V. L. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Researches), 2000, no. 6, pp. 69–70.
8. Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
9. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Khabibulin A. G. *Gosudarstvennost kak fenomen i obekt tipologii: teoretiko-metodologicheskij analiz* (Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis). St. Petersburg: Fund «University», 2001. Ser. Safety of man and society. 208 p.
10. Solntsev S. I. *Obshchestvennyye klassy* [Public classes]. Moscow: Astrel, 2008.
11. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1992, no. 9, pp. 11–19.
12. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1997, no. 2, pp. 24–32.
13. Tikhomirov Yu. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2004, no. 4, pp. 3–16.
14. Florida R. *Kreativny klass: lyudi, kotorye menayut budushhee* [Creative class: people who change the future]. Moscow: Classics XXI, 2007.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Колядин Андрей Михайлович, канд. полит. наук, докторант, кафедра «Российская политика», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия. Область научных интересов: классовая структура общества
andy@list.ru

Andrey Kolyadin, candidate of political sciences, doctoral candidate, Russian Policy department, Moscow State University named after V. M. Lomonosov, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: class structure of society

Образец цитирования

Колядин А. М. *Государственность и классовая структура современного общества* // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 45–52. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52.

Kolyadin A. *Statehood and class structure of a modern society* // Transbaikalian State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 45–52. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52.

Дата поступления статьи: 14.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 353.2

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-53-61

**ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**PROXIES OF THE REGIONAL PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE FIELD OF LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL
MANAGEMENT: EXPERIENCE OF SARATOV REGION**

*А. Н. Крахмалов, Балаковский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, г. Балаково
Krahmalov-honour@mail.ru*

*A. Krahmalov, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Balakovo*

Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации и анализу трансформации норм федерального законодательства в области местного самоуправления. Автор акцентирует внимание на том, что в правовом регулировании местного самоуправления наблюдается расширение полномочий субъектов Российской Федерации, что приводит к изменению базовой сути федерального законодательства. Рассматриваются новые полномочия субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления. Анализ законодательства свидетельствует о том, что трансформация нормативной базы о местном самоуправлении приводит к изменениям в правовой системе и судебной практике по определению роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления. Особое внимание уделяется анализу опыта Саратовской области при реализации полномочий, касающихся принятия решения о создании в городском округе внутригородских районов, участия в формировании перечня вопросов местного значения сельского поселения, определения способа формирования представительного органа муниципального района, определения способа замещения должности главы муниципального образования. В заключение автор указывает на снижение роли муниципальных образований и органов местного самоуправления в определении объема своей компетенции, на то, что создание новых типов местных конструкций и изменение принципов формирования органов местного самоуправления было отдано на усмотрение органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Автор обосновывает тенденции и изменения в законодательстве о местном самоуправлении Саратовской области тем, что они отражают социально-политические особенности области и призваны обеспечить формирование сбалансированной модели местного самоуправления

Ключевые слова: местное самоуправление; публичная власть; полномочия; органы государственной власти; органы местного самоуправления; законодательство; правовое регулирование; вопросы местного значения; сельское поселение; представительный орган

The article is devoted to the actual aspects of legal regulation of municipal management in the Russian Federation and analysis of the federal legislation principals' in municipal management. The author focuses on the expanding of proxies of the Russian Federation regional public establishments' in municipal management and as the result it makes changes of the main principals of the municipal management in the Russian Federation. New proxies of the Russian Federation regional public establishments in municipal management are considered in the article. The analysis of legislation proves that transformation of municipal management juridical base changes into a low system and court practice of the Russian Federation public establishments' determination position in municipal management. Special attention is taken into consideration to the analysis of the experience of Saratov region in realization of proxies, concerning making decisions of intra-urban zones formation in urban districts, taking participation in forming of municipal affairs' list of country settlements' interests, determination of the method

of municipal district representative establishment formation, determination of the method of taking the place of the head of municipal district position. In conclusion, the author indicates to the municipal districts and the representative establishments' position reduction in competence quantity definition and also the author indicates the creation of new types of municipal constructions and change of forming the municipal establishments' principles which were given to the Russian Federation public establishments. The author substantiates prospects and changes of Saratov region municipal management law and points out that they reflect social and political features of the region and provide the municipal management balanced model formation

Key words: municipal management; public administration; proxies; regional public establishments; municipal establishments; legal regulation; municipal affairs; country settlement; representative establishment

Введение. В системе публичной власти России особое место занимает местное самоуправление, основным предназначением которого является решение населением вопросов местного значения [5. С. 225]. Реформа местного самоуправления обеспечивает формирование и, вместе с тем, поиск форм, методов и механизмов сочетания интересов государства и муниципальных образований, государственных и муниципальных полномочий в области местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации определила местное самоуправление как одну из самостоятельных форм осуществления власти народом [6. С. 41] и то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако данная конституционная формула не отрицает возможность взаимодействия и сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления. Конституция Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень органов, через которые народ осуществляет свою власть. К таковым относятся органы государственной власти и органы местного самоуправления. Никакие другие органы не вправе наделяться властными полномочиями.

Несмотря на то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, из этого не следует, что они не относятся к органам публичной власти. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П отметил, что вне зависимости от того, что органы местного самоуправления являются органами власти, сам по себе данный факт

не свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной.

Методология и методика исследования. Одним из ключевых для понимания местного самоуправления как конституционной ценности является Постановление Конституционного Суда от 30 ноября 2000 г. № 15-П по так называемому «Курскому делу». В этом решении подчеркивалось, что как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникает на основании Конституции Российской Федерации и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования. Это, в частности, означает невозможность отказа от местного самоуправления, поскольку местное самоуправление является одной из основ конституционного строя [11. С. 34].

Согласно тому же Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П ст. 72 Конституции Российской Федерации относит установление общих принципов организации местного самоуправления к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что позволяет субъекту Российской Федерации в пределах своих полномочий конкретизировать федеральное регулирование в данной области.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти. Недопустимость же ограничения прав местно-

го самоуправления и принадлежащих ему полномочий по вопросам местного значения составляет одну из основ конституционного статуса местного самоуправления [10. С. 75].

В свою очередь, изменение норм федерального законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации и принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» привело к изменению и расширению полномочий субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления. У субъектов Российской Федерации изъяты такие ранее предоставленные им полномочия Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», заложившем правовые основы местного самоуправления в России [4. С. 27], как регулирование порядка установления и изменения границ муниципальных образований, определение порядка регистрации уставов муниципальных образований, установление статуса выборных лиц местного самоуправления и др. При этом у субъектов Российской Федерации остались традиционные для них полномочия по утверждению границ муниципальных образований, регулированию в рамках федерального законодательства муниципальной службы, порядка проведения муниципальных выборов и местных референдумов, по назначению органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектами Российской Федерации.

В частности, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ предусмотрел другие полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации: отмена и приостановление действия муниципальных правовых актов, регулирующих осуществление органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий; инициирование и участие в процедурах удаления главы муниципального образования в отставку и др.

При этом принципиально новым этапом в реформировании российского местного самоуправления являются изменения, внесенные Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в которых принята попытка реформирования местного самоуправления на принципиально иных основах [8. С. 17]. Необходимо указать на то, что, на взгляд ряда ученых [2; 7], некоторые положения данного Федерального закона концептуально напоминают возвращение к истокам советской модели организации местной власти [9. С. 25].

Стержнем указанного закона является введенный в муниципальное законодательство правовой институт перераспределения полномочий [1. С. 14], а также существенное расширение полномочий у органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления.

К таковым полномочиям следует отнести принятие решения о создании в городском округе внутригородских районов; участие в формировании перечня вопросов местного значения сельского поселения, дополнение перечня вопросов местного значения городских округов с внутригородским делением, внутригородских районов, разграничение полномочий по решению указанных вопросов местного значения; перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации; определение способа формирования представительного органа муниципального района, городского округа с внутригородским делением; определение способа замещения должности главы муниципального образования и места данного лица в структуре органов местного самоуправления и др.

Наиболее существенные изменения произошли на уровне сельских поселений. Перечень решаемых ими вопросов местного значения сокращен до 13 вопросов. Законами субъекта Российской Федерации за

сельскими поселениями могут закрепляться также другие вопросы из числа предусмотренных вопросов местного значения городских поселений.

Между тем, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П указано, что из прямого предписания ст.ст. 130, 131 Конституции Российской Федерации следует, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. На органы же государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. Таким образом, из рассматриваемого решения следует, что вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти.

В свою очередь, трансформация законодательства о местном самоуправлении приводит к изменениям в правовой системе и судебной практике по определению роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления.

Примером подтверждения данной позиции служит Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П, согласно которому конституционно-правовым статусом и предназначением местного самоуправления обуславливается необходимость сбалансированного сочетания в его организации и деятельности общегосударственных, региональных и местных интересов. Кроме того, предопределяется необходимость согласованной деятельности органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов Российской Федерации на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильное и эффективное осуществление функций публичной власти по созданию на соответствующей территории достой-

ных условий жизни и свободного развития человека. Следовательно, новая позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводится к тому, что вопросы местного значения теперь могут решать не только органы местного самоуправления или население непосредственно, но и органы государственной власти.

Анализируя подобное решение, возникает вопрос о снижении роли самих муниципальных образований и органов местного самоуправления в определении объема своей компетенции. Данное решение имеет не только юридическое, но и политическое значение [3. С. 7].

Обосновав конституционно-правовой статус местного самоуправления и проанализировав трансформацию полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления, можно перейти к изучению опыта правового регулирования местного самоуправления и проанализировать особенности формирования нормативной основы системы местного самоуправления в Саратовской области.

Результаты исследования и область их применения. Функционирование местного самоуправления в Саратовской области в полном объеме началось с 2009 г., когда на территории области закончился переходный период вступления в силу Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, в соответствии с позицией областных органов государственной власти единый региональный закон о местном самоуправлении в Саратовской области отсутствует. Вопросы правовой регламентации формирования и функционирования местного самоуправления в области решаются на основе норм соответствующего Федерального закона № 131-ФЗ, положений Устава Саратовской области и специальных областных законов о различных аспектах обеспечения деятельности местного самоуправления.

Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в Саратовской области изменялись парал-

тельно с трансформацией федерального законодательства о местном самоуправлении. Подтверждением данного факта является то, что за последнее время основной опыт Саратовской области при реализации полномочий органами государственной власти области в вопросах местного самоуправления сводился к обеспечению реализации норм Федерального закона № 136-ФЗ, который существенно расширил перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления. В связи с этим, видится целесообразным остановиться на анализе опыта реализации тех государственных полномочий органов государственной власти Саратовской области в области местного самоуправления, которые введены нормами Федерального закона № 136-ФЗ.

Так, в Саратовской области принят Закон Саратовской области от 23 декабря 2004 г. № 79-ЗСО «О городских округах», согласно нормам которого муниципальное образование г. Саратов наделяется статусом городского округа. Данное обстоятельство может быть объяснимо тем, что в Саратовской области в принципе отдано предпочтение муниципальным районам, а не городским округам, но в силу того, что г. Саратов имеет развитую инфраструктуру и высокий уровень урбанизированности, то он является единственным в области муниципальным образованием, которое наделено статусом городского округа. В связи с тем, что публично правовой статус г. Саратов как типа муниципального образования не изменен, то в Саратовской области городских округов с внутригородским делением в настоящий момент до сих пор нет. Кроме того, предпочтение сохранения статуса городского округа обусловлено рядом обстоятельств: возникающие сложности при разграничении имущества между городским округом и внутригородскими муниципальными районами, децентрализация системы управления, перераспределение финансовых ресурсов и др. Таким образом, решение о создании в городском округе Саратове внутригородских районов

не принято и возможность реализации рассматриваемого государственного полномочия не использована.

Активно в области происходило участие органов государственной власти в формировании перечня вопросов местного значения сельских поселений. Областной законодатель сократил число вопросов местного значения сельских поселений до 13 вопросов. Федеральным законом № 136-ФЗ за сельскими поселениями сохранены только те вопросы местного значения, которые, с одной стороны, наиболее значимы для них, с другой — соизмеримы с их организационными и финансово-экономическими возможностями.

Поэтому с целью реализации положений Федерального закона № 136-ФЗ приняты изменения в закон Саратовской области от 30 сентября 2014 г. № 108-ЗСО «О вопросах местного значения сельских поселений Саратовской области». В соответствии с принятыми изменениями с 1 января 2015 г. сельские поселения на территории Саратовской области дополнительно решали 8 вопросов местного значения: организация в границах поселения водоснабжения населения, водоотведения в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации; дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения и обеспечение безопасности дорожного движения на них; сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности поселения, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории поселения; создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении; создание условий для массового отдыха жителей поселения и организация обустройства мест массового отдыха населения; организация сбора и вывоза бытовых отходов

и мусора; организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения; предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке поселения сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции.

Однако в связи с изменением норм федерального законодательства законом Саратовской области от 25 ноября 2015 г. № 148-ЗСО «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Саратовской области» из перечня дополнительных вопросов местного значения сельских поселений с 1 января 2016 г. исключен вопрос дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения и обеспечения безопасности дорожного движения на них.

Существенные изменения в Саратовской области коснулись вопроса определения способа формирования представительных органов муниципальных районов области. Согласно нормам Закона Саратовской области от 29 октября 2014 г. № 131-ЗСО «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов в Саратовской области», представительный орган муниципального района в соответствии с уставом муниципального района формируется путем избрания на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании либо из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава.

В сентябре 2015 г. вследствие произошедшего преобразования поселений на территории Балаковского муниципального района внесены изменения в Закон Саратовской области от 29 октября 2014 г. № 131-ЗСО «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов в Саратовской области» в части изменения порядка формирования представительного органа указанного муниципального района.

Так, согласно нормам областного закона, если в уставе муниципального района, на территории которого образовано четыре и более поселения, предусмотрено, что представительный орган муниципального района формируется из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава, норма представительства поселений, входящих в состав муниципального района, устанавливается уставами муниципального района и поселений исходя из численности населения поселения: 2 человека – при численности населения до 10000 человек включительно; 3 человека – при численности населения более 10000 до 30000 человек включительно; 4 человека – при численности населения более 30000 до 100000 человек включительно; 5 человек – при численности населения более 100000 человек.

Закон Саратовской области от 29 октября 2014 г. № 131-ЗСО «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов в Саратовской области» осуществил дифференцированный подход в формировании представительных органов муниципальных районов. Так, для 8 муниципальных районов предусмотрено формирование представительного органа путем муниципальных выборов. Для 30 районов – из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава. Из них для 2 районов установлена равная норма представительства. Для остальных 28 муниципальных районов в законе установлена норма представительства, исходя из численности населения поселения.

В связи с изменениями в федеральном законодательстве 30 сентября 2014 г. принят Закон Саратовской области № 109-ЗСО «О порядке избрания и сроке полномочий глав полномочий муниципальных образований в Саратовской области». Далее Законом Саратовской области

от 28 марта 2016 г. № 38-ЗСО «О внесении изменений в ст. 1 Закона Саратовской области «О порядке избрания и сроке полномочий глав полномочий муниципальных образований в Саратовской области» уточнен порядок замещения должности главы муниципального образования и места данного лица в структуре органов местного самоуправления.

Так, в соответствии с указанными изменениями на территории области главы муниципальных районов, глава городского округа избирается представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. При этом избранные таким образом главы муниципальных образований возглавляют местные администрации.

В случае, если уставами муниципального района и поселения, являющегося административным центром муниципального района, предусмотрено образование местной администрации муниципального района, на которую возлагается исполнение полномочий местной администрации указанного поселения, и в поселении, являющемся административным центром муниципального района, местная администрация не образуется, глава указанного поселения избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и исполняет полномочия его председателя с правом решающего голоса.

Следует указать, что глава муниципального образования в поселениях избирается представительным органом муниципального образования из своего состава или на муниципальных выборах и исполняет полномочия председателя представительного органа муниципального образования с правом решающего голоса либо возглавляет местную администрацию.

Однако, если глава муниципального образования, имеющего статус сельского поселения, в котором в соответствии с уставом данного муниципального образования предусмотрено формирование исполнительно-распорядительного органа, возглавляемого главой муниципального

образования, исполняющим полномочия председателя представительного органа муниципального образования, избирается представительным органом муниципального образования из своего состава или на муниципальных выборах, исполняет полномочия председателя представительного органа муниципального образования с правом решающего голоса и возглавляет местную администрацию.

В случае, если глава муниципального образования в сельских поселениях, в которых в соответствии с уставом данного сельского поселения предусмотрено формирование исполнительно-распорядительного органа, возглавляемого главой муниципального образования, исполняющим полномочия председателя представительного органа муниципального образования, избирается представительным органом муниципального образования из своего состава, исполняет полномочия его председателя с правом решающего голоса и возглавляет местную администрацию.

Законом Саратовской области от 5 августа 2015 г. № 95-ЗСО «О внесении изменений в ст. 1 Закона Саратовской области «О порядке избрания и сроке полномочий глав полномочий муниципальных образований в Саратовской области» уточнен порядок избрания глав муниципальных образований, имеющих статус городского округа и являющихся закрытыми административно-территориальными образованиями. Указанным Законом области установлено, что глава городского округа закрытого административно-территориального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава, исполняя полномочия его председателя с правом решающего голоса.

Выводы. На основе проведенного анализа норм федерального и регионального законодательства (на примере опыта Саратовской области), регламентирующих содержание, место и роль полномочий органов государственной власти в области местного самоуправления, в заключение данного исследования представляется целесообразным сделать следующие выводы:

– местное самоуправление представляет собой одну из основ конституционного строя, основополагающий принцип организации власти, который наряду с принципом разделения властей определяет систему управления в Российской Федерации;

– в правовом регулировании местного самоуправления наблюдается расширение полномочий субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления, что, по мнению автора настоящего исследования, приводит к изменению базовой сути Федерального закона № 131-ФЗ;

– на усмотрение органов государственной власти субъектов Российской Федерации отведена необходимость создания новых типов местных конструкций, предполагающая принятие решения о возможности создания в городском округе внутригородских районов;

– произошло изменение принципов формирования органов местного самоуправления, согласно которым органы государственной власти субъектов Российской Федерации определяют способы формирования представительного органа муниципального района, городского округа с внутригородским делением, определяют способы замещения должности главы муниципального образования и места данного лица в структуре органов местного самоуправления;

– пример опыта Саратовской области показывает, что произошедшие изменения в правовом регулировании местного самоуправления в области сопряжены с необходимостью приведения норм региональных законов положениям федерального законодательства о местном самоуправлении. Подобного рода тенденции и изменения нацелены и в полной мере отражают социально-политические особенности области и призваны в максимальной степени обеспечить формирование сбалансированной модели местного самоуправления, отражающей интересы органов государственной власти и местных сообществ;

– в настоящий момент в Саратовской области одним из наиболее острых и актуальных вопросов является формирование нормативной правовой базы местного самоуправления, особенно на поселенческом уровне. Его эффективное решение зависит от изменяющегося федерального и как результат регионального законодательства. В связи с этим приведение положений уставов муниципальных образований и муниципальных нормативных правовых актов требованиям федеральных и областных законов остается перспективным направлением.

Список литературы

1. Бабун Р. В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. 2015. № 1. С. 14.
2. Бялкина Т. М. Новая муниципальная реформа: изменение подходов к правовому регулированию компетенций местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8.
3. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации / под ред. Е. С. Шугриной. М.: Проспект, 2016. 312 с.
4. Колодина Е. Современные тренды и проблемы развития местного самоуправления в Российской Федерации // Муниципальная власть. 2016. № 4. С. 27.
5. Остапец О. Г. Муниципальное образование как правовой феномен // Международный научный журнал Инновационная наука. 2015. № 3. С. 225–228.
6. Парахина В. Н., Галеев Е. В., Ганшина Л. Н. Муниципальное управление. М.: КНОРУС, 2015. 469 с.
7. Пешин Н. Л. Новые тенденции муниципальной реформы: уровень городских округов и муниципальных районов // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 57–61.
8. Соловьев С. Г. Цели Российского местного самоуправления и правовой институт перераспределения муниципальных полномочий // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 17.
9. Чушилкина А. Ф. Местное самоуправление в России: исторические предпосылки развития и современное возвращение к концептуальным основам советской модели организации местной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 9. С. 25.
10. Шугрина Е. С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 75.
11. Шугрина Е. С. Понятие местного самоуправления // Муниципальная власть. 2016. № 1. С. 34.

References

1. Babun R.V. *Mestnoe parvo* (Municipal Law), 2015, no. 1, p. 14.
2. Byalkina T.M. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* (Actual problems of Russian law), 2014, no. 8.
3. *Doklad o sostoyanii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* (Report about condition of municipal management in the Russian Federation). Moscow, Prospect Publ., 2016. 312 p.
4. Kolodina E. *Munitsipalnaya vlast* (Municipal Power), 2016, no. 4, p. 27.
5. Ostapets O. G. *Mezhdunarodny nauchny zhurnal Innovatsionnaya nauka* (International Scientific Journal of Innovation Science), 2015, no. 3, pp. 225–228.
6. Parakhina V. N. *Munitsipalnoe upravlenie* [Municipal management]. Moscow: Knorus Publ., 2015. 469 p.
7. Peshin N. L. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe parvo* (Constitutional and Municipal Law), 2015, no. 1, pp. 57–61.
8. Soloviev S. G. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* (Public Administration and Municipal Management), 2016, no. 4, p. 17.
9. Chupilkina A. F. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* (Public Administration and Municipal Management), 2016, no. 9, p. 25.
10. Shugrina E. S. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe parvo* (Constitutional and Municipal Law), 2016, no. 11, p. 75.
11. Shugrina E. S. *Munitsipalnaya vlast* (Municipal Power), 2016, no. 1, p. 34.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Крахмалов Алексей Николаевич, канд. экон. наук, зав. кафедрой «Государственное управление и право», доцент, Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково, Россия. Область научных интересов: экономические науки, административное управление
Krahmalov-honour@mail.ru

Alexey Krahmalov, candidate of economic sciences, head of the Legal Foundations of Public Administration department, associate professor, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Sphere of scientific interests: economic sciences, public administration

Образец цитирования

Крахмалов А. Н. Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области правового регулирования местного самоуправления: опыт Саратовской области // Вести. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 53–61. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-53-61.

Krahmalov A. Proxies of the regional public authorities of the Russian Federation in the field of legal regulation of municipal management: experience of the Saratov region // Transbaikalian State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 53–61. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-53-61.

Дата поступления статьи: 13.02.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УКД 329.36

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-62-67

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

POLITICAL PARTIES AND RELIGIONS IN THE MODERN WORLD: INSTITUTIONAL ASPECTS OF INTERACTION

*В. А. Матвиенко, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
г. Елец
vamatv@mail.ru*

V. Matvienko, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets

Систематизировано изучение взаимодействия политических партий и религии в процессе их институционализации. Сформулирована актуальность исследования. Изучены теоретические и практические факторы институционализации двух взаимодействующих участников – политических партий и религии. Данное авторское решение позволило более четко и аргументированно определить место и роль политических партий и религии в мировом политическом процессе. Рассмотрены тенденции, связанные с различными аспектами партотрогенеза. Особое внимание уделено детальному анализу роли институционального взаимодействия политических партий и религии в социально-экономических и политических изменениях современности. Прослежена связь между религией и партийной идеологией, приведены конкретные примеры из реальной политической практики. Раскрываются различные уровни взаимного влияния религии и политических партий в институциональном процессе. Представлен сравнительный анализ отдельных аспектов и тенденций этого процесса в различных регионах мира. Сделан вывод о необходимости более глубокого и детального исследования обозначенной проблематики в современной России

Ключевые слова: политические партии; религия; партотрогенез; политический процесс; институционализация; политическое пространство; секуляризм; национализм; партийная структура; религиозные конфессии

In the article the author makes an attempt to classify and investigate the interaction of political parties and religion in the course of institutionalization. The relevance and significance of the issue is formulated. The article is aimed at examining theoretical and practical factors of institutionalization of two interrelated factors - political parties and religion. This decision has enabled to define the place and role of political parties and religion in the modern political process in a well-argued manner. The tendencies connected with different aspects of political party genesis are regarded. Special attention is paid to the detailed analysis of the role of institutional interaction of political parties and religion as part of social, economical and political current changes. The interaction between religion and political ideology is also observed. Specific cases from real political practice are given as an example. The author distinguishes various levels of reciprocal influence of religion and political parties in the institutional process. The article presents the comparative study of some aspects and tendencies of this process in particular regions of the world. To sum it up, the author makes a conclusion about the necessity of more thorough and detailed investigation of the issue under consideration in Russia today

Key words: political parties; religion; political party genesis; political process; institutionalization; political space; secularism; nationalism; party structure; religious confession

Политическое развитие наиболее благополучных государств современности с их богатым опытом демократизации наглядно демонстрирует, что политические партии способны трансформироваться под воздействием различных системных факторов, воспринимать инновации в политической и экономической сферах, своевременно включаться в ход политического процесса, оставаясь при этом важнейшим политическими институтом.

Пристальный интерес политических партий к религии обусловлен причинами объективного характера, в первую очередь, огромным влиянием на массовое сознание. Выработанная религией схема манипулирования массовым сознанием взятая на вооружение политическими партиями, начала использоваться ещё на ранних стадиях партогенеза и продолжает быть актуальной и в наши дни [10].

В дальнейшем, по мере развития государства и общества, на первый план выдвигаются более практические причины, сближающие политические партии и религии в процессе их институционализации. В первую очередь, это действия целой совокупности социумных явлений и отношений — политических, правовых, государственных, нравственных, стратификационных, экономических, — проявляющихся в многоаспектном дистанцировании, ухудшении условий жизни различных слоев населения, межэтнических и межнациональных конфликтах и других подобных явлениях [2].

Важно, что религия, кроме всего указанного, наряду с политическими партиями и общественными движениями и организациями в открытой или скрытой форме часто выступает носителем различных идей. Религия, также как и политические партии, и общественные организации, а иногда совместно с ними, в большей или меньшей степени оказывает разноплановое влияние на внешнюю и внутреннюю политику современных государств, аргументирует и декларирует различные цели, стратегии, идеологии, имеет разные уровни включенности в политическую жизнь общества.

Вместе с тем процесс институционализации политических партий и религии нельзя рассматривать только в связи с общностью их мировоззренческих оснований. Не менее значимым является тот факт, что в процессе своего становления политические партии продолжают привлекать религию как основу для объединения интересов различных слоев населения. Политические партии активно апеллируют религиозностью и религией, акцентируют внимание на недовольстве населения существующим порядком вещей. Все ранее обозначенное позволяет рассматривать процесс институционализации политических партий и религии в едином исследовательском контексте.

Следует отметить, что степень «контактности» политических партий и религии в современном политическом пространстве напрямую зависит от степени секуляризованности государств. Так, в большинстве из них религия имеет определенную значимость, оказывая опосредованное влияние на многие сферы, в том числе и на политические процессы.

Современные политические партии вызывают закономерный интерес. Существует множество научных дискурсов, раскрывающих сущность различных аспектов партогенеза [9]. Следует заметить, что в разные периоды своей институционализации в отдельных странах отношение к политическим партиям было диаметрально противоположным — от позитивного до резко негативного. Такая ярко проявляющаяся нестабильность в отношении к политическим партиям отчасти вызвана постоянным использованием ими «черных» пиар-технологий в ходе избирательных кампаний, грязными скандалами внутри самих партий, политической продажностью и т.п. фактами [6].

В этом контексте в общественных и политических кругах, среди представителей культуры и искусства зазвучали призывы к поиску новой национальной идеи и возможному формированию новой идеологии [7]. Параллельно с этим в политической науке вновь возник интерес к понятию «институционализация политических партий».

В наше время детальный анализ всей совокупности социально-экономических и политических изменений современности позволяет отметить особую роль в них религии. Многие современные политические партии строят свою деятельность на идеологии, основанной на вере (в либеральные ценности, превосходстве одной нации над другой, «светлое будущее» и т.п.) [4]. В основу деятельности большинства политических партий положена вера, что, в свою очередь, и выступает связующим звеном с религией.

В этих условиях существует необходимость классификации политических партий, исходя из религиозных идей, на которые они ориентируются в процессе своей институционализации:

– экспрессивные, использующие идею создания некоей своеобразной мистической реальности как средство преодоления несовершенства современного мира;

– утопические, выступающие за создание идеальной социальной системы, основанной на идеях всеобщего равенства и справедливости, активно привлекающих для этого воззрения первых буддистов, ранних христиан, мусульман, ориентированных на отказ от личного счастья, в пользу общественного;

– религиозно-политические, нацеленные на изменение социального пространства, методами, применяемыми в сложных обществах, но успешно действующими только в демократических политических системах.

Отчасти место и роль религии в ходе институционализации политических партий можно выявить через следующие конкретные формы:

– прямое и косвенное воздействие религиозного сознания на формулирование программных положений политических партий на начальной стадии институционализации;

– включение отдельных особенностей религии и организации церковной структуры, способов осуществления межконфессиональных отношений во внутрипартийной борьбе и межпартийном противостоянии;

– актуализация роли религиозных организаций, общностей, групп и движений в политической жизни государств.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет констатировать несколько концептуально важных для дальнейшего исследования данной научной проблематики промежуточных результатов.

1. В настоящий момент в таких странах, как Китай, Корея, Япония несмотря на серьезные ограничительные меры со стороны государства, в условиях кризиса *первая* по времени возникновения мировая религия – *буддизм* – используется политическими партиями и движениями, находящимися на разных стадиях институционального процесса, в качестве идеологии. Определенный исследовательский интерес представляет ряд политических партий и движений («Белый Лотос», «Нипирэна»), чей политический опыт использован японскими деятелями в прошлом и в определенной степени играет не последнюю роль и в наши дни. Их специфика состоит в том, что они в высшей степени эклектичны, имеют упрощенный культ, догматику. Партия Комэйто входит в число шести наиболее крупных партий современной Японии.

2. Политические партии, активно использующие в процессе своей институционализации идеи *второй* по времени возникновения мировой религии – *христианства*, первоначально сложились в основном в странах Западной Европы, где они и сформировались в реальную политическую силу. В современном западном мире осуществляют свою деятельность целый ряд таких политических партий и движений. В большинстве западноевропейских современных государств существуют и активно действуют христианско-демократические партии, выступающие за ведение политики с учетом христианских ценностей, такие, как Австрийская народная партия (Австрия), Христианско-демократическая и фламандская партия (Бельгия), Христианско-демократическая народная партия (Венгрия), Народная партия (Испания), Христианский союз (Нидерланды), Христианско-демократический союз

и Христианско-социалистический союз (Германия) [5].

3. Политические партии, опирающиеся в процессе своей институционализации на идеи *третьей* по времени возникновения мировой религии — *ислама*, возникли позднее, чем все ранее перечисленные. На процесс их институционализации оказали влияние интенсификация всесторонних отношений с Западной Европой, а позднее с США, борьба за колонии, возникновение в исламском мире капиталистических отношений и т.п. Политические партии, в различной степени опирающиеся на ислам, тиражирующие его взгляды в своих программных документах, ставящих схожие цели и задачи, учитывающие религиозные каноны в своей деятельности или отвергающие всё сказанное, на наш взгляд, целесообразно разделить на две большие группы.

Первая группа представлена политическими партиями, интегрировавшими в процесс своей институционализации ислам во всем богатстве его мировоззренческих ориентиров. К числу наиболее известных исследователи относят: «Братья мусульмане» в Египте, «Саает» и «Адлет ве калкима» в Турции, «Хизб ут-Тахрид» в Иордании, «Тигры освобождения Тамил-Илама» на Шри-Ланке, «Нация ислама» в России и мн. др. [1].

Вторая группа включает политические партии, реализующие ценностные ориентации, направленные на противодействие исламизации и мультикультурализму. В настоящее время в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Болгарии, Австрии, Дании, Венгрии, Норвегии и других европейских странах подобные партии получили распространение. Мало того, данные политические партии представлены в парламентах таких государств, как Австрия, Голландия, Бельгия, Франция, Швеция, Дания и некоторых восточноевропейских государствах. Эти политические силы не только переживают новый этап своей институционализации, но и являются активными участниками политического процесса.

4. В отдельных государствах, с более сложной конфессиональной структурой, таких как США, Россия и некоторых других сложились более сложные алгоритмы институционализации политических партий на основе религии либо с использованием отдельных её элементов [8].

Так, например, Республиканская партия США более активно взаимодействует с религией, часто выступая с позиции протестантского фундаментализма. В программных документах Демократической партии религиозные идеи звучат намного меньше. Следует также отметить, что в последние несколько лет в США наблюдается некоторый спад религиозности. Однако мы не можем говорить об исключении религии из общественной и политической жизни страны, а скорее, наоборот, — констатировать факт настороженности среди политических сил и населения страны, тесным сближением религии с партийной и государственной политикой.

Институциональное взаимодействие политических партий и религии в современной России имеет общие с мировой практикой и отличные от неё черты и характеристики [3]. Детальный анализ отдельных аспектов институционального взаимодействия политических партий и религии в современной России должен быть предпринят в рамках другого, более обширного исследования.

Таким образом, подводя итог рассмотрению институциональных аспектов взаимодействия политических партий и религии как неотъемлемой составляющей современного политического процесса, можно констатировать, что данный вопрос является ключевым в контексте внешней и внутренней политики подавляющего большинства современных государств. Особым исследовательским потенциалом на сегодняшний день обладают сложившиеся схемы и механизмы взаимодействия мировых религий и политических партий в ходе институционализации. Они имеют неоспоримое теоретическое и практическое значение для гармонизации политической жизни в современных государствах. В перспективе

должны быть предприняты попытки более
детального научного анализа и выработки
возможных вариантов институционального

взаимодействия политических партий и ре-
лигии, более четко очерчены границы этого
процесса.

Список литературы

1. Дианина С. Ю. Философско-культурологические аспекты взаимодействия коренных обществ стран Северной Европы с иммигрантами в контексте процесса исламизации // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 5. С. 32–37.
2. Зимина Н. В. Актуальные вопросы регистрации политических партий и их региональных отделений // *Вестн. Забайкал. гос. ун-та*. 2015. № 1 (116). С. 74–79.
3. Лаврентьев С. Н. Политические партии и постсекулярный синдром в современной России // *Власть*. 2013. № 12. С. 12–16.
4. Махова А. В. Праворадикальная идеология в Восточной и Западной Европе в начале XXI века: опыт сравнительного анализа // *Вестник СПбГУ. Сер. 6*. 2013. Вып. 2. С. 117–127.
5. Немецкий О. Б. Европейские крайне-правые на фоне миграционной лавины // *Вопросы национализма*. 2015. № 3 (23). С. 38–45.
6. Скиперских А. В. «Бунтующий человек» в правовом дискурсе: новая попытка оправдания // *Право и политика*. 2015. № 3. С. 385–393.
7. Слобожникова В. С. Политические партии современной России о роли и значении религиозного фактора // *Вестник Саратовской государственной академии*. 2016. № 1 (108). С. 219–225.
8. Старков О. А. Политическая практика французского народного фронта как фактора роста влияния ультраправых партий Западной Европы // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2012. № 3 (42). С. 129–132.
9. Толочко А. В. Инновационные механизмы социального-политического взаимодействия государства и институтов гражданского общества в современной России // *PolitBook*. 2012. № 2. С. 110–120.
10. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Современные проявления шотландского «национализма» в условиях политической борьбы за государственный суверенитет Шотландии // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. Т. 10. № 6. С. 152–160.

References

1. Dianina S. Yu. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), 2016, no. 5, pp. 32–37.
2. Zimina N. V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2015, no. 1 (116), pp. 74–79.
3. Lavrentev S. N. *Vlast* (Power), 2013, no. 12, pp. 12–16.
4. Makhova A. V. *Vestnik SPbGU* (Bulletin of the St. Petersburg State University), ser. 6, 2013, vyp. 2, pp. 117–127.
5. Nemetsky O. B. *Voprosy natsionalizma* (Questions of nationalism), 2015, no. 3 (23), pp. 38–45.
6. Skiperskih A. V. *Pravo i politika* (Law and Politics), 2015, no. 3, pp. 385–393.
7. Slobozhnikova V. S. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii* (Bulletin of Saratov State Academy), 2016, no. 1 (108), pp. 219–225.
8. Starkov O. A. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* (Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University), 2012, no. 3 (42), pp. 129–132.
9. Tolochko A. V. *PolitBook* (PolitBook), 2012, no. 2, pp. 110–120.
10. Tyurin E. A., Savinova E. N. *Srednerusskiy vestnik obshhestvennykh nauk* (Middle Russian Bulletin of Social Sciences), 2015, vol. 10, no. 6, pp. 152–160.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Матвиенко Валентина Анатольевна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Туризм и гостиничное дело», Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия. Область научных интересов: теоретические основы политического управления; взаимодействие государства с экономической, социальной, духовной подсистемами общества, современные механизмы артикуляции и агрегирования политических интересов
vamatv@mail.ru

Valentina Matvienko, candidate of political sciences, associate professor, Tourism and Hotel Business department, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia. Sphere of scientific interests: theoretical background of political management; interaction between state and economical, social and spiritual sub-systems of society, modern mechanisms of articulation and aggregation of political interests

Образец цитирования

Матвиенко В. А. Политические партии и религии в современном мире: институциональные аспекты взаимодействия // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 62–67. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-62-67.

Matvienko V. Political parties and religions in the modern world: institutional aspects of interaction // Transbaikalian State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 62–67. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-62-67.

Дата поступления статьи: 02.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 323

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-68-75

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ И ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВЫ

GOALS, OBJECTIVES AND PRIORITIES OF THE STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE MEDIUM AND LONG-TERM PROSPECTS

*Н. А. Самохвалов, Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково
nikolai-samohvalov@yandex.ru*

N. Samokhvalov, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Balakovo

Автор анализирует роль и значение молодежи, выступающей в качестве инновационного ресурса эффективного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. На современном этапе роль молодежи как особого ресурса развития российского государства определяется специфическими особенностями, которыми она обладает. При этом отмечается, что наличие исключительных характеристик является недостаточным условием для того, чтобы молодое поколение выступало движущей силой поступательного развития Российской Федерации, поскольку для этого необходимо эффективное взаимодействие органов государственного управления и общества в рамках реализации государственной молодежной политики. Именно поэтому особое внимание автор уделяет целям, задачам и приоритетам государственной молодежной политики как комплексной институциональной составляющей внутривнутриполитического курса России.

В заключение делается вывод о том, что вызовы государственной молодежной политики XXI в. диктуют условия по детальной разработке и практическому внедрению эффективной модели молодежной политики и эффективных механизмов ее реализации. Во многом от устранения вызовов и угроз, стоящих перед российской государственной молодежной политикой, зависит прогрессивное развитие российской государственности на долгосрочную перспективу

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; государство; цели; задачи; приоритеты; принципы государственной молодежной политики; трудоустройство; образование; межнациональные отношения; проблемные аспекты

In this article the author analyzes the role and importance of youth as an innovative resource for the effective development of the Russian Federation in the long term. The role of youth as a special resource for the development of the Russian state at the present stage is defined by specific properties that it has. It is noted that the presence of exceptional performance is enough to make the younger generation a driving force behind the progressive development of the Russian Federation, since this requires the effective interaction of state bodies and companies in the framework of the state youth policy. That is why the author pays special attention to the goals objectives and priorities of the state youth policy as an institutional component of the political course of Russia. In conclusion, it is concluded that the challenges of the state youth policy of the 21st century dictate the terms of detailed development, practical implementation of effective models of youth policy and efficient mechanisms for its implementation. Largely from the elimination of the challenges and threats facing the Russian state youth policy will depend on the progressive development of the Russian statehood in the long term

Key words: youth; youth policy; government; goals; objectives; priorities and principles of state youth policy; employment; education; interethnic relations; problem aspects

Прежде чем приступать к осуществлению концептуального анализа основных целей, задач и приоритетов государственной молодежной политики (далее – ГМП) Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективы, полагаем, что изначально необходимо определиться с терминологическим толкованием категорий «молодежь» и «государственная молодежная политика».

В частности, следует отметить, что молодежь в Российской Федерации на современном этапе в соответствии с Основами государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 лет и более, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники).

Таким образом, представляется, что молодежь – специфический инновационный ресурс, который может выступить основной движущей силой эффективного развития России в долгосрочной перспективе. Особая ценность и специфичность молодежного ресурса заключается в том, что молодые люди обладают важнейшими характеристиками, которые в своей совокупности представляют прочный фундамент для поступательного развития Российской Федерации. В частности, к подобным характеристикам, на наш взгляд, следует отнести:

- сформировавшийся, но еще не раскрывшийся в какой-либо сфере общественно-государственной жизни потенциал молодежи;
- мобильность молодежи;
- инициативность и стремление к обучению, самосовершенствованию;
- активное и успешное освоение новых технологий, технических средств и

уверенное использование IT-пространства для достижения определенных целей, которые необходимо разрешить для личностного или профессионального развития и другие характеристики.

Наличие указанных характеристик в той или иной степени отличает молодежь от иных социально-демографических групп в России. Однако считаем, что одно лишь их наличие у молодежи не может объективно свидетельствовать об особом статусе молодежи в качестве особого ресурса для инновационного развития Российской Федерации в долгосрочной перспективе, поскольку для того, чтобы именно молодежь выступила основным мейнстримом в модернизации российского государства, необходимо проводить целостную и комплексную государственную политику в отношении молодежи, способствующую раскрытию заложенного в молодежи потенциала и возможностей. В контексте сказанного становится очевидным, что особое внимание со стороны органов государственной власти федерального и регионального уровней должно быть уделено основным направлениям государственной молодежной политики (целям, задачам и приоритетам ГМП) на долгосрочную перспективу. При этом считаем особо важным построение эффективных механизмов взаимодействия для эффективной реализации ГМП в России между органами государственного управления и представителями научно-экспертного сообщества.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об актуальности исследований государственной молодежной политики и ее отдельных компонентов. Следует отметить, что в политической науке на современном этапе уделяется достаточное внимание реализации ГМП в Российской Федерации в целом и ее отдельным компонентам. В частности, к исследователям, которые внесли наиболее значительный вклад в исследование проблематики ГМП, на наш взгляд, следует отнести А. А. Зеленина [1], В. А. Лукова [2], П. А. Меркулова [3], С. Н. Чируна [7] и др. Также значительное внимание вопросам реализации ГМП уделено в трудах зарубежных исследователей,

к которым следует отнести E. Dauwe [9], J.-P. Gaudin [10], D. Greese [11] и др.

Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. закрепили легальное понимание ГМП в качестве направления деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами активно-межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене.

Действительно, с указанным определением следует согласиться, поскольку оно подчеркивает всю комплексность и сложность ГМП в качестве одной из важнейших институциональных составляющих внутреннего политического курса России. При этом следует помнить, что на современном этапе происходит стремительное развитие различных сфер общественно-государственной жизни, в том числе и политического курса Российской Федерации, а также его основных составляющих, в качестве одной из которых и выступает ГМП. Именно поэтому необходимо уделить особое внимание основным элементам ГМП Российской Федерации, к которым, как нам представляется, следует отнести основные принципы построения новой модели ГМП, основные направления государственной молодежной политики на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Основные принципы построения новой модели молодежной политики. Новая модель молодежной политики должна строиться на увязке долгосрочных и среднесрочных целей, задач и приоритетов.

При этом необходимо обеспечить гибкость, когда при удержании конечной цели могут меняться тактические цели и задачи, т.е. стратегическое планирование и реализация молодежной политики должны носить скользящий характер.

В условиях резкого сокращения численности молодежи 14...30 лет (с 35,2 млн человек (2012) численность молодежи сокращается до 25,6 млн человек (2025), или на 27,3 %) [8]. Долгосрочная и среднесрочная молодежная политика должна обеспечить переход от преимущественно количественных целей и задач (рост охвата, рост включенности, обеспечение доступности и т.п.) к качественным — рост величины человеческого капитала молодежи, повышение продуктивности молодежи как социального субъекта, рост эффективности использования поступающих в молодежную сферу ресурсов (финансовых, кадровых, материальных, информационных) [4].

Не менее важным моментом является расширение участия молодежи в управлении экономикой и обществом. В настоящее время значительная часть государственной молодежной политики — это обучение управленческой деятельности, разным практикам и организации досуга, но в то же время не оказывается весомой поддержки самодеятельности и самореализации молодежи в разнообразных формах.

Между тем сокращение численности молодежи и, одновременно, сокращение численности трудовых ресурсов требует активного вовлечения молодежи в сложные типы деятельности и, в том числе, управление сложными процессами. Необходимо создание условий для участия молодежи в принятии управленческих решений и их реализации, при этом не только касающихся их собственной жизни и работы, а в широком диапазоне социальных и экономических проблем развития общества, принятие молодежью реальной ответственности за будущее страны. Это, в свою очередь, предполагает стимулирование инициативы молодых и формирование различных инструментов поддержки молодежных инициатив.

Еще одним направлением молодежной политики должно стать создание условий для эффективного трудоустройства молодежи. При том, что численность молодежи значительно сокращается к 2025 г., рынок труда будет еще достаточно хорошо обеспечен трудовыми ресурсами. Тем не менее, необходимость построения специальной системы трудоустройства молодежи, назревшая уже в настоящее время, должна быть реализована в среднесрочной перспективе. В 2025 г. указанная система должна работать в каждом регионе. Это позволит сформировать систему поддержки первого трудоустройства молодежи, оканчивающей учреждения среднего профессионального и высшего образования. Но главное они должны стать реальными партнерами работодателей в формировании эффективного механизма первого трудоустройства молодых рабочих и специалистов и во многом именно этим структурам работодатели смогли бы передать функции, с одной стороны, «доводки» молодых рабочих и специалистов до уровня, требуемого на конкретном предприятии или в организации, а с другой – поиска нужных работодателю молодых работников и их психологической подготовки к первому месту работы. Соответственно, должны быть выработаны новые принципы взаимодействия трех сторон: бизнеса – выпускников вузов (самых вузов) и молодежных структур по подбору молодых кадров [5. С. 539].

Важнейшей задачей государственной молодежной политики является обеспечение включенности молодых людей в процессы формирования политики государства в различных сферах и обеспечение участия молодежи в подготовке и реализации управленческих решений на различных уровнях государственного и муниципального управления. При этом, прежде всего, необходимо обеспечить участие молодежи в выработке и реализации государственной молодежной политики. Эти задачи должны решаться через организацию взаимодействия государственных и муниципальных структур с молодежными общественными объединениями и системную поддержку их

инициатив. Таким образом, в новых условиях задачи молодежной политики носят масштабный и разнообразный характер. Они требуют как адекватного ресурсного обеспечения, так и повсеместного повышения квалификации работников, занятых работой с молодежью.

Основные направления государственной молодежной политики (цели, задачи и приоритеты государственной молодежной политики) на среднесрочную перспективу.

Конечной целью государственной молодежной политики на средне- и долгосрочную перспективу является создание условий для роста человеческого капитала молодежи с тем, чтобы обеспечить экономический рост и повышение конкурентоспособности России в глобальном мире.

В связи с этим в *среднесрочной перспективе в сфере молодежной политики* должны быть решены следующие задачи:

Образование

- восстановление профориентационной работы среди старших школьников, разработка инструментов молодежной политики, обеспечивающих поддержку молодежи 14...16 лет в выборе профессии;

- повышение доступности *качественного* среднего профессионального и высшего образования (создание условий для молодежи из сельской местности, малых городов и отдаленных территорий в доступе к качественному образованию, в ликвидации пробелов в общем образовании и т.п.);
- поддержка развития дистанционного образования и вовлечение молодежи в программы дистанционного образования и др.

Трудоустройство и миграция

- поддержка миграции молодежи из трудоизбыточных или депрессивных регионов в трудонедостаточные регионы, в частности, создание систем информирования молодежи о возможностях трудоустройства в других субъектах Российской Федерации;

- создание специальной молодежной системы трудоустройства и поддержки занятости, включая юридическое консультирование, с учетом поведенческих и психологических особенностей молодежи, при

этом в данной системе должны работать молодые специалисты в возрасте до 35 лет;

– организация занятости молодежи 14...16 лет в летний период;

– организация занятости учащейся молодежи 17...25 лет и др.

Межрегиональные и межнациональные отношения

– разработка на федеральном уровне программ, проектов и методик, обеспечивающих развитие межрегионального диалога молодежи, поддержку молодежных межрегиональных и общероссийских обменов и форумов, направленных на преодоление негативных национальных и культурных стереотипов в молодежной среде, поддержка инициативных практик межрегионального взаимодействия и др.

Профилактика правонарушений в молодежной среде, поддержка молодежи в трудной жизненной ситуации

– снижение уровня криминализации молодежной среды, организация профилактики правонарушений, прежде всего, в возрастных группах 14...17 лет (несовершеннолетние) и 18...24 лет, обеспечение юридической поддержки молодым людям, совершившим правонарушения (создание юридических клиник для молодежи и привлечение к работе в них молодых юристов), поддержка волонтерской деятельности молодежи по работе с правонарушениями несовершеннолетних, организация мониторинга молодежных правонарушений для разработки эффективных мер профилактики;

– преодоление правового нигилизма и др.

Жилье

– развитие и совершенствование системы поддержки молодежи при аренде или приобретении жилья (например, развитие системы льгот и субсидий при получении ипотечных кредитов для молодых семей, если хотя бы один из супругов не старше 30 лет и уровень доходов семьи не выше установленного уровня, развитие системы социального найма жилья – аренды недорогих меблированных квартир, в том числе в доходных домах для молодежи до 30, а возможно, до 35 лет включительно. При этом

преимущество следует отдавать развитию различных форм аренды жилья молодыми людьми и молодыми семьями как форме, обеспечивающей максимальную трудовую и территориальную мобильность молодежи, а также упрощающей возможность изменения размеров занимаемого жилья при рождении детей или увеличении доходов семьи);

– совершенствование системы обеспечения студентов общежитиями и особенно специальными «семейными блоками» для студенческих семей и др.

Общественная деятельность

– поддержка деятельности и инициатив молодежных общественных объединений (союзов, ассоциаций и пр.);

– организация системного взаимодействия государства с молодежными общественными объединениями в процессе формирования и реализации государственной молодежной политики, а также выработки и реализации управленческих решений, затрагивающих интересы молодежи;

– развитие у молодежи гражданского сознания, ответственности за развитие России и др.

Для обеспечения решений поставленных задач в среднесрочной перспективе необходимо:

– обеспечить развитие кадрового потенциала работников, занятых в сфере молодежной политики;

– обеспечить развитие консультационных центров и центров по работе с молодежью во всех субъектах Федерации;

– создать систему информационной поддержки реализации молодежной политики (базу данных молодежных проектов и программ с открытым доступом);

– создать систему информационной и юридической поддержки трудоустройства молодежи.

Основные направления государственной молодежной политики (цели, задачи и приоритеты государственной молодежной политики) на долгосрочную перспективу. Конечной целью долгосрочной молодежной политики является наращивание человеческого капитала

молодежи, компенсирующего сокращение численности молодежи и обеспечивающее экономический рост и повышение конкурентоспособности Российской Федерации в глобальном мире.

Задачи молодежной политики в долгосрочной перспективе (до 2025 г.):

Образование

– обеспечение доступности качественного образования для молодежи на всех его уровнях;

– создание информационных систем поддержки для молодежи в поиске необходимых образовательных ресурсов;

– вовлечение молодежи в непрерывное профессиональное образование, позволяющее гибко реагировать на изменение потребностей национального и глобального рынка труда;

– поддержка получения различными группами молодежи правовых, экономических и управленческих знаний, необходимых для их профессиональной и гражданской деятельности и др.

Трудоустройство

– создание системы трудоустройства молодежи в соответствии с ее интересами, полученным образованием, возможностями самореализации;

– создание условий для роста трудовой мобильности молодежи, наиболее полного использования ее трудового потенциала;

– поддержка молодых ученых, их участие в научных обменах, научных семинарах, конференциях, симпозиумах в России и за рубежом и др.

Жилье

– развитие разнообразных практик поддержки молодежи в решении их жилищных проблем (например, поддержка аренды жилья, возрождение практики молодежных жилищных кооперативов) и др.

Профилактика правонарушений

– обеспечение комплексного подхода к профилактике правонарушений молодежи (учет положения в семье молодого человека, его состояния здоровья, потребления наркотиков или психотропных средств, курения, показателей учебной деятельности (если учится), работы (если работает) и др.

Общественная деятельность

– поддержка молодежных движений и объединений;

– обеспечение развития гражданственности, ответственности за свою страну, семью, свое дело и др.

К приоритетам реализации ГМП в долгосрочной перспективе, на наш взгляд, следует отнести: качественное образование молодежи; повышение производительности труда молодежи до средневропейского уровня; трудоустройство молодежи в соответствии с ее интересами и полученным образованием; здоровый образ жизни молодежи; уважение к другим народам и национальностям, этносам и др.

В заключение следует отметить, что молодежь представляет собой специфическую социально-демографическую группу в возрасте 14...30 лет, которая является стратегическим ресурсом для инновационного развития современной России на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Перед молодежью и молодежной политикой стоит ряд серьезных вызовов и угроз, которые требуют своего устранения. К подобным негативным угрозам-вызовам относятся:

– снижение количества молодых людей в составе общей численности населения России, что, в свою очередь, затронет и субъекты Российской Федерации;

– уменьшение объема государственного финансирования программ и мероприятий государственной молодежной политики Российской Федерации;

– трудовая миграция молодежи из стран СНГ способствует притоку низкоквалифицированных кадров на российский рынок труда, затрудняя тем самым процесс инновационной модернизации российской экономики;

– высокий уровень безработицы среди молодого поколения россиян и другие [6. С. 165].

Таким образом, обозначенные нами вызовы государственной молодежной политики XXI в. диктуют условия по детальной разработке, практическому внедрению эффективной модели молодежной политики и

эффективных механизмов ее реализации. Во многом от устранения вызовов и угроз, стоящих перед российской государственной молодежной политикой, будет зависеть прогрессивное развитие российской государственности на долгосрочную перспективу.

Список литературы

1. Зеленин А. А. Место и роль молодежной политики в развитии социальной сферы // Вестник Поморского университета. 2006. № 5. С. 328–331.
2. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
3. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика: к вопросу о категориально-понятийном аппарате исследования проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 12 (84). С. 88–98.
4. Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала: доклад Федерального агентства по делам молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (дата обращения: 30.01.2017).
5. Самохвалов Н. А. Попытка концептуального осмысления государственной молодежной политики в Российской Федерации: проблемы и пути решения // European Social Science Journal. 2014. № 9–1 (48). С. 539.
6. Самохвалов Н. А. Проблемные аспекты и перспективы развития молодежной политики в Саратовской области // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 3–4 (8). С. 165.
7. Чирун С. Н. Постмолодежь как социально-политический феномен: проблема релятивности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4–3 (6). С. 109–116.
8. Численность и состав населения: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) // Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 30.01.2017).
9. Dauwe E. Kommunalpolitik: Leitfaden für die Praxis. Opladen: Westdt. Verl., 1995.
10. Gaudin J.-P. Pourquoi la gouvernance? Presses de Sciences Po, Paris, 2002.
11. Greese D. Kommunale Kinderund Jugendpolitik // Kommunpolitik: Politisches Handeln in den Gemeinden / Hrsg.: Hellmut Wollmann; Roland Roth. Opladen, 1999.

References

1. Zelenin A. A. *Vestnik Pomorskogo universiteta* (Bulletin of the Pomor University), 2006, no. 5, pp. 328–331.
2. Lukov V. A. *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarny analiz* [Youth theories: Interdisciplinary analysis]. Moscow: «Canon +» of the Rehabilitation NGO, 2012. 528 p.
3. Merkulov P. A. *Upravlencheskoe konsultirovanie* (Administrative consulting), 2015, no. 12 (84), pp. 88–98.
4. *Molodezh Rossii 2000–2025: razvitie chelovecheskogo kapitala: doklad Federalnogo agentstva po delam molodezhi* (Youth of Russia 2000–2025: development of human capital: report of the Federal Agency for Youth Affairs) Available at: <http://www.vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (Date of access: 30.01.2017).
5. Samokhvalov N. A. *European Social Science Journal* (European Social Science Journal), 2014, no. 9–1 (48), p. 539.
6. Samokhvalov N. A. *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenyh* (National Association of Scientists), 2015, no. 3–4 (8), p. 165.
7. Chirun S. N. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Kemerovo State University), 2014, no. 4–3 (6), pp. 109–116.
8. *Chislennost i sostav naseleniya: ofitsialnye dannye Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat)* (Population size and composition: official data of the Federal State Statistics Service (Rosstat)) Available at: http://www.gks.ru/rosstat_main/rosstat/en/statistics/population/ (Date of access: 30.01.2017).
9. Dauwe E. *Kommunalpolitik: Leitfaden für die Praxis* [Kommunalpolitik: Leitfaden für die Praxis]. Opladen: Westdt. Verl., 1995.
10. Gaudin J.-P. *Pourquoi la gouvernance? Presses de Sciences Po* (Pourquoi la gouvernance? Presses de Sciences Po), Paris, 2002.
11. Greese D. *Kommunalpolitik: Politisches Handeln in den Gemeinden* (Kommunalpolitik: Politisches Handeln in den Gemeinden): Hrsg.: Hellmut Wollmann; Roland Roth. Opladen, 1999.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Самохвалов Николай Александрович, аспирант, старший преподаватель кафедры «Гражданское право», Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково, Россия. Область научных интересов: политические процессы, институты, технологии, правовые аспекты государственного управления
nikolai-samohvalov@yandex.ru

Nikolai Samohvalov, postgraduate, senior teacher, Civil Law department, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Balakovo, Russia. Sphere of scientific interests: political processes, institutions, technology, legal aspects of governance

Образец цитирования

Самохвалов Н. А. Цели, задачи и приоритеты государственной молодежной политики Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективы // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 68–75. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-68-75.

Samokhvalov N. Goals, objectives and priorities of the state youth policy of the Russian Federation for the medium and long-term prospects // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 68–75. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-68-75.

Дата поступления статьи: 08.02.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 323 (571.151)

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-76-83

ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ (14 СЕНТЯБРЯ 2014 г.)

ELECTIONS IN THE ALTAI REPUBLIC (14 SEPTEMBER 2014)

*А. В. Шарпов, Алтайский государственный университет, г. Барнаул
Marin-sharapov@yandex.ru*

A. Sharapov, Altai State University, Barnaul

Исследуются избирательные кампании главы Республики Алтай и Эл Курултай, прошедшие в регионе в 2014 г. На основе эмпирического метода и метода включенного наблюдения сделаны выводы о том, что избирательные кампании носили конкурентный характер. Изучены изменения избирательного законодательства, предвыборные тактики политических партий и кандидатов. Особое место уделено выборам главы Республики Алтай. Это связано с низким рейтингом доверия главы региона и конфликтом региональных элит. Основная борьба развернулась между А. В. Бердниковым и В. И. Петровым. В этом регионе были наибольшие шансы на проведение второго тура.

Определено место партии «Единая Россия» в структуре российской власти. Партия доминирует среди других партий, но не влияет на процесс принятия решений в органах государственной власти. Главной функцией правящей партии является консолидация региональных элит. Существует три модели взаимодействия партии «Единая Россия» с элитами:

- 1) партия выступает как эффективный инструмент консолидации;
- 2) консолидирующая функция партии ограничена;
- 3) партия не является консолидирующим началом.

Охарактеризован раскол элиты и расстановка ведущих игроков на политическом поле Республики Алтай накануне выборов в Эл-Курултай и главы Республики Алтай. Дан анализ новеллам избирательного законодательства, в частности введению запрета на регистрацию кандидатов, имеющих погашенную судимость, в течение 10...15 последующих лет. Установлен факт возникновения трудностей со сбором подписей для выдвижения на Главу Республики Алтай не только у оппозиционных кандидатов, но и действующего руководителя региона. Несмотря на слабое консолидирующее начало партии «Единая Россия» по отношению к региональной элите, в целом она удержала лидирующие позиции. Полученный результат может быть использован при исследовании избирательных процессов в других регионах (Приморский край, Новосибирская область, Иркутская область)

Ключевые слова: избирательная кампания; политические партии; партийный список; одномандатные округа; политическая партия «Единая Россия»; Эл Курултай; региональная элита; муниципальный фильтр; сбор подписей; социологический опрос

The article analyzes election campaigns of the head of Altai Republic and El Kurultay that took place in the region in 2014. Using empirical and participant observation methods, the author has come to the conclusion that the election campaigns have a competitive nature. The publication also touches upon changes in election legislation, pre-election strategies of political parties and candidates. The specific attention is paid to the elections of Altai Republic head. This is connected with the low rate of trust to the head of the region and the conflict between the regional elites. The main participants of the power struggle were A. V. Berdnikov and V. I. Petrov. There was a strong possibility of the second round of voting in the region.

The article specifies the place of United Russia party in the structure of the Russian power. The party dominates among other parties but doesn't influence the process of taking decisions by state authorities. The main function of the dominant party is consolidation of regional elites. There are three models of interaction between United Russia party and the elites:

- 1) party is an effective instrument of consolidation;
- 2) consolidating function of the party is limited;
- 3) party doesn't fulfil a consolidating function.

The author gives the description of the elites split and positioning of leading players in the political framework of Altai Republic shortly before the elections to El Kurultay and the elections of Altai Republic head. The article contains the analysis of electoral legislation innovations, including imposing a ban on registration of candidates with expired criminal record during the next 10–15 years. The author comments on the signature collection difficulties in the process of Altai Republic head nomination that was faced not only by opposition candidates but also by the current leader of the region. Despite the weak consolidating power of the United Russia party towards the regional elite, it generally managed to hold its leading position. The obtained results may be used in research of election processes in other regions (Primorsky Krai, Novosibirsk region, Irkutsk region)

Key words: electoral campaign; political parties; one-mandate districts; party list; El Kurultay; United Russia political party; regional elites; municipal filter; collection of signatures; poll

Введение. Политические партии играют важную роль в электоральном процессе Российской Федерации. Они формируют повестку, генерируют новые идеи, рекрутируют новых публичных политиков. Несмотря на все сложности современного отечественного партогенеза, участие в избирательной кампании политических партий является главной функцией. За последние десять лет из-за программируемости и предсказуемости результатов выборов произошло снижение явки избирателей, исчезновение ярких партийных проектов и лидеров. В политическом пространстве на федеральном и региональном уровнях доминирует правящая партия «Единая Россия» [2; 3; 4; 6; 12].

По мнению Р. Саква, несмотря на доминирующее положение «партии власти», роль ее ограничена. Она доминирует среди других партий, но не влияет на органы власти. К основным функциям можно отнести мобилизационную и представительскую [10].

Иное понимание роли партии власти у Р. С. Мухаметова. Он акцентирует внимание на стабилизационной и консолидирующей функциях. Данные функции направлены на объединение политических, экономических элит для поддержки деятельности президента и правительства в институционально выстроенной структуре.

Если на федеральном уровне данные задачи партия власти успешно реализует, то на местном уровне существуют трудности.

Консолидация элит партией «Единая Россия» наглядно проявляется в избирательных кампаниях и представлена несколькими сценариями.

1. Единая Россия является эффективным инструментом консолидации, вбирая в себя все элитные группы. В рядах оппозиционных партий находятся только маргиналы, не имеющие финансовых и политических ресурсов. На выборах нет конкуренции представителям Единой России.

2. Консолидирующая функция Единой России ограничена. Партия оказывается под контролем одной или нескольких элитных групп и не может объединить все группы интересов. В избирательных кампаниях представители Единой России более или менее успешно борются с конкурентами.

3. Единая Россия не является консолидирующей, большая часть элит открыто конкурирует между собой. Кандидаты-единороссы выступают на выборах слабо [7].

Методология и методика исследования. Задача данного исследования состоит в том, чтобы определить роль партии и объяснить сложившуюся ситуацию. Исследование выполнено на материалах выборов в 2014 г. в Республике Алтай в законодательный орган власти (Эл Курултай) и выборов главы Республики. В качестве эмпирических данных использовался социологический опрос, при помощи контент-анализа собирались данные о кандидатах и результатах выборов, для оценки текущих по-

литических событий задействован метод включенного наблюдения.

Результаты исследования и область их применения. Согласно опросу, проведенному общественным фондом «Открытый Алтай», в апреле 2014 г. на территории данного субъекта РФ за год до проведения выборов в Республике Алтай активизировались основные политические игроки. В опросе приняли участие 1000 респондентов.

В итоге 96 % опрошенных знали о предстоящих выборах. Прогнозируемая явка – 61 % от общего числа респондентов, принявших участие в опросе.

Электоральные предпочтения распределились следующим образом: лидером гонки являлся А. В. Бердников с 29 % устойчивых сторонников и самым значительным антирейтингом в 35,87 %. Далее шел В. И. Петров со стартовым результатом 25,1 % и с менее внушительным антирейтингом в 14,63 %. Замыкал тройку реальных претендентов лидер КПРФ В. В. Ромашкин с рейтингом (12,8 %) и антирейтингом 11,81 %.

Наибольшей популярностью обладают следующие политические партии: Единая Россия (51,44 %), КПРФ (10,64 %), ЛДПР (8,92 %), Справедливая Россия (2,78 %), Родина (1,77 %), Патриоты России (1,05 %). У остальных партий рейтинг зафиксирован меньше 1 %. Среди указанных партий наибольшим антирейтингом обладают ЛДПР (13,37 %), Единая Россия (11,46 %), КПРФ (9,11 %), Яблоко (6,04 %) Справедливая Россия (3,88 %), РПР-Парнас (1,49 %), Родина (1,2 %).

С такими стартовыми возможностями предстали основные политические игроки. Напомним, что выборы главы Республики Алтай проходили по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства. Кандидат мог выдвигаться только от партий с помощью сбора 7 % подписей муниципальных и депутатов Эл Курултая, что составляет в количественном выражении 86 подписей. Данный фильтр прошли четыре кандидата: А. В. Бердников, В. В. Семенов, В. В. Ромашкин, В. И. Петров. Пя-

тый претендент У. Князев не смог собрать необходимое количество подписей, из-за того, что в трех районах региона (чойский, турочакский, майминские районы) все муниципальные депутаты отдали подписи за А. В. Бердникова [11].

Депутатский корпус Эл Курултая, насчитывающий 41 человек, формируется по смешанной системе (50 % по мажоритарной и 50 % по пропорциональной системе). В парламенте предыдущего созыва (2010–2014) представлены КПРФ, Единая Россия, Справедливая Россия, ЛДПР. Численность избирателей на 1 июля 2014 г. составляла 154 451 человек.

К выборам 2014 г. республиканская элита подошла расколотой и находилась в состоянии глубокого конфликта. В 2013 г. отправлены в отставку Ю. Антородонов, Г. Сумин, ранее занимавшие в правительстве Республики Алтай посты первого вице-преьера и министра труда и соцразвития соответственно. Оба отставных чиновника решили баллотироваться от партии «Патриоты России». Кроме того, министр здравоохранения республики И. Яимов лишился своей должности. Из партии «Единая Россия» вышел В. Кыдатов, крупный бизнесмен, который впоследствии примкнул к КПРФ. За каждым игроком стояли свои финансово-промышленные группы. Так, по мнению К. Лукина, в Республике Алтай есть несколько групп («лесники», «банкиры», «дорожники», «строители»), которые оказывают влияние на расклад политических сил. На выборах главы республики они были неподконтрольны или только частично неподконтрольны врио главы региона А. В. Бердникову. Представители лесной, банковской, отчасти дорожной отрасли являлись главными спонсорами партии «Единая Россия». В то же время строительная отрасль поддерживала на выборах главы региона В. И. Петрова и В. Ромашкина и КПРФ на выборах Госсобрания [5].

Особый политический климат придавала внутренняя ситуация в Республике Алтай. Весной 2014 г. прошел небывалый по масштабу паводок, который причинил колоссальный материальный ущерб респу-

блике. Данное природное явление спровоцировало череду отставок: С. М. Тевонян, первый заместитель председателя правительства Республики Алтай и министр лесного хозяйства М. А. Терехов освобождены от занимаемых должностей. Таким образом, в условиях конфликта интересов официальной власти сложнее задействовать административный ресурс и упорядочить избирательный процесс, что делает выборы конкурентными с непредсказуемым результатом.

Согласно классификации Р. С. Мухаметова, на основании представленных фактов, политическую систему Республики Алтай надо отнести ко второй категории, где роль партии «Единая Россия» по консолидации элиты ограничена. Поэтому выборы 2014 г. носили соревновательный характер.

Кроме того, в регионе активно работает Координационный совет политических партий и общественных объединений Республики Алтай, который объединяет ключевые оппозиционные партии. Эта дискуссионная «площадка», где политики обмениваются мнениями, согласовывают тактику дальнейших действий, обсуждают актуальные региональные вопросы.

Партии проявили различную степень готовности к выборам. Традиционно более активно проявила себя правящая партия «Единая Россия». В период март-май проведены партийные праймериз (предварительное голосование) по выдвижению А. В. Бердникова и кандидатов в органы власти. По сути, праймериз являются предстадией выдвижения политическими партиями кандидатов на выборную должность, характеризующуюся широким привлечением рядовых избирателей к процессу отбора этих кандидатов. Синхронизирована работа штаба А. В. Бердникова и партии «Единая Россия». Особенность этих выборов в том, что партия не включила в свои партийные списки А.В. Бердникова, а в первой тройке состоял председатель регионального парламента И. И. Белеков, мэр Горно-Алтайска В. А. Облогин и депутат Эл Курултая А. Б. Казанцева. Возможно, это сделано из-за высокого антирейтинга А. В. Бердникова.

В сложной ситуации оказалась Справедливая Россия. На старте избирательной гонки, имея небольшое количество устойчивых сторонников, данная партия, являющаяся по своей сути оппозиционной, публично заявила о поддержке действующего главы Республики Алтай члена Единой России и не выставила своего кандидата на высшую государственную должность Республики Алтай. Тем самым она затруднила до предела борьбу за расширение своего электората. Однако в партийный список включены сильные и узнаваемые личности. Так, в первую тройку списка вошли лидер организации А. Груздев, бывший замминистра лесного хозяйства Республики Алтай В. Маньшев, а также ученый-историк, депутат Госсообрания М. Паклин. Всего в списке состояло более 50 кандидатов, в том числе глава Кош-Агачского района А. Джаткамбаев.

ЛДПР и КПРФ традиционно подошли к избирательной кампании. Не было серьезных кадровых и программных изменений. Политическая риторика укладывалась в традиционные идеологические стандарты.

Политической особенностью Республики Алтай является существование партий с большим потенциалом, претендующих на проходение 7 %-ного барьера: Патриоты России, Родина и РПП-Парнас. Оппозиционные партии не являются маргинальными. Эти партии имели представительство в республиканском парламенте и в местных legislatures. Так, партийный список Патриотов России возглавили известный в регионе политик, бывший единорос, бывший первый заместитель правительства Республики Алтай Ю. В. Антарадонов. Партию «Родина» возглавила достаточно популярный политик М. Ф. Демина. Республиканскую партию России – Партию народной свободы повел в избирательную кампанию известный журналист, главный редактор газеты «Листок», действующий на тот момент депутат Эл Курултая С. С. Михайлов.

Особенность последних лет избирательного законодательства РФ заключается в том, руководство страны предъявляет важное требование к партиям – это ре-

зультативное участие в выборах. Главной преференцией для партии со стороны избирательной комиссии является отсутствие необходимости сбора подписей. Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от сбора подписей освобождаются партии, получившие не менее 3 % голосов на предыдущих выборах. Кроме того, согласно ФЗ № 67 от 12.06.2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», если партия провела хотя бы одного депутата в Заксобрание региона либо в представительный орган местного самоуправления районного или поселенческого уровня, то она также может осуществлять выдвижение кандидатов и списков кандидатов без сбора подписей.

Для регистрации партийного списка для участия в выборах в Эл Курултай Гражданская сила предъявила 848 подписей, коммунистическая партия «Коммунисты России» – 837 подписей. Именно на стадии сбора и сдачи подписей происходит наибольший отсев кандидатов и политических партий. Это случилось с двумя партиями: Гражданская сила, коммунистическая партия «Коммунисты России».

Таким образом, к старту этой избирательной кампании в привилегированном положении оказались ЛДПР, КПРФ, Единая Россия, Справедливая Россия, Яблоко, Родина и РПР-Парнас.

Кроме того, еще одним новшеством являлся запрет на людей с судимостью. Человек, приговоренный к уголовной ответственности по тяжким и особо тяжким делам, с момента погашения судимости не имеет права баллотироваться на протяжении последующих 10 и 15 лет соответственно.

Наибольший накал борьбы ощущался за пост главы Республики Алтай. В период выдвижения бывший министр энергетики России В. Каложный снят с выборов главы Республики Алтай. Такое решение приняла республиканская избирательная комиссия. Поводом послужил тот факт, что В. Ка-

ложный выдвигался партией «Великое Отечество», состоя при этом в Единой России.

Во время избирательной кампании штаб В. И. Петрова подал в суд на отмену регистрации кандидата А. В. Бердникова, указав, что более десятка подписных листов в поддержку выдвижения А. В. Бердникова оформлены с ошибками – листы заполнялись с исправлениями, названия муниципальных образований написаны с ошибками и т.п. Таким образом, по мнению заявителя, А. В. Бердников не представил достаточного количества достоверных подписей для прохождения муниципального фильтра, в связи с чем постановление избирательной комиссии о регистрации А. В. Бердникова подлежит отмене. А 2 сентября Верховный суд Республики Алтай отказал кандидату на пост главы региона В. И. Петрову в удовлетворении заявления об отмене постановления ресизбиркома о регистрации А. В. Бердникова кандидатам на губернаторский пост [9].

На протяжении всей кампании оппозиция активно боролась с правящей партией. Так, 12 сентября Избирком Республики Алтай удовлетворил заявление Справедливая Россия о незаконном использовании изображения Президента РФ В. В. Путина в агитационных материалах Единой России [1].

Конкуренция между партиями и кандидатами выражалась не только в наличии статусных кандидатов, но и реальной полномасштабной агитационной борьбе. В гонке за кресло главы Республики определились два основных конкурента – А. В. Бердников и В. И. Петров. Данное соперничество делало реальным проведение второго тура голосования. Особое внимание необходимо уделить информационному аспекту избирательной кампании. В предвыборный период в Республике Алтай не было монополии на транслирование своих идей врио главы Республики Алтай А. В. Бердникова и правящей партии. Особая роль отводилась газете «Пресс-центр», на страницах которой размещались компрометирующие материалы о В. И. Петрове. На стороне оппозиции самая популярная и значительная по

тиражу (17 тыс. экз.) газета «Листок». На ее страницах публиковался В. И. Петров – главный конкурент А. В. Бердникова. Кроме того, малоизвестная газета «Холодный белок» использовалась оппозицией как вброс компромата и антиреклама действующей власти. Для нейтрализации данного печатного органа инициированы обыски сотрудниками Следственного комитета России и отдела «Э» МВД РА в редакции газеты. По словам сотрудников редакции, изъято восемь компьютеров, в том числе и дислоцированный в офисе редакционный веб-сервер, на котором расположен сайт издания [8].

Благодаря наличию сильных организационных структур в районах республики Штаб А. В. Бердникова применял полевое направление в агитационно-массовой кампании – технология «от двери к двери», когда агитатор непосредственно обходит дома и квартиры и общается с избирателями. Все это сопровождалось массовой расклейкой. Также широко применялись личные встречи кандидата с населением.

В силу более скромных ресурсов Штаб В. И. Петрова использовал тактику мобильных отрядов расклейщиков, которые начинали свою работу в самых отдаленных уголках региона и в течение нескольких дней соединялись в Горно-Алтайске. В. И. Петров проводил личные встречи с избирателями.

Политические партии менее плотно работали с населением, ограничившись массовой распространением газет по почтовым ящикам и расклейки агитматериала в отведенных по закону местах. В программном плане партии не сформировали интересной повестки.

Таким образом, в результате упорной избирательной кампании появились следующие результаты.

А. В. Бердников – 50,63 %, В. И. Петров – 36,44 %, В. В. Ромашкин – 7,72 %, В. В. Семенов – 3,01 %.

В республиканский парламент по партийным спискам получили следующие результаты: Единая Россия – 44,70 %, КПРФ – 12 %, Справедливая Россия – 7,77 %, ЛДПР – 7,48 %, Патриоты России – 6,21 %, Гражданская инициатива – 2,70 %, Родина – 4,72 %, Коммунистическая партия социальной справедливости – 4,51 %, Экологическая партия «Зеленые» – 1,25 %, Партия «За справедливость!» – 2,60 %, Яблоко – 0,89 %, РПР-ПАРНАС – 1,78 %.

Выводы. Результаты выборов подтвердили общероссийскую тенденцию о доминировании партии «Единая Россия». В то же время проявились и особенности, связанные с тем что, менее 1 % отделило действующего главу региона от второго тура голосования. Это самый низкий результат по Российской Федерации 14 сентября 2014 г. Например, голосование за партию не принесло сенсации. Однако список крепких «среднячков», набравших 4...7 %, составили три партии: Патриоты России, Родина, Коммунистическая партия социальной справедливости. Результаты парламентских партий подтвердили общероссийский тренд на потерю интереса к ним со стороны избирателей. Вновь образованные партии пока не составляют конкуренцию, но захватывают часть ядерного электората парламентских партий: Коммунистическая партия социальной справедливости у КПРФ, Партия «За справедливость!» у Справедливой России. Партии либерального толка не получили популярность в регионе. Все партии не смогли преодолеть застарелые проблемы, предложить интересную политическую повестку и выдвинуть новых харизматичных лидеров, что сказалось на конечных результатах. В целом, такой результат на выборах в этом регионе стал возможен из-за слабой консолидации элиты вокруг партии «Единая Россия».

Список литературы

1. Впервые в России был арестован тираж газеты «Единая Россия» // Газета «Листок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.listock.ru/36722> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Выборы 18 сентября 2016 года: как голосовали за партии в регионах // Регнум [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.regnum.ru/news/polit/2182423.html> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Карамзина Л. И. Казахстан и Россия: пропорциональные правила выборов // Хабарши-Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/228/Kazakhstan-i-%20Rossiya.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.01.2017).
4. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009 гг. М.: Панорама, 2009. 312 с.
5. Лукин К. Почему в Республике Алтай прошли конкурентные выборы? // Политсибру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politsib.ru/news/74734> (дата обращения: 10.01.2017).
6. Миненкова Н. Е. Факторы и последствия трансформации партийных систем в Польше и Украине // Журнал исторических, политических и международных исследований. 2013. № 2. С. 294–300.
7. Мухаметов Р. С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // *Ars Administrandi*. 2015. № 1. С. 86.
8. Обыск в редакции «Листка» проводил СКР и центр «Э» // Что делать? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdelat.ru/articles/obysk_v_redakcii_listka_provodil_skr_i_centr_e/ (дата обращения: 10.01.2017).
9. Петрову не удалось снять Бердникова с выборов // Газета «Листок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gorno-altaisk.info/news/32054> (дата обращения: 10.01.2017).
10. Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // *Политическая наука*. 2015. № 1. С. 60–72.
11. Страх и ненависть в Республике Алтай // *Атмосфера* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asfera.info/news/politics/2014/07/30/strah_nenavist_respublike_altay_91726.html (дата обращения: 10.01.2017).
12. Шашкова Я. Ю., Девиатиярова А. И. Роль избирательных объединений в формировании и функционировании органов законодательной власти в регионах Западной Сибири // *Известия АГУ*. 2013. № 4–1. С. 250–252.

References

1. Vpervye v Rossii byl arestovan tirazh gazety «Edinaya Rossiya» (For the first time in Russia, the circulation of the newspaper «United Russia» was arrested): the newspaper «Listok» Available at: <http://www.listock.ru/36722> (Date of access: 10.01.2017).
2. Vybory 18 sentyabrya 2016 goda: kak golosovali za partii v regionah (Elections on September 18, 2016: how they voted for parties in the regions): Regnum Available at: <https://www.regnum.ru/news/polit/2182423.html> (Date of access: 10.01.2017).
3. Karamzina L. I. Хабарши-Vestnik Evraziyskogo natsionalnogo universiteta im. L. N. Gumeleva (Khabarshi-Bulletin of the Eurasian National University named after L. N. Gumeleva), 2008, no. 1 Available at: <http://www.repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/228/Kazakhstan-i-%20Rossiya.pdf?sequence=1> (Date of access: 10.01.2017).
4. Kynev A. Vybory parlamentov rossiyskikh regionov 2003–2009 gg. [Elections of the parliaments in the Russian regions 2003–2009]. Moscow: Panorama, 2009. 312 p.
5. Lukin K. Politsibru (Politsebro) Available at: <http://www.politsib.ru/news/74734> (Date of access: 10.01.2017).
6. Minenkova N. E. Zhurnal istoricheskikh, politicheskikh i mezhdunarodnyh issledovaniy (Journal of Historical, Political and International Studies), 2013, no. 2, pp. 294–300.
7. Mukhametov R. S. *Ars Administrandi* (Ars Administrandi), 2015, no. 1, p. 86.
8. Obysk v redakcii «Listka» provodil SKR i tsentr «E» (The search in the editorial board of the «Listka» was conducted by the SKR and the «E» center) // What to do? Available at: http://www.cdelat.ru/articles/obysk_v_redakcii_listka_provodil_skr_i_centr_e/ (Date of access: 10.01.2017).
9. Petrovu ne udalos snyat Berdnikova s vyborov (Petrov was unable to remove Berdnikov from the election): Newspaper «Listok» Available at: <http://www.gorno-altaisk.info/news/32054> (Date of access: 10.01.2017).
10. Sakva R. *Politicheskaya nauka* (Political Science), 2015, no. 1, pp. 60–72.
11. Strah i nenavist v Respublike Altai (Fear and hatred in the Republic of Altai): Atmosphere Available at: http://www.asfera.info/news/politics/2014/07/30/strah_nenavist_respublike_altay_91726.html (Date of access: 10.01.2017).
12. Shashkova Ya. Yu., Deviatyayarova A. I. *Izvestiya AGU* (Izvestiya ASU), 2013, no. 4–1, pp. 250–252.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Шарапов Алексей Владимирович, канд. ист. наук, доцент, кафедра «Политическая история, национальные и государственно-конфессиональные отношения», Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. Область научных интересов: изучение политических партий, молодежной политической активности, избирательных технологий
Marin-sharapov@yandex.ru

Aleksey Sharapov, candidate of historical sciences, associate professor, Political History, National and State-Confessional Relations department, Altai State University, Barnaul, Russia. Sphere of scientific interest: study of political parties, youth political activity, electoral technology

Образец цитирования _____

Шарапов А. В. Выборы в Республике Алтай (14 сентября 2014 г.) // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 76–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-76-83.

Sharapov A. Elections in the Altai Republic (September 14, 2014) // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 76–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-76-83.

Дата поступления статьи: 25.02.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

ВЫБОР ИНВЕСТИЦИОННЫХ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПРИ РАБОТЕ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ СЧЕТОМ

CHOICE OF INVESTMENT TAX DEDUCTIONS AT WORK WITH INDIVIDUAL INVESTMENT ACCOUNT

*О. А. Гражданкина,
Алтайский государственный
университет, г. Барнаул
olga-gr2104@mail.ru*

*O. Grahdankina, Altai State
University, Barnaul*

*С. В. Шапошникова,
Межрайонная ИФНС
России № 14 по
Новосибирской области,
г. Карасук
cvellana250392@mail.ru*

*S. Shaposhnikova,
Interdistrict Inspectorate of
the Federal Tax Service of
Russia No. 14 for Novosibirsk
region, Karasuk*

С целью вовлечения населения Российской Федерации в инвестиционные процессы разработан новый финансовый инструмент в виде индивидуального инвестиционного счета, который имеет дополнительную налоговую привлекательность по сравнению с другими инвестиционными программами, предлагаемыми в последнее время на рынке. Эксперты отмечают невысокую финансовую грамотность населения России, низкую экономическую и инвестиционную активность. В работах исследователей отражено, что ИСС является инновационным инструментом инвестирования на российском фондовом рынке, однако пока он не стал общедоступным и понятным инструментом, налоговые вычеты носят единичный характер и в настоящее время практически не востребованы. Поэтому произведенные и представленные в работе расчеты, направленные на определение эффективности и целесообразности выбора инвестиционного вычета при ИСС, имеют определенную практическую значимость для частных инвесторов.

Одно из новшеств российского фондового рынка – индивидуальный инвестиционный счет, позволяющий одновременно получать инвестиционный доход и налоговый вычет по НДФЛ для частного инвестора. Обосновывается выбор варианта инвестиционного вычета при разных финансовых стратегиях. Цель исследования заключается в изучении изменений, внесенных в законодательные акты РФ по заданному направлению, определении целесообразности применения инвестиционных налоговых вычетов для налогоплательщиков. Исходя из поставленной цели, решены следующие задачи: изучены нормативно-правовые акты с изменениями и дополнениями, действующие по состоянию на 1 марта 2017 г., проведены соответствующие расчеты, сделаны рекомендации по применению.

Для решения поставленных в исследовании задач применялись следующие методы: наблюдение и сбор информации, анализ и синтез, моделирование

Ключевые слова: индивидуальный инвестиционный счет; инвестиционный налоговый вычет; налогоплательщик; ценные бумаги; налог; частный инвестор; налоговый вычет; вычет на взносы; вычет на доход; инвестиционные инструменты

With the purpose of involving the population of the Russian Federation in investment processes, a new financial instrument has been developed in the form of an individual investment account, which has an additional tax appeal in comparison with other investment programs recently offered in the market. Experts note the low financial literacy of the population of Russia, low economic and investment activity of the population. In the works of the researchers it is reflected that ISS is an innovative tool for investing in the Russian stock market, but has not yet become a generally accessible and understandable tool, tax deductions are of a single nature and are practically not in demand at present. Therefore, the calculations made and submitted in the work, aimed at determining the efficiency and expediency of choosing an investment deduction for ASC, have a certain practical significance for private investors.

One of the innovations of the Russian stock market is an individual investment account that allows you to simultaneously receive investment income and a personal income tax deduction for a private investor. The choice of a variant of investment deduction under different financial strategies is justified. The purpose of the study is to study the changes made to the legislative acts of the Russian Federation in a given direction, determining the appropriateness of applying investment tax deductions for taxpayers. Based on the goal, the following tasks were accomplished: regulatory and legal acts were reviewed with amendments and additions in effect as of March 1, 2017, appropriate calculations were made, and recommendations for application were made.

To solve the problems posed in the study, the following methods were used: observation and collection of information, analysis and synthesis, and modeling

Key words: individual investment account; investment tax deduction; taxpayer; securities; tax; private investor; tax deduction; deduction of contributions; deduction on income; investment tools

Введение. В настоящее время инфляционные проблемы и экономическая нестабильность затрагивают каждого гражданина и непосредственно отражаются не только на уменьшении его реальных доходов, но и на сокращении его сбережений. Поэтому стоит признать, что даже незначительные финансовые накопления, которые отложены на банковских депозитах или в других местах для населения России, — это непростое решение. С начала 2015 г. Правительством РФ предприняты шаги, направленные на развитие инвестиционной составляющей в финансовой политике домохозяйств.

Можно констатировать, что среднестатистическому гражданину сложно разобраться в многочисленных рекомендациях экономистов и финансовых аналитиков и выбрать эффективную финансовую стратегию. Обязательно возникает вопрос о целесообразности и оправданности вкладывания собственных средств в разнообразные финансовые инструменты. Наиболее доступные для физических лиц — это диверсификация вложений в иностранную валюту, на банковские вклады, в недвижимость, складывать в «кубышку на черный день» либо попробовать работать с ценными бумагами.

Актуальность исследования заключается в том, что российский фондовый рынок с каждым днем становится все более привлекательным для частного инвестора. С целью вовлечения населения Российской Федерации в инвестиционные процессы разработан новый финансовый инструмент

в виде индивидуального инвестиционного счета (ИИС), который имеет дополнительную налоговую привлекательность по сравнению с другими инвестиционными программами, предлагаемыми в последнее время на рынке. Эксперты отмечают невысокую финансовую грамотность населения России, низкую экономическую и инвестиционную активность населения. В работах исследователей отражено, что ИИС является инновационным инструментом инвестирования на российском фондовом рынке, однако он пока не стал общедоступным и понятным инструментом, налоговые вычеты носят единичный характер и в настоящее время практически не востребованы [1; 3; 4; 5; 7]. Поэтому произведенные и представленные в работе расчеты, направленные на определение эффективности и целесообразности выбора инвестиционного вычета при ИИС, имеют определенную практическую значимость для частных инвесторов.

Следует обратить внимание на то, что начиная с 1 января 2015 г., Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ) дополнен ст. 219.1 «Инвестиционные налоговые вычеты», а Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» гл. 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее ФЗ № 39) дополнена ст. 10.2-1, раскрывающая понятие

«индивидуальный инвестиционный счет». В связи с данными изменениями в налоговом законодательстве у налогоплательщиков – физических лиц появилась возможность воспользоваться правом на получение налогового вычета. При создании законопроекта об ИИС экспертами изучался опыт США, и лучшее взято за основу. В США индивидуальные пенсионные счета (аналог ИИС) впервые появились в 1974 г. [9], в Великобритании эти счета называются индивидуальные сберегательные счета, которые появились в 1999 г. [8].

В соответствии с п. 1 ст. 10.2-1 ФЗ № 39 индивидуальный инвестиционный счет – это счет внутреннего учета, кото-

рый предназначен для обособленного учета денежных средств, ценных бумаг клиента – физического лица, обязательств по договорам, заключенным за счет указанного клиента, и который открывается и ведется в соответствии со ст. 10.2-1 ФЗ № 39.

Индивидуальный инвестиционный счет открывается и ведется брокером или управляющим на основании отдельного договора на брокерское обслуживание или договора доверительного управления ценными бумагами, которые предусматривают открытие и ведение Индивидуального инвестиционного счета (далее также – договор на ведение Индивидуального инвестиционного счета).

Рейтинг участников торгов по количеству зарегистрированных индивидуальных инвестиционных счетов (топ-13) по состоянию на начало года [5]

Ranking of bidders by the number of registered individual investment accounts (top-13) as for the beginning of the year [5]

Наименование участника торгов/ Name of a bidder	на 01.01.2016/ for 01.01.2016	на 01.01.2017/ for 01.01.2017
ПАО Сбербанк/PJSC Sberbank	24525	57472
АО «ФИНАМ»/ JSC «FINAM»	21728	35009
АО «Открытие Брокер»/JSC Open Broker	13752	29923
ООО «Компания БКС»/LLC «BKS Company»	14315	27415
ВТБ 24 (ПАО)/VTB 24 (PAO)	562	10810
ООО «АТОН»/ATON LLC	4963	7826
ООО «УК «Альфа-Капитал»/LLC «MC Alfa-Capital»	4117	6914
Банк ГПБ (АО)/Bank of GPB (JSC)	375	2387
ПАО «Промсвязьбанк»/ PJSC «Promsvyazbank»	823	2195
ООО «АЛОР +»/ ООО «ALOR +»	864	1551
КИТ Финанс (ООО)/KIT Finance (LLC)	526	1214
АО ИК «ЦЕРИХ Кэпитал Менеджмент»/JSC IC «ZERICH Capital Management»	610	1193
ЗАО «Сургутнефтегазбанк»/ZAO «Surgutneftegazbank»	227	515

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о возрастающем интересе к открытию Индивидуального инвестиционного счета, поскольку он позволяет не только получать инвестиционный доход от вложения в ценные бумаги, обращающиеся на организованном рынке ценных бумаг, но и предоставляет налоговые вычеты по НДФЛ, что увеличивает общий доход инвестора. По данным ММВБ по состоянию

на 1 января 2017 г., наибольшее количество ИИС открыто ПАО Сбербанк – около 31 % от общего количества из 13 наиболее крупных организаций в данном сегменте, АО «ФИНАМ» принадлежит второе место, или 19 %, на третьем месте располагается АО «Открытие Брокер» с 16 % соответственно. Наибольший рост по данному показателю наблюдается у ВТБ 24 (ПАО), несмотря на то, что в настоящее время в рейтинге

оно занимает пятое место, но по темпу роста лидирует. Относительный показатель, характеризующий рост количества ИИС, превышает 19,2 раза, при среднем показателе для данной выборки 2,5 раза.

В соответствии с п. 1 ст. 219 НК РФ физические лица обладают правом на получение трех вариантов инвестиционных налоговых вычетов. Второй и третий варианты вычета, указанные в п. 1 ст. 219 НК РФ, непосредственно связаны с индивидуальным инвестиционным счетом. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Налоговый вычет предоставляется в сумме денежных средств, внесенных налогоплательщиком в налоговый период на индивидуальный инвестиционный счет, можно назвать его «вычетом на взносы».

Данный налоговый вычет предоставляется в размере суммы, на которую налогоплательщик пополнил индивидуальный инвестиционный счет в отчетном году. По данному налоговому вычету НК РФ установлен четкий лимит в размере 400 тыс. р. (пп. 1 п. 3 ст. 219.1 НК РФ). В последнее время поступают предложения увеличить предельную величину до 1 млн р. Но на сегодняшний день Министерство финансов частично отклонило законопроект от председателя думского комитета по экономической политике А. Аксакова об Индивидуальных инвестиционных счетах (ИИС) в части увеличения налогового вычета [2].

Кроме того, очень важно, чтобы у владельца ИИС в период действия договора на ведение Индивидуального инвестиционного счета не было других действующих договоров на ведение счета, т.е. не было двух и более разных счетов. В противном случае, то есть при наличии у налогоплательщика двух и более ИИС, налоговая инспекция вынесет решение об отказе в предоставлении инвестиционного налогового вычета [6]. Заслуживает внимания следующее уточнение, которое позволяет сохранить возможность вычета, а именно условие, при котором один договор на ведение ИИС прекращает свое действие, а на смену ему заключается новый, но с обязательным пе-

ремещением всех активов на новый ИИС (пп. 3 п. 3 ст. 219.1 НК РФ). Исследование показало, что предоставленный налоговый вычет в виде «вычета на взносы» является наиболее простым и понятным для налогоплательщиков – физических лиц.

Например, налоговый вычет может быть предоставлен только в рамках установленного НК РФ лимита в размере 400 тыс. р. Расчет максимально возможного налогового вычета будет представлен следующим образом:

$$400 \text{ тыс. р.} * 13\% = 52 \text{ тыс. р.}$$

Другой вариант налогового вычета, когда льгота предоставляется в сумме положительного финансового результата, полученного по операциям, учитываемым на индивидуальном инвестиционном счете, можно назвать его «вычет на доход».

Данный налоговый вычет предоставляется по окончании договора на ведение Индивидуального инвестиционного счета при условии, что с момента открытия данного счета прошло не менее трех лет, согласно пп. 1 п. 4 ст. 219.1 НК РФ.

При этом воспользоваться им можно лишь в случае, если ни разу за весь срок действия договора на ведение Индивидуального инвестиционного счета налогоплательщик не заявлял к вычету сумму внесенных на Индивидуальный инвестиционный счет денежных средств (пп. 2 п. 4 ст. 219.1 НК РФ). Таким образом, налогоплательщик может выбрать любой из вариантов инвестиционного налогового вычета, но он не имеет права использовать их одновременно.

Положительным моментом является тот факт, что НК РФ не содержит условий максимальной суммы данного вычета, таким образом, налогоплательщик может не облагать налогом на доходы физических лиц всю сумму дохода, полученную от операций по Индивидуальному инвестиционному счету, а они могут колебаться от нескольких процентов до двух- и трехзначных величин. В рамках ИИС можно использовать разнообразные инвестиционные инструменты – это акции (доход возможен от

роста курсовой стоимости и дивидендов), облигации (доход возможен от роста курсовой стоимости и купона), ETF – паи иностранных инвестиционных фондов (доход возможен от роста курсовой стоимости пая и дивидендов), еврооблигации (доход возможен от роста курсовой стоимости и купона в иностранной валюте) и др.

Следует отметить, что выбор сценария, по которому инвестор будет работать с ИИС, очень важен с точки зрения налогообложения. Например, первый вариант предпочтителен для тех граждан, которые имеют существенный доход, с которого уплачен НДФЛ, они могут позволить себе ввести сумму до 400 тыс. р., т.е. не расходовать ее на личные нужды, а сберегать. Желательно, чтобы это был единовременный платеж. Такие инвесторы, как правило, придерживаются консервативной инвестиционной стратегии.

Выбор второго варианта будет более целесообразен для тех, кто применяет активную и даже агрессивную торговую стратегию, а также может не иметь дохода, с которого удерживается НДФЛ. В большей части это относится к индивидуальным предпринимателям, применяющим специальные режимы налогообложения [2]. Для них выбор не стоит. Соответственно, возникает вопрос: что делать инвесторам, которые имеют доходы, подлежащие налогообложению НДФЛ? В этом случае необходимо проводить расчеты. Например, если у нашего условного инвестора доходы от операций на ИИС составят 20 %, то вычет по НДФЛ составит только 10,4 тыс. р., при 20 % – 20,8 тыс. р. и т.д. Таким образом, проведенные вычисления показывают, что эффект от применения «вычета на доходы» начинается только после удвоения первоначальной величины суммы, положенной на ИИС. Для инвестора с консервативным сценарием поведения на фондовом рынке это практически невозможно. Таким образом, преимущество ИИС заключается в суммировании дохода, полученного от операций на фондовом рынке и сумм инвестиционно-налогового вычета.

Исходя из сказанного, в работе представлены результаты расчетов. Обращает на себя внимание тот факт, что если сумма внесенных денежных средств на Индивидуальный инвестиционный счет за каждый налоговый период не превышает установленного лимита, т.е. 400 тыс. р. за календарный год, то каждый налоговый период у налогоплательщика возникает право на предъявление внесенной суммы к вычету.

Кроме того, обращаем внимание на то, что инвестиционный налоговый вычет применяется при зачислении денежных средств и (или) получении доходов по Индивидуальным инвестиционным счетам, по договорам, которые заключены после 01.01.2014 г.

Для получения инвестиционного налогового вычета налогоплательщику необходимо представить в инспекцию Федеральной налоговой службы Российской Федерации заполненную декларацию (форму 3-НДФЛ), инвестиционный налоговый вычет отражается в п. 3 Листа Е2 данной декларации.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование показало, что в настоящее время существует возможность налоговых вычетов по инвестиционной деятельности. В работе обращено внимание на льготное налогообложение по индивидуальному инвестиционному счету. Приведенные в работе расчеты показали, что у налогоплательщика имеется возможность выбирать наиболее эффективные варианты налоговых вычетов или возвратов из бюджета уплаченных сумм НДФЛ. Можно сделать выводы, что изменения, внесенные в законодательные акты РФ, расширили права налогоплательщиков как активно, т.е. через непосредственное инвестирование денежных средств в финансовые инструменты, так и пассивно – посредством льготного налогообложения приумножить свои сбережения. В настоящее время рано говорить о масштабном открытии и работы с ИИС. Необходимо стимулировать широкое распространение информации о возможностях для граждан и повышение финансовой грамотности населения страны.

Список литературы

1. Бирюков И. Н. Индивидуальные инвестиционные счета как механизм привлечения частных инвесторов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 4–7.
2. Ведомости – Минфин согласился увеличить до 1 млн р. взносы на индивидуальный инвестиционный счет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2016/05/16/641059-individualnie-investitsionnie-scheta> (дата обращения: 09.03.2017).
3. Вильданов А. И. Индивидуальный инвестиционный счет: тенденции и перспективы развития // Глобальный рынок и финансовый инжиниринг. 2016. № 2. С. 153–164.
4. Глаголев И. В. Индивидуальные инвестиционные счета как инновационный инструмент инвестирования на российском финансовом рынке // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2015. № 11. С. 47–49.
5. Рейтинг участников торгов по количеству зарегистрированных Индивидуальных инвестиционных счетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moex.com/ru/spot/members-rating.aspx?rid=125&month=12&year=2016> (дата обращения: 09.03.2017)
6. Уцына Е. Новый вычет по НДФЛ для инвесторов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/616399/> (дата обращения: 09.03.2017).
7. Чих Н. В., Белова М. К. Инвестиционные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2016. № 46. С. 252–256.
8. David A McGregor. Individual Savings Accounts [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.simmers.co.uk/factsheets/individual_savings_accounts.pdf (дата обращения: 13.03.2017).
9. David A. Wise Chapter Individual Retirement Accounts and Saving Chapter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nber.org/chapters/c7685> (дата обращения: 13.03.2017).

References

1. Biryukov I. N. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* (Intellect. Innovation. Investments), 2015, no. 1, pp. 4–7.
2. *Vedomosti – Minfin soglasilsya uvelichit do 1 mln r. взносы na individualny investitsionny schet* (Vedomosti – the Finance Ministry agreed to increase contributions to the individual investment account to 1 million rubles) Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2016/05/16/641059-individualnie-investitsionnie-scheta> (Date of access: 09.03.2017).
3. Vildanov A. I. *Globalny rynek i finansovy inzhiniring* (Global market and financial engineering), 2016, no. 2, pp. 153–164.
4. Glagolev I. V. *Infrastrukturnye otrasti ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya* (Infrastructural changes in the economy: problems and development prospects), 2015, no. 11, pp. 47–49.
5. *Reyting uchastnikov torgov po kolichestvu zaregistrirovannykh Individualnykh investitsionnykh schetov* (Rating of bidders by the number of registered Individual Investment Accounts) Available at: <http://www.moex.com/en/spot/members-rating.aspx?rid=125&month=12&year=2016> (Date of access: 09.03.2017).
6. Utsyna E. *Novy vychet po NDFL dlya investorov* (New deduction for personal income tax for investors) Available at: <http://www.garant.ru/article/616399/> (Date of access: 09.03.2017).
7. Chikh N. V., Belova M. K. *Vestnik Volzhskoy gosudarstvennoy akademii vodnogo transporta* (Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport), 2016, no. 46, pp. 252–256
8. David A McGregor. *Individual Savings Accounts* (Individual Savings Accounts) Available at: http://www.simmers.co.uk/factsheets/individual_savings_accounts.pdf (Date of access: 13.03.2017).
9. David A. *Wise Chapter Individual Retirement Accounts and Saving Chapter* (Wise Chapter Individual Retirement Accounts and Saving Chapter) Available at: <http://www.nber.org/chapters/c7685> (Date of access: 13.03.2017).

Коротко об авторах

Гражданкина Ольга Анатольевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Международный институт экономики менеджмента и информационных систем, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. Область научных интересов: налоги и налогообложение, инвестиции
olga-gr2104@mail.ru

Шапошникова Светлана Владимировна, специалист-эксперт правового отдела, Межрайонная ИФНС России № 14 по Новосибирской области, г. Карасук, Россия. Область научных интересов: налоги и налогообложение, инвестиции
svetlana250392@mail.ru

Briefly about the authors

Olga Grazhdankina, candidate of economic sciences, assistant professor, Finance and Credit department, MIEMIS, Altai State University, Barnaul, Russia. Sphere of scientific interests: taxes and taxation, investments

Svetlana Shaposhnikova, expert of the legal department, Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 14 for Novosibirsk region, Karasuk, Russia. Sphere of scientific interests: taxes and taxation, investments

Образец цитирования

Гражданкина О. А., Шапошникова С. В. Выбор инвестиционных налоговых вычетов при работе с индивидуальным инвестиционным счетом // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 84–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-84-90.

Grazhdankina O., Shaposhnikova S. Choice of investment tax deductions at work with individual investment account // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 84–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-84-90.

Дата поступления статьи: 14.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 657.1: 338.5

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-91-101

РЫНОК УСЛУГ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

MARKET OF WATER SUPPLY AND SANITATION SERVICES I N THE TRANSBAIKAL REGION

*Е. А. Кибирева, Забайкальский государственный университет, г. Чита
e.a_kibireva@mail.ru*

E. Kibireva, Transbaikal State University, Chita

Отмечено, что многие исследователи уже на протяжении длительного времени воспринимают отрасль жилищно-коммунальных услуг как динамически изменяющуюся и подверженную реформированию в связи с тем, что данная отрасль не является конкурентоспособной и самодостаточной в России.

Вместе с тем зарубежный опыт свидетельствует об обратном. Энергетический рынок США представлен несколькими поставщиками электроэнергии, поэтому в стране не существует единой фиксированной ставки, а следовательно, существует конкуренция, которая является основой рыночных отношений.

Необходимо отметить, что в разных государствах Европы стоимость услуг ЖКХ существенно различается, так как жители пользуются правом выбора поставщиков электроэнергии, воды и тепла. Для России такая ситуация невозможна, так как альтернативы не существует.

Развитие конкурентоспособности отрасли коммунальных услуг в Европе отличается от рынка коммунальных услуг в России.

В Лондоне жители имеют право выбрать сразу двух поставщиков коммунальных услуг. Такая ситуация наблюдается и в других европейских странах, т.к. потребители коммунальных услуг пользуются правом отказаться от услуг поставщика воды, электроэнергии, если появился поставщик, предлагающий более выгодные тарифы.

Выявлено, что в России в настоящее время предпринимаются попытки ухода данной отрасли от монополизации и создания классического рынка услуг путем реформирования отрасли ЖКХ и перехода к рыночным отношениям

Ключевые слова: классический рынок; отрасль ЖКХ; коммунальные услуги; конкурентоспособность; себестоимость; издержки; водоснабжение; водоотведение; Забайкальский край; коммунальная отрасль

Many researchers have been perceiving the industry of housing and communal services, as a dynamically changing and subjected to reforms for a long time, due to the fact that this industry is not competitive and self-sufficient in Russia.

However, international experience suggests the opposite. Energy market in the US is represented by several electricity providers, so there is no single fixed rate, and hence there is competition, which is the basis of market relations.

It should be noted that in different countries of Europe the cost of housing services differs significantly as residents have the right to select suppliers of electricity, water and heat. For Russia, this situation is impossible as there is no alternative.

The development of the utility sector competitiveness in Europe differs from the market of public services in Russia.

In London, residents have the right to choose just two providers of utilities. This situation is also observed in other European countries, as consumers of utility services have the right to refuse the services of the supplier of water, electricity, if there appears a supplier that offers more favorable tariffs.

In the author's opinion, at present in Russia the attempts are being made to leave this industry from monopolization and create a classical market for services by reforming the housing and communal services industry and moving to market relations

Key words: classical market; branch of housing and communal services; utilities; competitiveness; cost price; costs; water supply; water disposal; Transbaikal region; communal services

Рыночные отношения подразумевают конкурентное поведение товаров за покупателя, товаропроизводителей – за долю рынка, отраслей – за рынки, госзаказы и инвестиции, а производители коммунальных услуг должны конкурировать за потребителей и, соответственно, за свои прибыли.

Конкурентоспособность – это свойство практически любых экономических объектов. И отсутствие конкуренции в какой-либо отрасли негативно влияет на её развитие и влечет, как правило, к значительному удорожанию услуг при небольшом росте себестоимости услуг.

По мнению Т. С. Бронниковой, отрасль ЖКХ находится в процессе реформирования, и одним из основных её направлений является:

«...переход на договорные отношения в отрасли, развитие конкурентной среды в сфере предоставления услуг; внедрение новых ресурсосберегающих технологий, позволяющих снизить себестоимость на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) при соблюдении стандартов их качества ...» [1. С. 181].

«...Применение предложенного метода позволяет провести анализ эффективности работы компаний производителей услуг ЖКХ и определить приоритетные направления повышения конкурентоспособности оказываемых услуг...» пишет М. В. Комаров. Им отмечена необходимость выбора направления для развития конкурентоспособности отрасли [3].

А. А. Рыбалкина считает, что *«... в отрасли отсутствуют экономические стимулы для снижения издержек, конкурентная среда до сих пор слабо развита. На сегодняшний день рыночные преобразования в ЖКХ большей частью проходят на бумаге...»*. В данном случае А. А. Рыбалкина выделяет конкурентоспособность

отрасли как необходимый стимул снижения себестоимости услуг [7. С. 118–119].

А. В. Ким поясняет, что *«...жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), являясь одной из самых социально-значимых отраслей... будучи отраслью с самой большой долей убыточных предприятий (около 60 %) выступает как реципиент государственных субсидий. Вместе с тем, комплекс ЖКХ – это потенциально весьма доходный рынок с гарантированным спросом...»* Мы согласны с мнением А. В. Ким, что отрасль, которая изначально может приносить прибыль, является убыточной, по причине вмешательства государства в развитие рынка ЖКХ [2].

Г. Ф. Ручкина отметила, что *«... в секторе ресурсообеспечения, который находится под контролем естественных монополий технологического типа, рынок может быть сегментирован по видам услуг...»*. В данном случае рынок ЖКХ Г. Ф. Ручкина предлагает разделить на сегменты по видам услуг [5].

Г. Ф. Ручкина, Е. Л. Венгеровский признают необходимость развития рынка услуг ЖКХ *«... развитие конкурентных правоотношений на рынке услуг ЖКХ, несомненно, будет способствовать усилению влияния на качество предоставляемых услуг потребителям, снижению административно-правовых барьеров для новых организаций в ЖКХ, ограничению тарифного роста...»* [6].

По мнению авторов, необходимость формирования классического рынка услуг отрасли ЖКХ в России – следующий шаг в процессе реформирования.

В табл. 1 представим основные характеристики, определяющие место ЖКХ на рынке услуг.

Таблица 1/Table 1

Основные характеристики, определяющие место коммунальных услуг на рынке услуг в России / The main characteristics that define the place of communal services in the service market in Russia

Автор/Author	Место ЖКХ на рынке услуг/ Housing in the service market	Основные характеристики, определяющие место ЖКХ на рынке услуг/ Main characteristics, which define housing and communal services place in the service market	Проблемы развития рынка ЖКХ услуг, переход к классическому рынку/Problems of housing and communal service market development, transition to the classical market
Т. С. Бронниковой/ T. S. Bronnikova	Стадия реформирования/Reforming stage	Переход на договорные отношения/ Transition to contractual relations	Проблемы финансового и экономического характера реформы на «плечах» населения/ Problems of financial and economic nature of the reform on the «shoulders» of population
М. В. Комаров/ M.V. Komarov	Стадия развития/ Development stage	Управление/Control	Отсутствие квалифицированных менеджеров в сфере услуг ЖКХ/Absence of qualified managers in the sphere of housing and communal services
А. А. Рыбалкина/ A.A. Rybalkina	Стадия реформирования/Reforming stage	Переход на договорные отношения/ Transition to contractual relations	Рыночные преобразования в ЖКХ формальные/Market transformations in housing and communal services are formal
А. В. Ким/A.V. Kim	Стадия развития/ Development stage	Управление/Control	Регламентация управления, формальное отношение к развитию/ Regulatory management, formal attitude to development
Г. Ф. Ручкина/ G. F. Ruchkina	Стадия реформирования/Reforming stage	Управление/Control	Слабое развитие данного рынка/Weak development of the market
Г. Ф. Ручкина, Е. Л. Венгеровский/ G. F. Ruchkina, E. L. Vengerovsky	Стадия реформирования/Reforming stage	Управление/Control	Отсутствие конкурентоспособности/ Lack of competitiveness

Таким образом, анализ содержательного аспекта проблемы перехода отрасли ЖКХ на рыночные отношения позволил выделить ряд проблем: формальное отношение к проводимым реформам в части монополизации отечественного рынка коммунальных услуг. Специфичность рынка жилищно-коммунальных услуг в России и его отличие от классического рынка услуг, отсутствие конкурентов по предоставляемым услугам, чрезмерное участие государства в формировании ценовой политики.

Развивая предположение о том, что жилищно-коммунальная отрасль в настоящее время находится в стадии активного развития и должна перейти на полноценные рыночные отношения, можно сделать

следующий вывод: необходимо развивать конкурентоспособность среди поставщиков коммунальных услуг. Развитие конкурентоспособности создаст необходимость в усилении внутреннего контроля, за затратами в отрасли ЖКХ, т.к. это позволит предложить более низкую цену своим потребителям.

Развитие той или иной отрасли прослеживается по ряду показателей: доля в промышленном производстве, среднегодовая численность работников, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и т.д. в динамике. В эпоху финансовых кризисов актуальным для жилищно-коммунальной отрасли, прежде всего, является формирование рынка коммунальных услуг.

В то же время развитие рынка с действующими экономическими рычагами и механизмами в данной отрасли затруднено из-за уникальности предоставляемых услуг.

Основную долю в коммунальной отрасли занимают организации по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». На текущий момент в Забайкальском крае отрасль

представлена 399 организациями по производству и распределению газа и воды.

Данные по организациям добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды в Забайкальском крае представлены в табл. 2 (Промышленное производство Забайкальского края: стат. сб. Чита, 2015. С. 10).

Таблица 2/Table 2

**Промышленное производство Забайкальского края (на конец года, единиц) /
Industrial production of the Transbaikalian region (at the end of the year, units)**

Организации/ Organizations	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015/2011 г.	
						Отклонение (+, -)/Deviation (+,-)	Темп изменения/ Rate of change
Добыча полезных ископаемых/Mining	124	184	139	127	178	54	143,55
Обрабатывающие производства/ Manufacturing processes	768	884	743	725	759	-9	98,83
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды/Production and distribution of electricity, gas and water	600	571	452	411	399	-201	-33,50
Всего число действующих организаций на конец года/Total number of operating organizations at the end of the year	1492	1639	1334	1263	1336	-156	-10,46

В динамике за пять лет произошло значительное снижение организаций, занимающихся производством и распределением электроэнергии, газа и воды на 33,50 %, в то же время по добывающим производствам увеличение составило 43,55 %, количество обрабатывающих производств незначительно сократилось. Любая промышленность тесно связана с энергетическим комплексом, водоснабжением и водоотведением. В данной связи при росте добывающих производств, необязательно увеличение количества организаций, занимающихся электроснабжением, водоснабжением, но рост оказываемых услуг должен быть.

Более детально рассмотрим структуру коммунальной отрасли Забайкальского края, чтобы выяснить, с чем связано такое резкое сокращение организаций, относящихся к коммунальной отрасли (табл. 3) (Промышленное производство Забайкальского края: стат. сб. Чита, 2015. С. 57).

Коммунальная отрасль представлена двумя группами: первая и более емкая, включающая достаточно широкий спектр услуг – это производство, передача и распределение электроэнергии, пара и горячей воды и вторая – включает сбор, очистку и распределение воды, которая занимает в отрасли коммунальных услуг 69,17 %.

Таблица 3/Table 3

Структура коммунальной отрасли Забайкальского края в динамике 2011–2015 гг., (на конец года, единиц) / The structure of the municipal branch of the Transbaikal Region in the dynamics of 2011–2015 (at the end of the year, units)

Организации/ Organizations	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклонение (+, -)/ Deviation (+,-)	Темп прироста/ Rate of increase
Производство, передача и распределение электроэнергии, пара и горячей воды/Production, transmission and distribution of electricity, steam and hot water	442	432	334	299	276	-166	-37,56
Сбор, очистка и распределение воды/Collection, purification and distribution of water	158	139	118	112	123	-35	-22,15
Всего число действующих организаций на конец года/ Total number of operating organizations at the end of the year	600	571	452	411	399	-201	-59,7085

Если первая группа давно регулируется нормативным законодательством, структура организаций, входящих в эту группу, уже достаточно долго модернизируется под рыночные отношения и имеет более гибкую структуру по отношению к меняющимся внешним факторам. Вторая группа далека от современных рыночных отношений и составляет в структуре 30,83 %. В течение пяти лет произошло незначительное увеличение доли организаций второй группы +4,49 %.

Увеличение или уменьшение количества организаций, оказывающих услуги, не в полной мере отражают истинную картину развития коммунальной отрасли, в частности водоснабжения и водоотведения. Наиболее точный показатель, характеризующий отрасль – это объем выполненных работ и оказанных услуг, их анализ рассмотрен в табл. 4 (Промышленное производство Забайкальского края: стат. сб. Чита, 2015. С. 58).

По данным табл. 4, наблюдается рост оказания коммунальных услуг в целом на 109,31 %, прирост оказанных услуг по во-

доснабжению и водоотведению составил 10,61 %. Количество организаций, оказывающих данные услуги, сократилось, а выполненный объем работ увеличился. Увеличение объяснимо ростом стоимости оказанных услуг и работ, в данный период 2011–2015 гг. значима инфляция и удорожание всех видов ресурсов, соответственно, роста себестоимости.

Основная составляющая себестоимости услуг по водоснабжению и водоотведению – это материальные затраты и расходы на оплату труда. На величину затрат по оплате труда оказывает влияние численность работников. В условиях экономического кризиса многие коммерческие организации в целях снижения себестоимости и возможности конкурировать с другими однопрофильными организациями стараются экономить на основных расходах. Закупка более дешевых материалов, увеличение нормативов затрат материальных ценностей, уменьшение численности персонала является весьма действенным способом сокращения затрат.

Таблица 4/Table 4

Выполненные работы и оказанные услуги, млн р. / Performed works and rendered services, mln rubles

Организации/ Organizations	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклоне- ние/Devia- tion	Темп прироста/ Rate of increase
Производство, передача и распределение электроэнергии, пара и горячей воды/Production, transmission and distribution of electricity, steam and hot water	13330,2	17348,8	16753,7	25079,1	26486,7	13156,50	98,70
Сбор, очистка и распределение воды/Collection, purification and distribution of water	1028,9	962,2	1065,6	1030,3	1138,1	109,20	10,61
Всего число действующих организаций на конец года/Total number of operating organizations at the end of the year	14359,1	18311	17819,3	26109,4	27624,8	13265,70	109,31

Современный рынок вынуждает принимать решения по сокращению затрат на оплату труда, экономии материалов с целью сохранения финансовой устойчивости и снижения риска банкротства. Далее рассмотрим данные по численности и за-

работной платы работников водоснабжения и водоотведения в Забайкальском крае (табл. 5) (Промышленное производство Забайкальского края: стат. сб. Чита, 2015. С. 59).

Таблица 5/Table 5

Динамика показателей среднегодовой численности работников и номинальной заработной платы/Dynamics of average annual number of employees and nominal wages

Показатель/Index	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Откло- нение/ Deviation	Темп прироста/ Rate of increase
Среднегодовая численность работников организаций, чел / Average number of employees of organizations, persons	2293,0	2079,0	2037,0	1369,0	1684,0	-609,0	-26,56
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, р / Average monthly nominal accrued wages of employees of organizations, р.	11931,6	13957,0	14178,3	14903,6	16335,8	4404,2	36,91

В результате анализа очевидно, численность работников уменьшилась на 609 человек, а заработная плата увеличилась на 4404,2 р., обоснованно предположим, что данная ситуация негативно влияет на себестоимость, т.к. в периоды

экономических кризисов высвобождение работников происходит с целью снижения себестоимости оказанных услуг. В данной отрасли наблюдаем противоположную ситуацию, это ещё раз подтверждает предположение о том, что коммунальная

отрасль развивается не по рыночным законам.

Очевидно, что снижение численности работников приводит к росту заработной платы, это противоречит принципам необходимости экономии в период финансовой нестабильности. Следующий вид затрат, оказывающий влияние на величину себестоимости, – материальные затраты.

Материальные затраты составляют 43,1 % из общей суммы всех затрат на единицу выполненных работ и оказанных услуг. Для осуществления своей деятельности организациям водоснабжения и водоотведения необходимо постоянное пополнение материальных запасов для бесперебойной деятельности.

Однако так как данная отрасль из-за специфики своей деятельности может иметь значительную дебиторскую задолженность, которая неуклонно растет и приводит к росту кредиторской задолженности, к примеру, перед поставщиками материалов и т.д., это негативно влияет на финансовую устойчивость организаций коммунальной отрасли.

Очевидны незначительные колебания в стоимости оказанных услуг. К примеру, 2011 г. и 2014 г. расхождения минимальны, но за этот же период (табл. 2) число организаций сократилось на 45 единиц. Данная ситуация говорит о развитии рынка и поглощении более слабых организаций финансово-устойчивыми организациями, которые адаптировались к условиям рыночных отношений.

Организации, не способные к адаптации, постепенно должны потерять финансовую устойчивость, которая, как правило, является следствием неспособности организации к приобретению оборотных средств за счет собственных источников, основной фактор снижения финансовой устойчивости – увеличение зависимости от заемных средств.

На самом деле организации коммунальной отрасли не испытывают на себе полное воздействие рычагов рыночных отношений, так как в настоящее время получают поддержку государства в виде

целевого финансирования. Безусловно, такая ситуация делает невозможным переход коммунальной отрасли к современному рынку и требованию качества к оказанию услуг.

На качество оказываемых услуг влияет специфичность рынка водоснабжения и водоотведения. Особенностью является постоянный спрос физических и юридических лиц на эти виды услуг, соответственно, роль организаций, оказывающих эти услуги, достаточно велика в социальном и экономическом развитии Забайкальского края.

В данной связи закономерно возникает вопрос, что же тогда мешает организациям коммунальной отрасли развиваться по траектории рыночных отношений, получать прибыль и становиться локальными точками роста для региона. Очевидно, что спрос на услуги достаточно велик и в динамике особо не снижается, так как группы потребителей: население, бюджетные организации, прочие потребители не уменьшаются, но при этом организации этой отрасли функционируют неэффективно. Как показало исследование, всё достаточно сложно с ценообразованием на услуги водоснабжения и водоотведения и регулируется многими нормативными актами.

Анализируя порядок формирования тарифов на водоснабжение и водоотведение, можно выделить ряд особенностей:

1. Ценообразование тарифов субъектов жилищно-коммунального хозяйства, оказывающих услуги водоснабжения и водоотведения, базируется на прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации и Забайкальского края в частности, что не учитывает издержки оказания услуг и не позволяет данным субъектам получать прибыль за счет монопольного положения на рынке.

2. Система расчетов регулирующими органами предельных величин тарифов и неучастие в данном процессе общественности характеризует данную систему как непрозрачную.

3. Сложная трехуровневая система регулирования тарифов дает возможность реализовывать интересы ресурсоснабжа-

ющих субъектов жилищно-коммунального хозяйства, что делает процедуру утверждения тарифов политизированной, так как органы местного самоуправления являются одновременно и собственниками данных организаций.

4. Действующая система оплаты услуг по водоснабжению и водоотведению в соответствии с утвержденными нормами не позволяет реально учитывать понесенные производителем затраты и потери, что приводит к существенному расхождению между объемами подачи и потребления воды.

В целом, эти обстоятельства препятствуют согласованному управлению на всех уровнях системы жилищно-коммунального хозяйства, особенно в части установления норм потребления для конечных потребителей, и требуют изменения существующей методики внутреннего контроля затрат.

Данная система отражается на занижении тарифов, которые в совокупности не окупают затраты организаций, изначально-

но запланировано занижение возможной прибыли, при этом нарушается ещё один базовый принцип рынка — увеличение прибыли.

Данная ситуация отражается и на конкурентоспособности организации, точнее все организации данной отрасли не могут пользоваться механизмом «цены» для привлечения потребителей, так как цены едины.

В табл. 6 произведем сравнения двух показателей — чистой прибыли и выручки, в динамике за три года, так как за период 2013–2015 гг. Забайкальский край находится в стадии экономического спада, который охватывает все отрасли, в том числе и коммунальную отрасль. Поэтому нецелесообразно делать сравнение за пять лет, т.к. в 2011–2012 гг. организации работали в другой экономической среде и к тому же в основном являлись муниципальными и получали достаточно большое финансирование из бюджета.

Таблица 6/Table 6

Динамика чистой прибыли и общей выручки / Dynamics of net profits and total revenues

Показатель/Index	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклонение/ Deviation	Темп прироста/ Rate of increase
Выручка, тыс. р./ Revenue, thousand rubl.	1065600,00	1030300,00	1138100,00	72500,00	6,80
Чистая прибыль, тыс. р. / Net profit, thousand rubl.	13853,00	1732,00	18711,00	4858,00	35,07

В настоящее время организации не занимаются инвестиционной деятельностью, за счет этого в динамике снижаются прочие расходы и, как следствие, рост чистой прибыли опережает рост общей выручки.

При анализе необходимо учитывать, что выручка отражается у организаций, оказывающих услуги по водоснабжению и водоотведению по моменту оказания услуг, а не по моменту оплаты, а себестоимость складывается из расходов наличными деньгами. Такая ситуация отрицательно сказывается на реальной финансовой устойчивости в отрасли.

Рассмотрим в табл. 6 фактически полученную выручку «живыми деньгами» и выручку, отраженную в документах, но не полученную фактически.

Общая выручка выросла на 72,5 млн р., значительно увеличился неполученный доход — 38,99 %, то есть темп прироста неполученного дохода опережает фактически полученные денежные средства на 36,3 %. Данная ситуация негативно сказывается на фактическом финансовом результате деятельности организации.

В целом, за три года наметилась тенденция увеличения начисленной выручки,

но не оплаченной +3,42 %. При этом необходимо не забывать, что есть риск неполучения реальных денежных средств, а со-

ответственно, начисленная выручка так и останется на бумаге.

Таблица 7/Table 7

Структура общей выручки/Total revenue structure

Показатель/ Index	2013 г.		2014 г.		2015 г.		Отклонения/Deviation		
	млн р./ mln rubl.	%	млн р./ mln rubl.	%	млн р./mln rubl.	%	млн р./ mln rubl.	темп прироста, %/rate of increase,%	в структуре, %/in the structure,%
Выручка всего, в том числе тыс. р./ Revenues total, including thousand rubl.	1065,6	100	1030,3	100	1138,1	100	72,5	6,80	X
Фактически полученный доход/ Actual received income	944,8	88,66	867,7	84,22	970,2	85,25	25,4	2,69	-3,42
Неполученный доход/Unearned income	120,8	11,34	162,6	15,78	167,9	14,75	47,1	38,99	3,42

В данной отрасли целесообразно составление отчетности по принципам МСФО, т.к. будет отражаться реальная картина финансового положения организации, и, следовательно, прогноз будущего развития организаций коммунальной отрасли будет более реалистичен.

Отсюда значительное искажение данных по прибыльным и убыточным экономическим субъектам данной отрасли. В табл. 6 представлены экономические субъекты, в количественном и процентном отношении, сформированные в две группы – прибыльные и убыточные за три года.

Таблица 8/Table 8

Структура организаций по прибыльности и убыточности / The structure of organizations due to profitability and unprofitability

Показатель/Index	2013 г.		2014 г.		2015 г.		Откло- нение/ devia- tion	Темп при- роста/rate of increase	Отклонения в структуре/ deviations in structure
	ед./ units	%	ед./ units	%	ед./ units	%			
Всего организаций, оказывающих услуги по водоснабжению и водоотведению/Total organizations providing water supply and drainage	118	100	112	100	123	100	5,00	4,24	X
Убыточные организации/ Unprofitable organizations	40,0	33,9	66,0	58,9	41,0	33,3	1,00	2,50	-0,56
Прибыльные организа- ции/ Profitable organiza- tions	78,0	66,1	46,0	41,1	82,0	66,6	4,00	5,13	0,56

Всего за исследуемый период с 2013–2015 гг. увеличилось число организаций на 5 ед., из них 4 ед. прибыльные и 1 убыточная. В структуре произошли незначительные изменения снижения убыточных экономических субъектов на 0,56 % и увеличения прибыльных – +0,56.

В 2014 г. отмечалось резкое уменьшение прибыльных организаций – 32 ед. Данная ситуация объяснима последствиями повышения цен на все виды ресурсов в связи с обострением финансового кризиса и предъявлением России санкций.

Коммунальная отрасль в Забайкальском крае находится на переходной стадии. Основная организация, оказывающая услуги по водоснабжению и водоотведению – АО «Водоканал-Чита».

Прибыль данной отрасли составила 18711 тыс. р.

Единственным учредителем АО «Водоканал-Чита» является муниципальное образование городской округ «Город Чита» (100 % акций). Данная организация является монополистом по предоставлению услуг, так как конкурировать частным компаниям невозможно и экономически невыгодно. На долю компаний, предоставляющих аналогичные услуги, приходится всего лишь 10,52 %, и эта доля ежегодно уменьшается.

Таким образом, изложенное иллюстрирует возрастание роли конкурентоспособности коммунальной отрасли в части оказания услуг по водоснабжению и водоотведению.

По проведенному исследованию автор пришел к следующему выводу:

– любая отрасль, неспособная к стабильности и финансовой устойчивости, понижает конкурентоспособность всей экономики страны. Для решения проблем по развитию рынка услуг водоснабжения и водоотведения в Забайкальском крае необходимо, прежде всего, участие государства в эффективном регулировании тарифов. Так как услуги по водоснабжению и водоотведению уникальны и достаточно долгое время оставались в ведении государства, организации получали субсидии и целевое финансирование, которые покрывали убыточность данной отрасли;

– в условиях рыночных отношений необходимо перестраивать структуру данных организаций, развивать судебную практику по взысканию дебиторской задолженности и не допускать роста кредиторской задолженности;

– отсутствие конкуренции. Оказываемая государственная поддержка и контроль тарифов имеют негативное влияние на переход к рыночным отношениям отрасли коммунальных услуг.

Список литературы

1. Бронникова Т. С. Совершенствование управления ЖКХ в условиях инновационного развития отрасли // Научный журнал Сервис PLUS. 2013. № 3. С. 180–187.
2. Ким А. В. Исследование инструментов управления и реформирования в комплексе ЖКХ // Юстициформ. 2015. № 5. С. 18.
3. Комаров Н. М., Мохова Л. А. К оценке конкурентоспособности управляющих компаний и услуг ЖКХ // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/k-otsenke-konkurentosposobnosti-upravlyayuschih-kompaniy-i-uslug-zhkh> (дата обращения: 29.01.2017).
4. Официальный сайт независимой статистики и анализа энергетики США [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eia.gov/electricity/monthly/epm_table_grapher.cfm?t=epmt_5_6_a (дата обращения: 29.01.2017).
5. Ручкина Г. Ф. Некоторые особенности осуществления антимонопольного государственного контроля за соблюдением законодательства в сфере управления многоквартирными домами // Финансовое право и управление. 2015. № 2.
6. Ручкина Г. Ф., Венгеровский Е. Л. Рынок жилищно-коммунальных услуг: некоторые правовые проблемы создания конкурентной среды // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4. С. 53–59.
7. Рыбалкина А. А. Причины длительного и проблемного пути реформы ЖКХ и необходимые меры для их устранения // Вестник научных конференций. 2015. № 2–2 (2).

References

1. Bronnikova T. S. *Nauchny zhurnal Servis PLUS* (Scientific Journal Service PLUS), 2013, no. 3, pp. 180–187.
2. Kim A. V. *Yustitsiform* (Justiciform), 2015, no. 5, p. 18.
3. Komarov N. M., Mokhova L. A. *Servis v Rossii i za rubezhom* (Service in Russia and abroad), 2013, no. 6 Available at: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/k-otsenke-konkurentosposobnosti-upravlyayuschih-kompaniy-i-uslug-zhkh> (Date of access: 29.01.2017).
4. *Ofitsialny sait nezavisimoy statistiki i analiza energetiki SShA* (Official site of independent statistics and analysis of US energy) Available at: https://www.eia.gov/electricity/monthly/epm_table_grapher.cfm?t=epmt_5_6_a (Date of access: 29.01.2017).
5. Ruchkina G. F. *Finansovoe pravo i upravlenie* (Financial law and management), 2015, no. 2.
6. Ruchkina G. F., Vengerovsky E. L. *Imushhestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* (Property relations in the Russian Federation), 2016, no. 4, pp. 53–59.
7. Rybalkina A. A. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* (Bulletin of scientific conferences), 2015, no. 2–2 (2).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Кибирева Елена Анатольевна, доцент кафедры «Экономика и бухгалтерский учет», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: экономика Забайкальского края
e.a_kibireva@mail.ru

Elena Kibireva, assistant professor, Economy and Accounting department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: economy of the Transbaikal Region

Образец цитирования

Кибирева Е. А. Рынок услуг водоснабжения и водоотведения в Забайкальском крае // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 91–101. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-91-101.

Kibireva E. Market of water supply and sanitation services in the Transbaikal Region // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 91–101. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-91-101.

Дата поступления статьи: 15.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 334.012.3

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-102-109

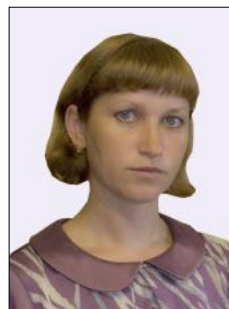
ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛАСТЕРОВ В РОССИИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

INNOVATIVE ACTIVITY OF CLUSTERS IN RUSSIA AND THE PRINCIPLES OF ITS IMPLEMENTATION

*Л. В. Кох,
Санкт-Петербургский
политехнический
университет Петра
Великого,
г. Санкт-Петербург
lkokh@mail.ru*

*L. Kokh,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
St. -Petersburg*

*В. С. Просалова,
филиал Владивостокского
государственного
университета экономики и
сервиса в г. Находка,
г. Находка
prosalova@mail.ru*

*V. Prosalova,
Branch of the Vladivostok
State University of Economy
and Service in Nakhodka,
Nakhodka*

Развитие инновационной деятельности в экономике любого государства позволяет повысить его стабильность, улучшить социальные показатели, обеспечить его будущее. Инновации являются перспективным направлением для обеспечения конкурентоспособности отечественных компаний на мировом рынке товаров и услуг. Кластеры, благодаря своим синергетическим возможностям, являются основной движущей силой, способной повысить инновационный рейтинг России. Целью данного исследования является анализ инновационной деятельности российских кластеров и определение принципов ее осуществления. Для достижения поставленной цели авторами проведен анализ инновационного развития Российской Федерации, а также инновационной деятельности отечественных предприятий. Определена позиция России в рейтинге глобального индекса инноваций, а также факторы, повлиявшие на величину рейтинга. В процессе исследования выделена специфическая особенность кластеров, а именно высокий динамизм деятельности его участников. Обозначена нормативная база, которая регулирует инновационную деятельность российских кластеров. Авторами уточнены понятия «инновационный кластер» и «инновационная деятельность кластера». Выделены основные причины, инициирующие инновационную деятельность кластера. Проведены аналитические исследования по изучению территориальной и отраслевой структуры российских инновационных кластеров, источников их финансирования. Это позволило сделать вывод, что российские инновационные кластеры характерны для наукоемких отраслей, требующих значительных материальных вложений, а также привлечения высококвалифицированных специалистов. Помимо этого, авторами выделены индикаторы, характеризующие наличие у кластера возможностей для инновационной деятельности. Определены мероприятия, посредством реализации которых государственные органы власти осуществляют поддержку и развитие инновационной деятельности отечественных кластеров. На основе проведенного анализа механизмов государственной поддержки инновационной деятельности кластеров в России и за рубежом авторами предложены соответствующие модели. Проведенные исследования позволили сделать вывод, что основными рычагами воздействия финансового обеспечения государства является выделение грантов на проведение научно-исследовательских разработок. В заключение авторами предлагаются принципы осуществления инновационной деятельности кластера

Ключевые слова: кластер; инновации; индекс инноваций; инновационная деятельность кластера; инновационный кластер; инновационный процесс; принципы инновационной деятельности кластера; государственная поддержка инновационной деятельности; анализ инновационной деятельности; инновационный рейтинг России

Development of innovative activity in economy of any state allows to increase its stability, improve social indicators, and provide their future. Innovations are the perspective direction for ensuring competitiveness of the domestic companies in the world market of goods and services. Clusters, thanks to the synergetic opportunities are the main «driving force» capable to upgrade the innovative rating of Russia. An objective of this research is the

analysis of innovative activity of the Russian clusters and determination of the principles of its implementation. For achievement of the goal, the analysis of innovative development of the Russian Federation, and also innovative activity of the domestic enterprises has been carried out by the authors. The position of Russia in the rating of a global index of innovations, and also the factors which have influenced formation of this level of value is defined. In the course of the research specific feature of clusters, namely, high dynamism of activity of its participants has been marked out. The regulatory base which regulates innovative activity of the Russian clusters is designated. The authors have specified the concepts: innovative cluster and innovative activity of a cluster. The main reasons initiating innovative activity of a cluster are allocated. Significant analytical work on studying of territorial and branch structure of the Russian innovative clusters, sources of their financing has been carried out. Thanks to the above mentioned, it has been defined that development in complex knowledge-intensive branches, a large number of financial resources demanding investments, and also involvement of highly qualified specialists are characteristic of the Russian innovative clusters. Moreover, the indicators characterizing the presence of opportunities for innovative activity at a cluster are allocated. The actions by means of which the public authorities of the power realize support and development of innovative activity of domestic clusters have been defined. On the basis of the carried-out analysis of mechanisms of the state support of innovative activity of clusters in Russia and abroad, the authors have defined the corresponding models. The conducted researches have allowed to draw a conclusion that the main levers of impact of state financial security is allocation of grants on carrying out research and development. In the conclusion the authors offer the principles of innovative activity implementation of a cluster

Key words: cluster; innovation; innovation index; innovation cluster; innovation cluster; innovation process; principles of innovative activity of a cluster; state support of innovative activity; analysis of innovative activities; innovation rating of Russia

Активное развитие инновационных технологий — одно из основных направлений современной экономики. Инновационная деятельность является наиболее эффективным инструментом повышения стоимости компании. Страны, государственные органы власти которых оказывают всестороннюю поддержку инновационной деятельности предприятий, имеют устойчивый рост макроэкономических показателей развития.

По уровню инновационного развития Россия уступает большинству не только экономически ведущих государств, но и некоторым странам Восточной Европы [15]. Рейтинг глобального индекса инноваций проводится ежегодно по данным из 143 стран мира. Лидирующие позиции ежегодно занимают Швейцария, Великобритания и Швеция. Россия, по результатам расчетов за 2015 г., находится на 48-м месте, поднявшись по сравнению с 2014 г. на 1 пункт, а с 2013 г. — на 13 пунктов. В то же время по условиям для развития инноваций Россия находится на 56-й позиции.

Столь невысокая позиция по рейтингу у России сложилась из-за низких показателей по инновационным связям (126 показатель рейтинга), а также недостаточного количе-

ства функционирующих производственных кластеров (117 показатель по рейтингу), небольшого удельного веса нематериальных активов в экономике (114 показатель по рейтингу). Кроме того, слабым звеном в этом плане для России являются показатели системы кредитования, политической обстановки и свободы прессы. Сильные позиции у России по показателям уровня образования, а также доли работающего населения в наукоемких отраслях.

Стимулирование развития инновационной деятельности в России является одной из приоритетных задач, решение которой позволит повысить инновационный рейтинг России, а также помочь в обеспечении импортозамещения производства и наукоемких технологий. Одним из основных рычагов, позволяющих осуществить поставленную задачу в кратчайшие сроки, является создание и стимулирование развития отечественных кластеров. Поэтому вопросы, связанные с инновационной деятельностью кластеров, являются наиболее актуальными.

В связи с тем, что создание кластеров в России началось относительно недавно, по сравнению с зарубежными странами, а программы государственной поддержки

инновационных кластеров приняты четыре года назад, существует ряд проблем, связанных с отсутствием научной базы, регламентирующей управление инновационной деятельностью кластеров.

Целью исследования, нашедшего отражение в представленной работе, является анализ инновационной деятельности российских кластеров и определение принципов ее осуществления. Для достижения поставленной цели необходимо уточнить понятия «инновационный кластер» и «инновационная деятельность кластера»; выделить основные причины, инициирующие инновационную деятельность кластера, а также индикаторы, характеризующие наличие у кластера возможностей для инновационной деятельности; сформулировать принципы осуществления инновационной деятельности кластера.

При написании статьи использованы общенаучные методы эмпирического исследования, теоретического познания, логические методы и приемы, а также метод системного анализа, метод сравнений и аналогий, метод обобщений и др.

Прежде чем перейти к исследованию деятельности кластеров в инновационной экономике, необходимо разобраться с такими понятиями, как «инновационный кластер» и «инновационная деятельность кластера».

Кластеры исследуются в экономической литературе на протяжении ряда лет как российскими, так и зарубежными учеными [1–12; 16; 17 и др.]. Все кластеры в той или иной степени участвуют в инновационной деятельности.

Однако в процессе исследования работ по инновациям в сфере кластеров нами выделена особенность. Для организаций, объединенных в кластер, характерен высокий динамизм функционирования, действительно приводящий к тому, что инновации выступают как необходимый элемент, позволяющий обеспечить конкурентоспособность кластера. В то же время теоретическая сущность инновации подразумевает отсутствие гарантии получения положительного экономического эффекта от ее

внедрения. Таким образом, инновации в деятельности кластера являются не его конкурентным преимуществом, а рискованными динамическими возможностями.

Начнем с исследования инновационных кластеров. В научных работах, посвященных изучению инновационных кластеров, выделяют ряд их отличительных признаков: наличие в составе кластера научно-исследовательских центров и университетов, кроме того компании кластера сохраняют статус юридического лица в процессе совместной деятельности с другими его участниками.

Своим появлением в России дефиниция «инновационный кластер» обязана Министерству экономического развития РФ, когда в документе, разработанным в соответствии с поручением Президента РФ в 2012 г., выделяется группа инновационных кластеров, характеризующаяся определенными признаками [14].

В соответствии с поручением Правительства Российской Федерации № ДМ-П8-5060 от 28 августа 2012 г. утвержден перечень инновационных территориальных кластеров, в который вошли 25 территориальных кластеров, определенных в процессе конкурсного отбора. Тогда же дано понятие «инновационный кластер».

Под инновационным кластером в рамках проводимого конкурса понимается совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием:

- объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности);
- механизма координации деятельности и кооперации участников кластера;
- синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации.

Проанализировав различные точки зрения исследователей инновационных

кластеров [1; 2; 3; 8; 12 и др.], предлагается под *инновационным кластером* понимать группу экономических субъектов, включающих научно-образовательные организации, целью взаимодействия которых является достижение положительного синергетического эффекта путем создания инновационных продуктов или услуг для последующей их реализации преимущественно на внешнем рынке.

Как видно из предложенного определения, результаты деятельности инновационного кластера нацелены на внешний рынок, что позволяет обеспечить России мировое стратегическое преимущество. Докажем защищаемую нами позицию на практических примерах.

Анализ сайтов всех 25 российских инновационных кластеров позволил выявить характерную особенность: главной целью их деятельности является создание инновационных продуктов. В качестве цели своего создания кластеры указывают повышение конкурентоспособности и экономического потенциала соответствующих отраслей России на мировом рынке.

Представленное нами определение инновационного кластера отличается по своей сущности от того понимания инновационного кластера, которое используется при выборе территориальных инновационных кластеров, обеспечивающихся государственной поддержкой. На наш взгляд, для признания кластера инновационным в его состав должна входить научно-образовательная организация, т.е. кластер должен быть изначально нацелен на создание инноваций, кроме того создаваемые инновации направлены не на внутреннее использование, а на внешний рынок. Таким образом, деятельность инновационных кластеров направлена на создание и внедрение прорывных инноваций, аналога которым нет в мировой практике.

Нами расширен перечень субъектов, входящих в инновационный кластер. Помимо образовательных организаций участниками инновационного кластера могут быть любые научные организации. Таким образом, к научно-образовательным ор-

ганизациям относятся не только вузы, но и научно-исследовательские институты, научно-исследовательские центры, бизнес-инкубаторы, ориентированные на разработку и внедрение научных исследований в экономику, научные лаборатории и т.п.

Анализируя структуру 25 инновационных кластеров, мы пришли к выводу, что все они имеют в своем составе научно-исследовательские центры и институты, что относится к одному из выдвигаемых условий: «объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки». Кроме того, в ходе оценки заявки одним из условий являлось наличие научно-технического и образовательного потенциала, что можно выполнить, имея лишь в своей структуре научно-образовательную организацию.

Однако только инновационными спектр существующих кластеров не ограничивается. Как в мировой, так и в российской экономике кластеров намного больше и нельзя сказать, что их деятельность не связана с инновациями, просто она не является их основной целью. Поэтому возникает необходимость предложить в проводимом нами исследовании вторую дефиницию «инновационная деятельность кластера».

С нашей точки зрения, *инновационная деятельность кластера* – это комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий участников кластера, направленных на создание новых товаров, услуг, технологий, бизнес-процессов или обладающих новыми качествами, с целью последующей их реализации на внутреннем и внешнем рынке, посредством чего обеспечивается формирование положительного синергетического эффекта.

Для реализации инновационной деятельности участники кластера должны обладать необходимым потенциалом. Следует выделить индикаторы, характеризующие наличие у кластера возможностей для инновационной деятельности:

– сложившийся уровень координации взаимодействия между участниками кластера активизирован на инновационную деятельность;

– наличие эффективного инновационного информационного взаимодействия между организациями участниками кластера, формирование общей информационной базы с целью ее совместного использования в процессе инновационной деятельности;

– наличие кадрового потенциала, обладающего активной позицией на создание, внедрение и продвижение инноваций.

Рассмотрим более подробно инновационную деятельность кластеров.

Проанализировав сайты кластеров, отметив результаты их эффективной работы, мы заметили, что наиболее успешны в своей деятельности те кластеры, которые строят свою инновационную деятельность, придерживаясь определенных правил. На основе изучения лучших практик ведения инновационной деятельности, нами сформулированы следующие принципы инновационной деятельности кластера, принципы, позволяющие получить максимальный эффект от инновационной деятельности.

1. Принцип системного взаимодействия. Он означает четкую структурную организацию инновационной деятельности, посредством которой обеспечивается закрепление организаторских и исполнительских функций, а также процесс взаимосвязей между участниками создания инновационных процессов.

2. Принцип стратегической направленности. Формирование и осуществление инновационной деятельности кластера должно иметь целевую ориентацию и быть направлено на достижение стратегических ориентиров.

3. Принцип адаптивности. Данный принцип предполагает своевременную реакцию руководителей организаций, входящих в кластер, а также координационного руководства на изменения внешней среды и принятие своевременных управленческих решений.

4. Принцип экономичности. Он означает требование достижения положительного экономического эффекта от создания и внедрения инноваций или от использования инновационных процессов.

5. Принцип инновационной публичности. Открытость информации о создании и внедрении инновационных разработок между участниками кластера позволяет повысить его эффективность, кроме того, усилит синергетический эффект, создаваемый при совместном объединении предприятий в кластер. Таким образом, можно утверждать, что именно в кластерах в полной мере раскроются все преимущества открытых инноваций.

Несмотря на то, что принципы успешного ведения инновационной деятельности сформулированы применительно к инновационной деятельности любого кластера, не вызывает сомнений тот факт, что в инновационных кластерах они будут проявляться более ярко.

Для успешной инновационной деятельности кластеров необходима поддержка на уровне государства. В разных странах используются разные способы стимулирования инновационной деятельности кластеров.

Органы государственной власти, применяя такие инструменты, как налоговые льготы, программы государственно-частного партнерства, гранты, субсидии, целевые государственные программы и т.п., стремятся стимулировать инновационную деятельность кластеров. В РФ определенным стимулом в развитии инновационной деятельности кластеров стало принятие в 2013 г. нормативного акта, регламентирующего порядок предоставления субсидий на развитие инновационных территориальных кластеров.

Следует отметить, что российская модель государственной поддержки инновационной деятельности кластеров схожа с японской. Для нее основным инструментом является предоставление субсидий и грантов для развития инновационной деятельности. Однако при использовании такой модели на практике получается почти полное отсутствие взаимодействия предприятий, входящих в кластер, с образовательными учреждениями в области подготовки кадров, научно-исследовательскими подразделениями в области финансиру-

ния научных исследований. В кластерах, где создаются все условия для работы на принципах открытых инноваций, преобладает «закрытость» инновационной деятельности. Практически отсутствуют эффективные формы взаимодействия кластеров с кредитными институтами. Для японской модели государственной поддержки инновационной деятельности кластеров также характерно отсутствие четко разработанной стратегии и системы финансирования. Помимо общих недостатков японской модели для РФ также характерно приоритетное развитие инновационной деятельности тех кластеров, где размещается государственный заказ. Формирование такой модели государственной поддержки привело к отрицательным результатам в области развития инновационной деятельности кластеров в Японии.

Для китайской модели государственной политики в области поддержки инновационной деятельности кластеров характерна поддержка развития инновационного потенциала уже имеющихся промышленных кластеров. Финансирование происходит за счет грантов и венчурных фондов, поддерживающих создание новых продуктов и разработку новых технологий, особое внимание уделяется развитию высокотехнологичного оборудования в аэрокосмической, энергетической, телекоммуникационной отраслях. Кроме того, государство само выступает инициатором для создания инновационных кластеров. Особенностью государственной политики является привлечение иностранных инвесторов. В КНР часто мощности кластеров располагаются и развиваются рядом с ведущими зарубежными производителями.

Несовершенна, на наш взгляд, американская модель государственной поддержки инновационной деятельности кластера. Существенным ее недостатком является то, что государственная поддержка инновационной деятельности кластеров фокусируется на финансовой поддержке крупных проектов типа «Силиконовая долина», а также кластеров космических технологий. Финансирование остальных класте-

ров осуществляется через предоставление грантов на реализацию инновационной инфраструктуры регионов, направленную на информационную доступность инновационных разработок кластеров, поиск потенциальных покупателей.

Канадская модель государственной политики развития инновационной деятельности кластеров существенно отличается от моделей, используемых в других странах. Государственными органами власти создан Научно-исследовательский совет, через который осуществляется финансирование фундаментальных промышленных исследований кластеров в области инновационных разработок, а также их информационная поддержка. Таким образом, ядром кластеров является общий научно-исследовательский центр, вокруг которого располагаются взаимодействующие между собой компании. Анализ показал, что реализуемая канадскими властями государственная политика в области поддержки инновационной деятельности кластеров доказала свою эффективность и обеспечила высокую конкурентоспособность инновационной деятельности канадских кластеров на международном рынке.

В связи с тем, что российская модель государственной поддержки инновационной деятельности кластеров пока еще находится на стадии становления, необходимо отказаться от японской модели и принять за основу успешную политику КНР и Канады, объединив наиболее эффективные инструменты их реализации для разработки политики РФ в области государственной поддержки инновационной деятельности кластеров.

С нашей точки зрения, обязательным является соблюдение последовательности мероприятий по оказанию государственной поддержки инновационной деятельности кластеров, причем следует учитывать их долгосрочный характер, 5...7 лет. Именно этот срок обычно является оптимальным для формирования максимального эффекта отдачи от инноваций.

В заключение необходимо отметить, что проведенный анализ развития инно-

вационной деятельности в России свидетельствует о необходимости разработки мероприятий по стимулированию инновационного развития, а также системы управления развития инновационной деятельности кластеров. При этом, основываясь на

наличии отдельных индикаторов, необходимо определять, обладают ли участники кластера инновационным потенциалом.

Все эти мероприятия позволят повысить инновационный рейтинг России и ее конкурентоспособность на мировом рынке.

Список литературы

1. Бабкин В. А. Экономическая стратегия управления инновационным кластером // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2015 № 2. С. 99–101.
2. Бирюков А. В. Формирование инновационных кластеров в высокотехнологичных отраслях промышленности (на примере ОПК России) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 43 с.
3. Егорова М. В. Особенности функционирования инновационного кластера в регионе // Российское предпринимательство. 2007. № 7 (1). С. 19–24.
4. Мальшев Е. А., Сокол-Номоконов Э. Н., Афанасьева А. В. Формирование сельскохозяйственного кластера как одно из направлений развития западных районов Забайкальского края // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 4. С. 142–150.
5. Мальшев Е. А., Ронис А. А. Управление развитием перерабатывающего уровня промышленного кластера // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2014. № 7. С. 175.
6. Мальшев Е. А., Макарова И. В., Петров А. П. Выделение эффектов от формирования и развития кластеров в регионе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 7. С. 111–119.
7. Миграция А. А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // Вестник КРСУ. 2002. Т. 2. Вып. 3. С. 109–115.
8. Монастырский Е. А. Инновационный кластер // Инновации. 2006. № 2 (89). С. 38–43.
9. Наролина Т. С. Формирование и развитие кластеров как механизм обеспечения конкурентоспособности региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2007. 22 с.
10. Преснаков В. С. Принципы и условия формирования кластеров // Научные исследования. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 2. С. 21–24.
11. Разуваев И. Г. Особенности взаимодействия финансового и интеллектуального капитала в российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2007. 24 с.
12. Сташевская Г. Н. Инновационный кластер как ядро инновационно-ориентированной экономики // Инновации. 2009. № 9. С. 112–117.
13. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science (дата обращения: 11.03.2017).
14. Официальный сайт Европейской кластерной обсерватории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.clusterobservatory.eu/index.html/> (дата обращения: 11.03.2017).
15. Сайт исследования Глобального индекса инноваций по версии международной бизнес-школы INSEAD [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/> (дата обращения: 15.03.2017).
16. Rosenfeld S. Beyond clusters: current practices and future strategies // The Center for Globalization, Governance & Competitiveness at the Duke University Available at: <http://www.cggc.duke.edu> (accessed 15.03.2017).
17. Enright M. Regional clusters: what we know and what we should know // Innovation Clusters and Interregional Competition, 2001, no. 11, pp. 99–109.

References

1. Babkin V. A. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* (Bulletin of the VSU. Ser. Economics and Management), 2015, no. 2, pp. 99–101.
2. Biryukov A. V. The formation of innovative clusters in high-tech industries (on the example of the Russian defense industry) [Formirovanie innovatsionnykh klasterov v vysokotekhnologichnykh otraslyah promyshlennosti (na primere OPK Rossii)]; abstract. dis. ... dr. econ. sciences. Moscow, 2009. 43 p.
3. Egorova M. V. *Rossiyskoe predprinimatelstvo* (Russian Entrepreneurship), 2007, no. 7 (1), pp. 19–24.
4. Malyshev E. A., Sokol-Nomokonov E. N., Afanasyeva A. V. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 4, pp. 142–150.

5. Malyshev E. A., Ronis A. A. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2014, no. 7, p. 175.
6. Malyshev E. A., Makarova I. V., Petrov A. P. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 7, P. 111–119.
7. Migranyan A. A. *Vestnik KRSU* (Bulletin of KRSU), 2002, vol. 2, issue. 3, pp. 109–115.
8. Monastyrsky E. A. *Innovatsii* (Innovations), 2006, no. 2 (89), pp. 38–43.
9. Narolina T. S. Formation and development of clusters as a mechanism for ensuring the competitiveness of the region [Formirovanie i razvitie klasterov kak mehanizm obespecheniya konkurentosposobnosti regiona]: abstract. dis. ... cand. econ. sciences. Voronezh, 2007. 22 p.
10. Presnakov V. S. *Nauchnye issledovaniya. Seriya «Gumanitarnye nauki»* (Scientific research. Ser. Humanitarian sciences), 2008, issues. 2, pp. 21–24.
11. Razuvaev I. G. Features of financial and intellectual capital interaction in the Russian economy [Osobennosti vzaimodeystviya finansovogo i intellektualnogo kapitala v rossiyskoy ekonomike]: abstract. dis. ... cand. econ. sciences. Samara, 2007. 24 p.
12. Stashevskaya G. N. *Innovatsii* (Innovations), 2009, no. 9, pp. 112–117.
13. *Ofitsialny sait Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki* (Official site of the Federal Service of State Statistics) Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science (Date of access: 11.03.2017).
14. *Ofitsialny sait Evropeyskoy klasternoy observatorii* (Official site of the European Cluster Observatory) Available at: <http://www.clusterobservatory.eu/index.html/> (Date of access: 11.03.2017).
15. *Sait issledovaniya Globalnogo indeksa innovatsiy po versii mezhdunarodnoy biznes-shkoly INSEAD* (The site of the study of the Global Innovation Index according to the version of the international business school INSEAD) Available at: <http://www.globalinnovationindex.org/> (Date of access: 15.03.2017).
16. Rosenfeld S. *The Center for Globalization, Governance & Competitiveness at the Duke University* (The Center for Globalization, Governance & Competitiveness at the Duke University) Available at: <http://www.cgge.duke.edu> (Date of access: 15.03.2017).
17. Enright M. *Innovation Clusters and Interregional Competition* (Innovation Clusters and Interregional Competition), 2001, no. 11, pp. 99–109.

Коротко об авторах

Кох Лариса Вячеславовна, д-р экон. наук, профессор, Международная высшая школа управления, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: экономика отрасли, малый бизнес, кластерная структура экономики, стратегический менеджмент
lkoh@mail.ru

Прosalова Вероника Сергеевна, канд. экон. наук, зав. кафедрой «Менеджмент и экономика», филиал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка, г. Находка, Россия. Область научных интересов: стратегическое управление, региональная экономика, кластеры
prosalova@mail.ru

Briefly about the authors

Larisa Kokh, doctor of economic sciences, professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St.-Petersburg, Russia. Sphere of scientific interests: economics, small business, cluster structure of economy, strategic management

Veronika Prosalova, candidate of economic sciences, head of Management and Economy department, Branch of the Vladivostok State University of Economy and Service in Nakhodka, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: strategic management, regional economy, clusters

Образец цитирования

Кох Л. В., Прosalова В. С. Инновационная деятельность кластеров в России и принципы ее осуществления // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 102–109. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-102-109.

Kokh L., Prosalova V. Innovative activity of clusters in Russia and the principles of its implementation // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 102–109. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-102-109.

Дата поступления статьи: 11.04.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 338

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-110-118

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

THE ROLE OF INFORMATION AND ANALYTICAL MODELS IN INCREASING THE QUALITY OF MEDICAL CARE

*Х. З. Халимбеков,
Дагестанский
государственный
технический
университет, г. Махачкала
h-murad@yandex.ru*

*Kh. Khalimbekov,
Dagestan State Technical
University, Makhachkala*

*Н. С. Ширинов,
Дагестанский
государственный
технический
университет, г. Махачкала
nazim051@mail.ru*

*N. Shirinov,
Dagestan State Technical
University, Makhachkala*

Предлагаются методические основы построения информационно-аналитической модели и структуры стандартов лечения пациентов в медицинских учреждениях как платформы для их дальнейшего реформирования и развития. Показано, что для структуризации и обобщения данных, используемых в стандартах оказания медицинской помощи пациентам, целесообразно использовать аппарат нечетких множеств, который позволяет обобщить симптомы и тяжесть проявления различных видов заболевания и на этой основе сформулировать наиболее эффективные пути их лечения. Применение таких стандартов увязывается с реализацией основных путей проведения реформ и модернизации первичных звеньев и всего здравоохранения в целом

Ключевые слова: здравоохранение; лечебное учреждение; стандарты медицинской помощи; лингвистическая переменная; реформирование и модернизация здравоохранения; информационно-аналитические модели; медицинское обслуживание; самооздоровление населения; стандарт лечения заболевания; показатели

The article proposes methodological bases for constructing an information-analytical model and the structure of standards for treating patients in medical institutions as a platform for their further reforming and development. It is shown that for the structuring and generalization of data used in the standards of patient care it is advisable to use the apparatus of fuzzy sets, which allows to generalize the symptoms and severity of manifestation of various types of diseases and to formulate the most effective ways of their treatment on this basis. The application of such standards is linked to the implementation of the main ways of reforming and modernization the primary links and the entire healthcare system as a whole

Key words: healthcare; medical institution; standards of medical care; linguistic variable; reforming and modernization of healthcare; information-analytical models; medical service; self-improvement of population; standard of disease treatment; indicators

Здравоохранение относится к одной из наиболее социально значимых отраслей экономики любой страны. В течение нескольких десятилетий прошлого столетия развитие данной отрасли в нашей стране шло в основном экстенсивным путем, что в значительной степени оправдано. Однако

с переходом к рыночным формам хозяйствования, только такой подход к развитию здравоохранения становится абсолютно неприемлемым, что, в свою очередь, приводит к необходимости разработки современных методов управления развитием данной отрасли на интенсивной основе.

К одному из основных путей интенсивного развития здравоохранения следует отнести повышение качества обслуживания пациентов в стационаре. Для повышения качества медицинского обслуживания пациентов и на этой основе эффективности оказываемых медицинских услуг учреждениям здравоохранения различной формы собственности, целесообразно разработать и использовать как общую для всех, так и на ее основе внутреннюю модель (учитывающую дополнительные услуги) стандарта качества медицинского обслуживания пациентов при различных заболеваниях. В такие модели могут входить следующие основные показатели:

- средние сроки лечения для различных уровней тяжести заболевания до полного выздоровления;
- отсутствие различного рода побочных явлений и осложнений в процессе лечения и возвратных рецидивов по окончании лечения;
- необходимый рацион питания пациентов с учетом установленных норм на одного человека;
- условия содержания пациента с учетом тяжести заболевания;
- технология проведения курса лечения заболевания и обязательно используемые при этом медицинские препараты;
- затраты, связанные с лечением одного пациента, определяемые в соответствии с курсом его лечения, питанием и содержанием, определяемым тяжестью заболевания;
- шкала для качественной и количественной оценки тяжести заболевания пациентов, определяемой по установленным симптомам во время постановки диагноза и назначаемого курса лечения.

Для построения информационно-аналитической модели стандартов лечения пациентов медицинскими учреждениями с целью обеспечения ее структуризации и понимания пациентами содержащейся в ней информации целесообразно использовать математический аппарат нечетких множеств. Это позволяет определять различные показатели стандартов в интерваль-

ной форме и на этой основе эффективным образом обобщить содержащиеся в сформированной модели данные. Для этого, в первую очередь, для всех входящих в стандарты показателей состояния и обслуживания пациентов необходимо сформировать нечеткую шкалу их измерения, учитывающую накопленный в медицинском учреждении и передовой опыт здравоохранения в целом в области постановки диагнозов, определения тяжести заболеваний и технологий их лечения. Например, оценочная шкала для показателя «тяжесть заболевания» в формальной форме может определяться с помощью соответствующей ему лингвистической переменной (ЛП) [1] с названием «ТБ – тяжесть заболевания пациента при болезни Б». В этом случае шкала численных значений ЛП определяется на интервале $0...1$, который на основе экспертных данных разбивается на пять нечетких множеств-термов: «очень низкая», «низкая», «средняя», «высокая» и «очень высокая», определяемых интервалами соответствующих им численных значений. Для каждой такого интервала, или термотяжести различных заболеваний в соответствие ставится технология лечения и содержания пациентов, включающая, как минимум, все необходимые лечебные процедуры и медицинские услуги, обеспечивающие выздоровление пациентов в определяемые стандартом сроки. Все дополнительные к стандарту услуги должны оплачиваться самим пациентом по установленному медицинским учреждением прейскуранту.

Таким образом, в медицинском учреждении формируется база данных «Тяжести заболеваний и соответствующих им стандартов лечения пациентов», которая представляет собой множество решающих правил, имеющих следующую структуру и содержание:

«Если пациенту поставлен диагноз заболевания Б с тяжестью $D(j)$, $j=1, 5$, то рекомендуется проведение лечения по стандарту СБД(j)».

Стандарт лечения заболевания СБД(j) в этом случае включает:

– условия содержания пациента и его диеты, если она предусмотрена заболеванием *Б*;

– лечебные мероприятия, которые необходимо проводить с пациентом во времени в период оказания медицинских услуг;

– назначение и лекарственные средства, которые должен принимать пациент в период лечения, их дозировка и время приема;

– изменение состояния пациента в период его лечения.

Диагностику заболевания пациентов после поступления в лечебное учреждение проводит группа наиболее квалифицированных врачей. Для этой цели могут привлекаться также со стороны высококвалифицированные специалисты в качестве консультантов. Окончательное же решение по поставленному диагнозу заболевания пациента и его тяжести несет ответственность главврач медицинского учреждения, куда поступает пациент. После этого пациент поступает в палату к лечащему врачу, которому выдается стандарт лечения заболевания *СБД(j)* пациента и он несет полную ответственность за его соблюдение.

Лечащий врач заводит карту лечения пациента, верхняя строка которой отражает во времени мероприятия, связанные с его лечением, согласно стандарту *СБД(j)*. Нижняя строка такой карты должна отражать во времени фактические медицинские мероприятия, проводимые с пациентом и динамику изменения его состояния. Пациент, если это возможно, или его родственники постоянно контролируют карту лечения и в случае отклонения процесса лечения от *СБД(j)* могут обратиться к главврачу отделения, в котором лечится пациент.

Полученная таким образом модель качества проведения лечебных мероприятий определяет необходимые внутренним стандартом лечебного учреждения требования к лечению пациентов, которые гарантируют его выздоровление в установленные сроки. Стоимость такого лечения оплачивается государством или фондом обязательного медицинского страхования

независимо от формы собственности медицинского учреждения. Единственным отличием является то, что для коммерческого медицинского учреждения не регламентируются объемы и виды услуг, оказываемые им на коммерческой основе.

При поступлении пациента в стационар он или его родственники после постановки диагноза знакомятся с данной моделью стандарта оказания медицинских услуг и им также предлагаются и дополнительные услуги, оказываемые на коммерческой основе, которые пациент или его родственники могут выбрать по собственному желанию и оплатить за счет собственных средств.

Таким образом, пациенту гарантируется действенное оказание медицинской помощи и в определенной мере сглаживается проблема отсутствия в медицинских учреждениях необходимого количества высококвалифицированных врачей.

Следует отметить, что по данному принципу на государственном уровне могут быть сформированы общие и обязательные для всех медицинских учреждений стандарты медицинского обслуживания пациентов. В этом случае такой подход обеспечивает равные конкурентные возможности для государственных и частных медицинских учреждений.

При этом соблюдение конституционных гарантий по оказанию бесплатной медицинской помощи и создание благоприятных санитарно-эпидемиологических условий жизнедеятельности населения и внедрение стандартов оказания медицинской помощи требует структурных и функциональных преобразований всей системы здравоохранения в целом, обеспечивающих [4]:

– экономическую устойчивость функционирования учреждений здравоохранения с различными формами собственности за счет изменения порядка и объемов финансирования отрасли и ее первичных звеньев;

– приоритетность в государственной и муниципальной системе здравоохранения профилактических мероприятий по сниже-

нию заболеваемости и смертности, угрозы возникновения эпидемий по обеспечению в регионах страны условий для здорового образа жизни;

– повышение эффективности использования финансовых, материальных и кадровых ресурсов в здравоохранении и его первичных звеньев;

– защиту права пациента на получение своевременной и качественной медицинской помощи в различных учреждениях здравоохранения, независимо от формы собственности.

Кроме того, предприятия, учреждения и организации, оказывающие лечебно-профилактические, оздоровительные услуги, а также осуществляющие научные исследования в области здравоохранения, должны быть полностью освобождены от налогов, сборов, пошлин той части собственных средств, которую они используют на развитие своей материально-технической базы и технологий обслуживания клиентов.

Важным направлением реформы и модернизации здравоохранения является разграничение функций в отрасли центра и регионов. Целесообразно, чтобы и в дальнейшем на федеральном уровне эффективным образом решались основные жизненно важные вопросы организации и финансирования здравоохранения на должном уровне. При этом федеральным органам власти следует сосредоточить свои усилия на реализации функций государственного заказчика на выполнение федеральных проблемно-целевых программ здравоохранения, а также координатора всех федеральных и региональных проблемно-целевых программ, касающихся охраны здоровья населения и субъектом действенного контроля над расходованием выделяемых в регионы средств на их реализацию. Эти функции особенно важны для обеспечения рационального взаимодействия министерств и ведомств, организаций и учреждений в деле охраны здоровья населения [3].

Развиваясь как медико-индустриальный комплекс, система здравоохранения требует проведения единой научно-технической и экономической политики в про-

изводстве медицинского оборудования, лекарственных средств и изделий медицинского назначения. Поэтому целесообразно обеспечить условия для формирования региональных медицинских объединений различных организаций и учреждений данной отрасли на договорной основе в форме ассоциации экономически независимых партнеров. Для каждого такого объединения создается центр управления, который координирует деятельность всех входящих в него субъектов и обеспечивает эффективные формы их взаимодействия между собой. Все субъекты объединения на добровольных началах делегируют определенные полномочия данному центру, в рамках которых он управляет их совместной деятельностью и объединяет их усилия для решения сложных проблем, непосильных для каждого из них. Взаиморасчеты между отдельными субъектами такого объединения осуществляются на договорной основе, как правило, по оптовым ценам и по ценам ниже рыночных.

В структуру таких ассоциативных объединений могут входить:

– стационарные и амбулаторные и профилактические лечебные учреждения, независимо от формы их собственности;

– учебные заведения, ведущие подготовку специалистов для данной отрасли;

– фармацевтические и снабженческие компании;

– предприятия, занимающиеся производством медикаментов и медицинской техники.

Основная задача центра такого объединения сводится к обеспечению условий развития медицинских технологий и включения их в общие стандарты лечения пациентов, а также к подготовке высококвалифицированных кадров. Следовательно, деятельность федеральных государственных служб должна быть сосредоточена на стратегических направлениях развития инфраструктуры здравоохранения, а также на финансировании федеральных и вытекающих из них региональных проблемно-целевых программ, обеспечивающих его эффективное функционирование.

Что же касается повышения эффективности работы отдельных первичных звеньев здравоохранения, то успешному проведению реформ в этом направлении может способствовать внедрение стандартов лечения пациентов, принципов маркетинга, экономических и социально-психологических методов управления.

Экономическая самостоятельность регионов позволяет им сформировать и реализовать оптимальные региональные проблемно-целевые программы в части развития инфраструктуры здравоохранения и эффективности общедоступной высококачественной медицинской помощи. Осуществлять действенный контроль над расходованием бюджетных средств и обеспечить правовое поле для формирования в различных регионах одинаковых условий для развития медицинских учреждений с различными формами собственности. В связи с этим необходимо разработать научные основы селективной политики в здравоохранении, систему показателей, позволяющих определить и обосновать приоритеты развития здравоохранения в каждом регионе с учетом его особенностей и фактического текущего состояния.

Следует отметить, что сегодня, прежде всего, требуется увеличение доли финансирования первичного, амбулаторно-поликлинического звена. По ориентировочным расчетам, в настоящее время на стационарную медицинскую помощь в России тратится примерно 80...85 % средств, а на амбулаторно-поликлиническую – 15...20 %. Между тем часть услуг, которые сейчас оказываются населению в условиях стационара, возможно, эффективно обеспечить в амбулаторно-поликлиническом звене. Доля последнего звена в использовании ресурсов, отводимых на здравоохранение, может достигать до 40 % без какого-либо ущемления интересов пациентов. Это направление реформ практически уже реализуется путем ускоренного развертывания новых видов медицинской помощи [6].

Переход к финансированию государственных учреждений здравоохранения в расчете на одного вылеченного пациента с

учетом фактической оценки стоимости такого лечения является основой экономической реформы в этой сфере. Он требует изучения действия медицинских, экономических, социальных и организационных факторов и, прежде всего, определения фактических, а также разработки нормативных показателей для оценки стоимости лечения одного больного по группам заболеваний с учетом сложности лечения. Кроме того, необходимо проведение расчетов цен, экономического анализа и поиска путей допустимой, с учетом требований стандарта, минимизации издержек содержания пациентов в стационаре. Эффективному решению всех перечисленных проблем способствует предложенная информационно-аналитическая модель диагностики заболеваний и лечения пациентов, согласно принятым стандартам *СБД(j)*.

Для эффективного развития здравоохранения в условиях рынка необходимо также разработать и использовать экономические принципы, обеспечивающие эффективное управление работой медицинских учреждений, учитывающих приоритет потребителя, обеспечивающих действенный контроль над расходованием средств, эффективность и качество медицинской помощи. Этого требует и аккредитация медицинских учреждений, например, по их соответствию установленным профессиональным стандартам. Сегодня многие медицинские учреждения, особенно в сельской местности и в небольших городах, пока еще не отвечают современным требованиям, предъявляемым к медицинскому обслуживанию пациентов. Поэтому необходимо проведение их модернизации, техническое переоснащение, укомплектование врачами и совершенствование в них организационного управления. В этом же направлении должна действовать и развивающаяся система добровольного медицинского страхования и платных медицинских услуг. Финансовое положение учреждений здравоохранения может облегчить более активное использование помощи организаций благотворительности и милосердия, а также спонсоров, в том числе состоятель-

ных предпринимателей. Указанная помощь может быть выражена в форме приобретения современной медицинской техники с последующей ее передачей учреждениям здравоохранения в сельской местности. Необходимо также организовать подготовку специалистов для обслуживания данной техники и заинтересовать их для переезда в места ее расположения.

В связи со сказанным целесообразным видится дальнейшее развитие осуществленного в стране перехода к медицинскому страхованию. Медицинское страхование, как отмечают многие авторы, в широком смысле представляет собой новые экономические отношения в здравоохранении в условиях рынка. Они должны быть ориентированы на создание такой системы охраны здоровья и социального обеспечения, которая призвана гарантировать всем жителям Российской Федерации свободно доступную квалифицированную медицинскую помощь, независимо от их социального положения и уровня доходов. При этом важно обеспечить на равных условиях доступ к средствам медицинского страхования как государственных, так и коммерческих медицинских учреждений при оказании ими медицинской помощи малоимущим слоям населения в регионах. В этой связи, по-видимому, целесообразно выдавать малоимущим слоям населения специальные страховые полосу для коммерческих медицинских учреждений, гарантом оплаты по которым является государство и работодатель. В этом случае государственный полюс медицинского страхования должны получать только те работники и члены их семей, у которых доход на одного человека ниже установленного в регионе прожиточного минимума. Такой подход можно считать справедливым, учитывая явный перекос в заработной плате высшего руководства предприятий и организаций и рядовых работников. Например, зарплата генерального директора государственной корпорации в сотни раз выше заработной платы рядовых менеджеров, часто выполняющих основную работу и несущих достаточно большую нервную и физическую

нагрузку, связанную с ее эффективным управлением [4].

Современные тенденции развития здравоохранения при действенном контроле над расходованием выделяемых средств и эффективной организации управления процессом обслуживания пациентов на уровне принятых стандартов лечения дают все основания полагать, что в Российской Федерации может быть сформировано действенное медицинское обслуживание населения. Другими словами, создано такое медицинское обслуживание, которое способно оперативно оказать медицинскую помощь за счет освоения новейших медицинских технологий, быть экономически эффективной системой, способной успешно укреплять и восстанавливать здоровье населения страны.

Несомненным гарантом положительной динамики развития здравоохранения является принятая в России концепция его модернизации и развития медицинской науки. Причем сегодня большинство мероприятий, запланированных на начальные этапы реализации данной концепции, уже выполнены. Это позволило повысить стабильность финансирования учреждений здравоохранения, но не обеспечило эффективности использования выделяемых им средств. Ряд проверок, в том числе и Правительственной комиссией, показали о нецелевом использовании выделенных на ее реализацию средств, что значительно образом снизило ожидаемый от ее реализации эффект.

Дальнейшее развитие здравоохранения, согласно принятой концепции модернизации и эффективного достижения ее целей, требует решения следующих основных задач [2]:

— необходима активизация деятельности по профилактике заболеваний, чем отличалось здравоохранение СССР. Для этого, прежде всего, требуется заинтересовать работодателей в проведении профилактических мероприятий и создании для этого соответствующих условий, т.е. требуется вернуть практику функционирования профлакториев для работников на различных предприятиях страны;

– необходимо принятие мер для сокращения сроков восстановления утраченного здоровья путем внедрения современных, действенных методов профилактики и диагностики и излечения;

– требуется повышение эффективности использования ресурсов в здравоохранении путем обеспечения полной прозрачности и действенного контроля над их расходованием.

Причем данная концепция основана на принципах, близких к основам советского здравоохранения. Это всеобщность, социальная справедливость и доступность медицинской помощи для населения, профилактическая направленность, экономическая эффективность, единство медицинской науки и практики, а также активное участие населения в вопросах развития здравоохранения, повышение ответственности за свое собственное здоровье и здоровье своих детей. Однако в регионах данные цели зачастую просто игнорируются, а проблемы нехватки средств решаются путем закрытия медицинских учреждений в сельской местности и тем самым не обеспечивается прямая доступность их населения к медицинскому обслуживанию.

Однако, несмотря на недостаточное финансирование, принятая концепция способствовала сохранению потенциала медицинской науки. За последние годы российскими учеными разработаны новые технологии диагностики и лечения онкологических болезней, хирургической патологии с использованием плазменных потоков, ультразвукового и лазерного излучений, фотодинамической терапии и т.д. Активно ведутся работы по использованию и лечению ряда тяжелых болезней с помощью генно-инженерных технологий, в то же время крайне медленно решаются проблемы внедрения современных медицинских технологий в повсеместную клиническую практику.

Внедрение новых медицинских технологий при ограниченных финансовых ресурсах позволяет значительно увеличить объемы уникальных видов медицинской помощи населению. Так, например, коли-

чество операций на сердце с применением аппарата искусственного кровообращения увеличилось в 2 раза, объем аортокоронарного шунтирования – в 2,5 раза. В 2 раза увеличилось число больных, находящихся на гемодиализе, в 1,5 раза возросли объемы пересадки почек и в 10 раз костного мозга и т.д. [7].

Что же касается структурной перестройки системы здравоохранения, то здесь просматриваются две основных проблемы. Первая связана с изменением объемов финансирования, которые должны выделяться дифференцированно по видам медицинской помощи, давая преимущество амбулаторно-поликлиническому обслуживанию пациентов и новым технологиям лечения в стационарах. Вторая связана с созданием в стране действенной государственной программы управления качеством медицинского обслуживания населения. В настоящее время уже выполнен большой объем работ по реализации отраслевой программы введения общей врачебной (семейной) практики. Создана соответствующая методическая база, действуют более 2500 общих врачебных практик, образован Федеральный центр семейной медицины в ММА им. И. М. Сеченова. Однако сегодня работа российских врачей не стимулируется. Семейный врач должен быть высококвалифицированным специалистом, который организационно и профессионально отличается от других специалистов-врачей, и нанять его на работу из медицинского учреждения невозможно, поскольку критерии оценки его деятельности во взаимоотношениях с пациентом и другими организациями значительно выше критериев оценки деятельности других врачей [2].

Выход из создавшейся ситуации заключается в создании правового поля для возможности формирования как некоммерческой, так и коммерческой организационно-правовой формы индивидуальной деятельности врача. Врач в этом случае должен работать по договору с заказчиком, представляющим собой соответственно юридическое (медицинское учреждение) и физическое лицо, но хозяйство и в пер-

вом, и во втором случае он должен вести лично либо объединившись в группу с такими же как он специалистами [2]. Другими словами, необходим Закон об организационно-правовых формах некоммерческих и коммерческих медицинских учреждений, который должен предусматривать индивидуальную врачебную деятельность.

Особые проблемы стоят в области профилактики заболеваний. Разрабатываются и вводятся необходимые программы, но основная задача должна быть сведена к созданию и развитию общероссийской системы самооздоровления населения. Такие системы существуют во всех развитых странах [5]. В нашей стране необходимо создать такую структуру в здравоохранении, которая занималась бы определением уровня состояния и здоровья человека. Для этого необходимы новые специалисты, имеющие доступ к соответствующему оборудованию и технологиям, которые укажут человеку на недостатки в его здоровье и подскажут что делать, не только с точки зрения применения лекарственных препаратов, но и с точки зрения изменения поведения дома и на работе. Работы в этом направлении уже ведутся. Кроме того, человеку необходимо предоставить возможность выполнить рекомендации специалиста, значит, должны быть условия, ресурсы, должна быть развита соответствующая индустрия. Все это вместе и должно составлять систему самооздоровления населения.

Важной задачей является также разработка концепции интеллектуализации

здравоохранения и развития творческих способностей медицинских работников. Специалисты очень высокого уровня в системе здравоохранения есть, однако таких высококвалифицированных специалистов-практиков в настоящее время очень мало. Поэтому требуется разработка эффективной системы обмена опытом и повышение квалификации действующих медицинских работников, включающей следующие две составляющие:

1) положительную роль в этом направлении могут сыграть экспертные высокопрофессиональные обучающие диагностические системы. Другими словами, необходимо на основе структуризации информации, полученной от высококвалифицированных специалистов, создавать экспертные системы, которые позволяют менее квалифицированным специалистам в диалоговом режиме пополнять свои знания и использовать высококвалифицированный опыт в своей практической работе;

2) повышение квалификации медицинских работников в ведущих медицинских центрах страны.

В заключение необходимо отметить, что предложенные и уточненные в работе механизмы организации, управления и оказания медицинской помощи позволяют обеспечить эффективное развитие здравоохранения в целом и на этой основе повысить качество медицинского обслуживания населения страны.

Список литературы

1. Заде Л. Лингвистическая переменная и ее применение для принятия приближенных решений. М.: Мир, 1976. 168 с.
2. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года» / Г. Э. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 592 с.
3. Ильичева Н. Г. Экономический механизм управления учреждениями здравоохранения. Н. Новгород: Волго-Вят, 2005. 31 с.
4. Медик В. А., Осипов А. М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М.: ИНФРА-М, 2012. 358 с.
5. Пирогов М. В., Успенская В. И., Казаченко С. В. Международный и отечественный опыт реформирования здравоохранения. М.: Панорама: Медиздат, 2012. 79 с.
6. Рахымбеков Т. К. Финансовый менеджмент в здравоохранении. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 312 с.
7. Шишкин С. В., Засимова Л. С., Кадыров Ф. Н. [и др.]. Внедрение новых технологий в медицинских организациях: зарубежный опыт и российская практика. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 530 с.

References

1. Zade L. *Lingvisticheskaya peremennaya i ee primeneniye dlya prinyatiya priblizhennykh resheniy* [Linguistic variable and its application for making approximate decisions]. Moscow: Peace, 1976. 168 p.
2. *Zdravoohraneniye Rossii. Chto nado delat: nauchnoye obosnovaniye «Strategii razvitiya zdravoohraneniya RF do 2020 goda»* [Healthcare in Russia. What has to be done: scientific substantiation of the «Russian Healthcare Development Strategy until 2020»]; G. Ye. Ulumbekova. Moscow: GEOTAR-Media, 2010. 592 p.
3. Ilieva N. G. *Ekonomicheskiy mehanizm upravleniya uchrezhdeniyami zdravoohraneniya* [Economic mechanism of management of health care institutions] N. Novgorod: Volgo-Vyat, 2005. 31 p.
4. Medik V. A., Osipov A. M. *Obshhestvennoye zdorovie i zdravoohraneniye: mediko-sotsiologicheskiy analiz* [Public health and healthcare: medical and sociological analysis]. Moscow: INFRA-M, 2012. 358 p.
5. Pirogov M. V., Uspenskaya V. I., Kazachenko S. V. *Mezhdunarodnyy i otechestvennyy opyt reformirovaniya zdravoohraneniya* [International and domestic experience in healthcare reform]. Moscow: Panorama: Medizdat, 2012. 79 p.
6. Rahynbekov T. K. *Finansovy menedzhment v zdravoohranenii* [Financial management in healthcare]. Moscow: GEOTAR-Medio, 2012. 312 p.
7. Shishkin S. V., Zasimova L. S., Kadyrov F. N. [et al.]. *Vnedreniye novykh tehnologiy v medicinskih organizatsiyah: zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika* [Introduction of new technologies in medical organizations: foreign experience and Russian practice]. Moscow: GEOTAR-Media, 2011. 530 p.

Коротко об авторах

Халимбеков Хаджимурад Зиявутдинович, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Таможенное дело», Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, система управления, туризм, строительство
h-murad@yandex.ru

Ширинов Назим Сахрабович, аспирант, Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, Россия. Область научных интересов: здравоохранение, сфера услуг, инновации
nazim051@mail.ru

Briefly about the authors

Khadzhimurad Khalimbekov, doctor of economic sciences, professor, head of the Customs department, Dagestan State Technical University, Makachkala, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, management system, tourism, construction

Nazim Shirinov, postgraduate, Dagestan State Technical University, Makachkala, Russia. Sphere of scientific interests: healthcare, service sector, innovations.

Образец цитирования

Халимбеков Х. З., Ширинов Н. С. Роль информационно-аналитических моделей в повышении качества медицинского обслуживания // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 110–118. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-110-118.

Khalimbekov Kh., Shirinov N. The role of information and analytical models in increasing the quality of medical care // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 110–118. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-110-118.

Дата поступления статьи: 29.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

УДК 338.984

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-119-129

**МЕТОДИКА ОБОСНОВАНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ
ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЙСК (СИЛ)
В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ**

**METHOD OF SUBSTANTIATION OF DIRECTIONS OF INVESTMENT-INNOVATIVE
ACTIVITY IN THE SYSTEM OF FOOD SUPPLY FOR TROOPS (FORCES) UNDER
CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION**

*Д. В. Чукавов, Военная академия материально-технического
обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
chukavov_dima@mail.ru*

*D. Chukavov, Military Academy of Procurement and Logistics named after
the General of the Army A. V. Khrulev, Ministry of Defense of the Russian
Federation, St. Petersburg*

Представлена необходимость разработки методов обоснования инвестиционных и инновационных проектов в сфере организации продовольственного обеспечения войск (сил). Показано, что существующие методики оценки эффективности инвестиционных проектов не подходят для целей Вооруженных Сил, поскольку в них не учитывается военная эффективность.

Показано, что с учетом необходимости импортозамещения Вооруженные Силы могут реализовать даже убыточные проекты при условии, что убыток не превышает определенной величины, а сам проект позволит повысить независимость Вооруженных Сил от зарубежных источников поставок.

Показано, что реализация импортозамещающих проектов должна быть направлена не только на выпуск конечной продукции, но на формирование всей производственной цепочки, направленной на выпуск соответствующих продуктов.

Предложена методика оценки интегрального военно-экономического эффекта от реализации импортозамещающих проектов в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации. Предложен алгоритм формирования портфеля инвестиционных проектов в сфере импортозамещения для Вооруженных Сил Российской Федерации

Ключевые слова: импортозамещение; инвестиционный проект; оценка эффективности; продовольственное обеспечение; Вооруженные Силы Российской Федерации; сельскохозяйственное производство; инвестиционная деятельность; военный потребитель; военно-экономический эффект; продукты питания

The present paper substantiates the necessity of evaluation methods development of effective investment and innovation projects in the field of food supply for the army. It is demonstrated that the existing evaluation methods of effective investment projects do not meet requirements of the Armed Forces as they do not take into account the military effectiveness.

It is demonstrated that the Armed Forces because of their need in the substitution of import may carry out even economically non-effective projects, if the amount of loss does not exceed a given value of losses and if the project can help to increase the level of the Armed Forces independence from foreign supplies.

The author proves that import-substituting projects should be oriented not only towards production of the final product but also towards setting up the full production chain necessary for this product.

A method of evaluation of the integral military and economic effect of the import-substituting projects for the Armed Forces of Russian Federation is proposed. An algorithm of portfolio formation of investment projects in the field of import substitution for the Armed Forces of Russian Federation is described

Key words: substitution of import; investment project; evaluation of effectiveness; food supply; Armed Forces of the Russian Federation; agricultural production; investment activities; military user; military-economic effect; food

Актуальность исследования. Реализуемая в настоящее время политика импортозамещения в сфере сельскохозяйственного производства [4; 5; 6; 8; 10; 31] и обеспечения продовольственной безопасности [9; 11; 17; 26] в качестве одного из условий своего успеха требует тщательного выбора направлений инновационной и инвестиционной деятельности в системе продовольственного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ). Это связано с тем, что ВС РФ являются, с одной стороны, крупным потребителем продовольствия (в силу чего они могут обеспечить необходимый денежный поток по ключевым инвестиционным проектам в сфере агропрома) [1; 30], а с другой – обеспечение продовольственной независимости ВС РФ (и, шире, независимость ВС РФ от иностранных источников ресурсов и технологий [19]) в условиях геополитического давления на РФ следует признать первоочередной задачей. Зависимость ВС РФ от зарубежных поставок продовольствия в конечном счете приведет к тому, что способность ВС РФ выполнять свои функции по защите национальной безопасности РФ может контролироваться из-за рубежа, причем этот контроль может осуществляться со стороны государств, проводящих по отношению к России недружественную внешнюю политику (фактически это будет означать ограничение суверенитета нашей страны [12], что недопустимо).

Таким образом, есть потребность в разработке методики обоснования инвестиционных и инновационных проектов в системе продовольственного обеспечения ВС РФ, которая бы учитывала вклад этих проектов в достижение продовольственной независимости ВС РФ. В данной статье нами будет предпринята попытка разработать такую методику. Уточним, что с содержательной точки зрения подходы к отбору инвестиционных и инновационных проектов близки: в обоих случаях речь идет о максимизации того эффекта, который получит инициатор проекта (поскольку, очевидно, в основе управленческих решений

лежит анализ ожидаемой эффективности [2]). По этой причине далее будем говорить только об инвестиционных проектах, подразумевая при этом как инвестиционную, так и инновационную деятельность в интересах системы продовольственного обеспечения ВС РФ.

Сразу следует оговориться, что субъектом инвестиционной деятельности (т.е. экономическим агентом, осуществляющим инвестиции) являются частные агропромышленные компании, которые информируют государство о планируемых ими инвестиционных проектах, тем самым фактически получая согласие государства на приобретение продукции, т.е. гарантии окупаемости своей инвестиционной деятельности. Однако военно-экономический эффект этих инвестиций оценивается нами не с точки зрения частного инвестора, а с точки зрения государства, точнее, ВС РФ, в интересах которых будут осуществляться поставки этой продукции.

Современное состояние проблемы. Необходимо отметить, что, несмотря на развитый научно-методический аппарат обоснования инвестиционных проектов, существующий в настоящее время (это аппарат включает статические и динамические методы оценки инвестиционных проектов, метод реальных опционов и т.д.) [24], на сегодняшний день отсутствуют инструменты, которые бы позволили определить целесообразность реализации инвестиционных проектов с учетом специфики потребностей ВС РФ. Это связано с тем, что существующий аппарат ориентирован на потребности гражданских коммерческих инвесторов (заинтересованных в максимизации своего дохода) и призван в первую очередь оценить экономическую эффективность проекта, тогда как другие виды эффективности (социальная, военная и т.д.) обычно не рассчитываются.

В качестве подтверждения отсутствия методик оценки эффективности инвестиционных проектов военного назначения можно указать на то, что сведения по таким методикам не приводятся в основных открытых источниках по проблемам военной

экономики и, в частности, в основополагающей работе [27].

Задачи исследования. С учетом сказанного необходимо адаптировать существующий инструментарий оценки инвестиционных проектов путем включения в него процедуры определения военной эффективности. Для достижения этой цели нам нужно решить три задачи.

1. Установить, какой из уже известных инструментов оценки гражданских инвестиционных проектов может быть использован для определения экономической эффективности инвестиционных проектов в сфере продовольственного обеспечения ВС РФ. Возможно, на этом этапе потребуется определенная адаптация выбранного инструмента (с учетом специфики оцениваемых проектов).

2. Разработать процедуру оценки военной эффективности инвестиционных проектов.

3. Разработать методику оценки интегральной военно-экономической эффективности инвестиционных проектов (на основе определенным образом заданной процедуры свертки показателей военной и экономической эффективности).

Содержание исследования. Исходя из того, что целью реализации инвестиционных проектов в сфере продовольственного обеспечения с экономической точки зрения является снижение расходов государственного бюджета, а не получение дополнительного дохода, и при этом сами эти проекты могут реализовываться в течение достаточно длительного периода времени, целесообразным представляется использовать для оценки экономической эффективности таких проектов показатель чистого дисконтированного дохода ЧДД, который рассчитывается по формуле [24]

$$\text{ЧДД} = -I + \sum_{i=1}^n \frac{CF_i}{(1+d)^i}, \quad (1)$$

где I — первоначальные инвестиции в реализацию проекта;

n — число лет, в течение которых будет осуществляться проект;

CF_i — денежный поток за i -й год;

d — ставка дисконтирования.

Источником денежных потоков в этом случае является снижение затрат военного потребителя на обеспечение функционирования системы продовольственного обеспечения

$$CF_i = C_{i,b} - C_i,$$

где $C_{i,b}$ — затраты на функционирование системы продовольственного обеспечения в i -м году в базовом варианте (т.е. в том случае, если оцениваемый инвестиционный проект не будет реализован);

C_i — затраты на функционирование системы продовольственного обеспечения в i -м году в том случае, если оцениваемый инвестиционный проект будет реализован.

Отметим, что специалисты по инвестиционному анализу рассматривают ЧДД как наиболее предпочтительный показатель экономической эффективности инвестиций [7], что подтверждает правильность выбранного нами подхода.

Важная проблема заключается в том, что величина ЧДД, рассчитанная таким образом, может быть отрицательной (иными словами, в случае реализации инвестиционного проекта затраты ВС РФ на функционирование системы продовольственного обеспечения возрастут). Это связано с тем, что после 1991 г. многие важные элементы сельскохозяйственного и агропромышленного производства в нашей стране были ликвидированы (и замещены импортными поставками). В этой связи их придется создавать заново [9; 25; 29]. При этом поскольку объем выпуска соответствующей продукции будет (по крайней мере, первоначально) ниже, чем у иностранных конкурентов, себестоимость этой продукции будет выше (из-за отсутствия экономии на масштабе производства). Тем не менее, эти инвестиционные проекты должны быть реализованы для обеспечения продовольственной независимости ВС РФ.

Устранить это противоречие (необходимость реализации инвестиционных проектов в ситуации их отрицательной экономической эффективности) можно следующим образом:

– органы военного управления устанавливают максимальный размер убытков по рассматриваемым инвестиционным проектам $ЧДД_{neg}$. Можно предположить, что размер этих убытков будет зависеть от величины первоначальных инвестиций И (в этом случае для каждого диапазона первоначальных инвестиций будет задана своя величина допустимых потерь);

– рассчитывается скорректированная величина $ЧДД_{corr}$ по каждому рассматриваемому проекту:

$$ЧДД_{corr} = ЧДД - ЧДД_{neg}, \quad (2)$$

где $ЧДД$ – реальный чистый дисконтированный доход проекта, рассчитанный по формуле (1). Очевидно, что если $ЧДД > ЧДД_{neg}$, то

$ЧДД_{corr} > 0$, даже если $ЧДД < 0$ (с точки зрения теории шкал формула (2) означает, что условный ноль шкалы измерения чистого дисконтированного дохода смещается по числовой оси от математического нуля влево, к значению $ЧДД_{neg}$; такая операция возможна, поскольку шкала измерения $ЧДД$ является интервальной шкалой, т. е. шкалой без естественного нуля);

– для оценки экономической эффективности инвестиционных проектов используется скорректированный показатель чистого дисконтированного дохода $ЧДД_{corr}$, а не номинальное значение чистого дисконтированного дохода $ЧДД$.

С учетом формул (1) и (2),

$$ЧДД_{corr} = \left[-И + \sum_{i=1}^n \frac{CF_i}{(1+d)^i} \right] - ЧДД_{neg}. \quad (3)$$

Формула (3) представляет собой откорректированную – с учетом специфики потребностей военного заказчика – методику оценки экономической эффективности инвестиционных проектов в сфере организации продовольственного обеспечения. В этой связи необходимо сделать три важных замечания:

1) в отличие от гражданских коммерческих проектов, для которых выполнения условия $ЧДД > 0$ достаточно для того, чтобы инвестиционный проект был принят к реализации, для инвестиционных проектов в сфере продовольственного обеспечения

ВС РФ аналогичное условие, основанное на использовании скорректированного значения $ЧДД_{corr}$ ($ЧДД_{corr} > 0$, или, что равнозначно, $ЧДД > ЧДД_{neg}$) является необходимым, но не достаточным. Принятие решения о реализации инвестиционного проекта опирается на анализ не только его экономической эффективности (измерителем которой в рамках предложенной нами модели выступает показатель $ЧДД_{corr}$), но и его военной эффективности;

2) потребность в переходе от номинального значения $ЧДД$ к скорректированному $ЧДД_{corr}$ обуславливается тем, что военному заказчику необходимо добиться импортозамещения в сфере своего продовольственного обеспечения. Если бы такой цели не стояло, для оценки эффективности инвестиционных проектов было бы достаточно номинального значения $ЧДД$ (формула (1)), так как в этом случае военный заказчик был бы заинтересован прежде всего в снижении своих затрат на закупку продовольствия;

3) очевидно, что предлагаемая нами методика оценки эффективности инвестиционных проектов не соответствует потребностям гражданских коммерческих инвесторов, которые заинтересованы в максимизации своей прибыли и не готовы инвестировать в планомерно убыточные проекты (в отличие от государства, которое может поддерживать убыточные проекты в интересах национальной безопасности). Именно в этом заключается принципиальное отличие между военным и гражданским коммерческим заказчиком, что и обуславливает потребность в разработке специальной методики оценки инвестиционных проектов.

В качестве показателя военной эффективности инвестиционных проектов MI мы предлагаем использовать прирост продовольственной независимости ВС РФ по разным стадиям выпуска продуктов питания с учетом значимости этого прироста и с учетом значимости для продовольственного обеспечения ВС РФ тех продуктов питания, на выпуск которых ориентирован данный инвестиционный проект

$$MI = \sum_{i=1}^n w_i \sum_{j=1}^{m_i} P_{ij} (1 - p_{ij}), \quad (4)$$

где n – число видов продуктов питания, на производство которых ориентирован соответствующий инвестиционный проект. Производство здесь не следует понимать буквально, как непосредственный выпуск конечного продукта: речь может идти о вспомогательных видах деятельности (например, создание специального хранилища, предназначенного для конкретного вида сельскохозяйственной продукции, или ведение селекционной работы по производству семян или улучшению качеств мясного или молочного скота; еще одним примером может быть наращивание выпуска удобрений или кормов, или же рост производства сельскохозяйственной техники). Приведенные примеры с удобрениями и техникой наглядно показывают, что инвестиционный проект может быть ориентирован на значительное количество видов сельскохозяйственной продукции;

w_i – значимость i -го продукта питания (которая может быть определена как доля данного продукта питания в общем объеме поставок продовольствия для нужд ВС РФ в натуральном или стоимостном выражении, или вклад этого продукта в обеспечение энергетического содержания рациона военнослужащих);

m_i – число стадий производства i -го продукта, которые будут охвачены в рамках соответствующего инвестиционного проекта. Потребность в охвате нескольких стадий производственно-логистической цепочки связана с тем, что только полная локализация всех этих стадий на территории России позволяет обеспечить независимость ВС РФ от внешних поставок продовольствия [14]. Реализуемая в настоящее время в РФ стратегия импортозамещения ориентирована в первую очередь на обеспечение выпуска конечной продукции, однако при этом ресурсы, необходимые для ее производства (корма, семена, вакцины, техника и т.д.) продолжают закупаться за рубежом [29]. Отказ иностранных поставщиков от продажи России этих ресурсов

сделает невозможным производство конечной продукции на территории нашей страны (т. е. фактически обесценит усилия по организации этого производства) [29]. Именно поэтому в рамках отбора перспективных направлений инвестиционной и инновационной деятельности в интересах организации продовольственного обеспечения ВС РФ необходимо уделять большое внимание развитию всех стадий производственной цепочки, а не только выпуску конечной продукции [13; 15; 21];

P_{ij} – прирост продовольственной независимости ВС РФ по j -й стадии производства i -го продукта питания;

p_{ij} – текущий уровень продовольственной независимости ВС РФ по j -й стадии производства i -го продукта питания (оцениваемая как доля отечественных ресурсов в общем объеме потребления на j -й стадии).

Управленческий смысл множителя $1 - p_{ij}$ (который может быть обозначен z_{ij} и описан как текущий уровень зависимости ВС РФ по j -й стадии производства i -го продукта питания) заключается в следующем: чем выше значение этого множителя, тем ниже уровень продовольственной независимости по соответствующей стадии производства, и, следовательно, тем важнее наращивать эту независимость. Таким образом, чем выше уровень продовольственной зависимости, тем к большему военному эффекту приведут усилия по устранению этой зависимости. Фактически речь идет о том, что инвестиционные проекты, направленные на устранение продовольственной зависимости в тех областях, в которых уровень этой зависимости высок, будут характеризоваться более высоким уровнем военного эффекта. Такой подход может рассматриваться в качестве дополнительного стимула к инвестированию в те направления, по которым РФ зависит от иностранных поставок.

Интегральный военно-экономический эффект MEI инвестиционного проекта мы предлагаем рассчитывать по следующей формуле:

$$MEI = MI \times ЧДД_{corr} \quad (5)$$

Проект может быть рекомендован к реализации, если $MEI > 0$. Предпочтительными являются проекты с более высоким значением MEI .

Для формирования портфеля направлений инвестиционной деятельности необходимо решить следующую оптимизационную задачу:

$$\begin{cases} \sum_{k=1}^p \delta_k MEI_k \rightarrow \max, \\ \sum_{k=1}^p \delta_k I_k \leq I_{\max}, \end{cases} \quad (6)$$

где p – число рассматриваемых инвестиционных проектов;

δ_k – управляемая булева переменная (равна 1, если проект будет принят к реализации, и 0, если от проекта откажутся);

MEI_k – военно-экономический эффект от реализации k -го проекта;

I_k – инвестиции, необходимые для k -го проекта (в соответствии с формулой (1));

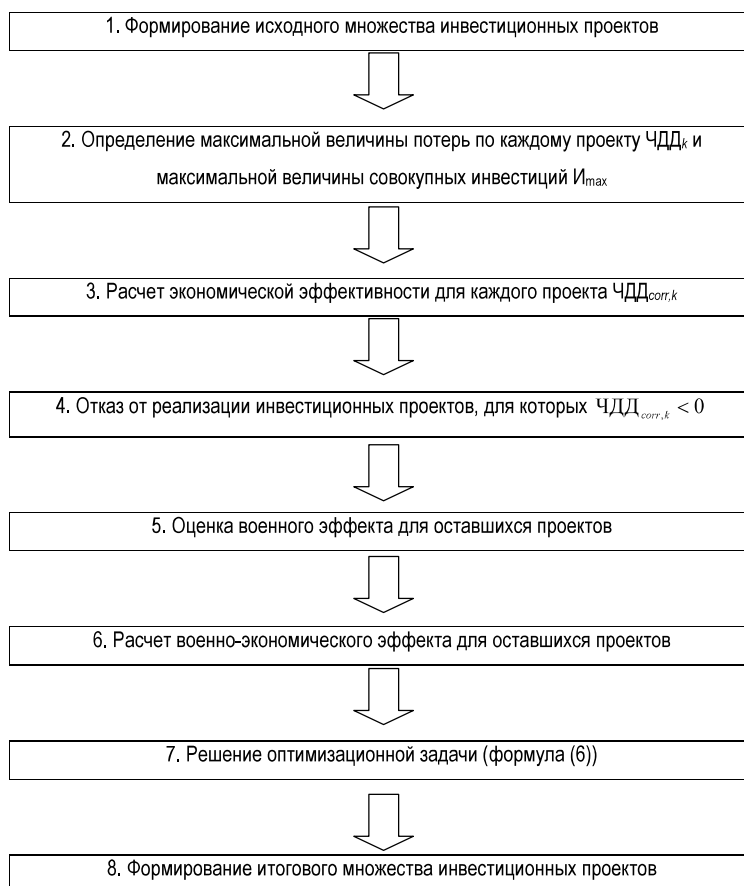
I_{\max} – максимальный допустимый суммарный объем инвестиций.

До решения оптимизационной задачи (6) следует исключить из рассмотрения те проекты, для которых $ЧДД_{corr} < 0$. Иначе говоря, отбор проектов для включения в портфель носит двухуровневый характер:

1) сначала отсекаются заведомо неприемлемые проекты (для которых $ЧДД_{corr} < 0$);

2) затем из числа оставшихся проектов формируется оптимальный портфель (критерием оптимальности является максимальное значение военно-экономической эффективности).

Алгоритм формирования портфеля инвестиционных проектов представлен на рисунке.

Алгоритм формирования инвестиционного портфеля в интересах организации продовольственного снабжения войск (сил) (составлено автором)

Algorithm of an investment portfolio formation in the interests of organizing food supply of troops (forces) (compiled by the author)

Модель (6) построена в предположении, что военно-экономический эффект MEI обладает свойством аддитивности (что справедливо с учетом формул (3...5)). Кроме того, она предназначена для оценки тех проектов, которые реализуются за счет средств государственного бюджета (именно поэтому необходимо ограничивать суммарную допустимую величину инвестиций).

В том случае, если проекты осуществляются за счет частного капитала или по модели государственно-частного партнерства (что соответствует существующей тенденции привлечения частного капитала для реализации и финансирования проектов оборонного значения [3; 16; 18; 20; 22; 25; 28; 30]), то необходимо использовать альтернативную модель

$$\begin{cases} \sum_{k=1}^n \delta_k MEI_k \rightarrow \max, \\ \sum_{k=1}^p \delta_k L_k \leq L_{\max}, \end{cases} \quad (7)$$

где L_k — величина убытков военного заказчика по k -му инвестиционному проекту (т. е. отрицательное значение ЧДД, формула (1));

L_{\max} — максимальная допустимая величина совокупных убытков военного заказчика.

Модель (7) ограничивает затраты государственного бюджета на возмещение инвестиций, осуществленных частным инвестором. При ее использовании алгоритм, представленный на рисунке, претерпевает незначительные трансформации (однако содержание этапов и их последовательность остаются неизменными):

1) на этапе 2 вместо суммарной величины инвестиций I_{\max} определяется максимальная величина допустимых совокупных потерь L_{\max} ;

2) на этапе 3 дополнительно определяется величина потерь по каждому проекту L_k ;

3) на этапе 7 решается оптимизационная задача, соответствующая формуле (7), а не формуле (6).

Обсуждение полученных результатов. Возможно, предлагаемая нами проце-

дура является избыточной — теоретически можно допустить ситуацию, при которой ВС РФ объявят, что в течение определенного переходного периода они постепенно откажутся от сотрудничества с теми поставщиками продовольствия, которые не соответствуют критериям продовольственной независимости (т.е. деятельность которых зависит от сотрудничества с иностранными контрагентами). В этом случае те поставщики продовольствия, которые заинтересованы в продолжении своих поставок ВС РФ, в течение этого периода обеспечат соответствие требованиям продовольственной независимости за свой собственный счет (в т.ч. и путем инвестиций в развитие соответствующих производств), а государство будет избавлено от необходимости планировать инвестиционно-инновационную деятельность в интересах продовольственного обеспечения ВС РФ.

Однако на самом деле ситуация носит более сложный характер. Осуществляя инвестиции без их предварительного одобрения государством, частные предприятия несут риск того, что ВС РФ в будущем откажутся закупать продукцию, на выпуск которой направлены эти инвестиции, в силу ее избыточного удорожания. Это снижает стимулы к инвестированию и заставляет искать иные, обходные пути выполнения требований продовольственной независимости.

Наш же подход является принципиально иным. Фактически государство, одобряя реализацию тех или иных инвестиционных проектов (т.е. соглашаясь с ценовыми условиями поставок конечной продукции и оценивая прирост продовольственной безопасности как достаточный), дает гарантии будущих закупок, чем снижает риски инвестиционной деятельности для инвесторов.

Разумеется, определение всех необходимых для применения данной методики параметров достаточно трудоемко. Однако на практике все же эта задача решается сравнительно просто. Как правило, отдельные инвестиционные проекты затрагивают ограниченное количество этапов производственного цикла, а прирост независимости

по каждому этапу производственного цикла представляет собой прирост доли продукции данного этапа, выпущенной в России, в общем объеме продукции данного этапа, закупаемой (или производимой) в интересах продовольственного снабжения ВС РФ. Это наглядно показывает, что основными перспективными субъектами инвестиционной деятельности будут крупные гражданские агрохолдинги, поскольку только они за счет масштаба реализуемых ими проектов способны обеспечить значимый прирост доли локализованной продукции.

Выводы. Подводя итог, можем сформулировать следующие выводы:

– специфика оценки инвестиционных проектов, осуществляемых в интересах организации продовольственного обеспечения ВС РФ, заключается в том, что при определении целесообразности их реализации необходимо принимать во внимание не только экономический, но и военный эффект;

– с учетом того, что в настоящий момент стоит задача обеспечения продовольственной независимости ВС РФ, к реализации могут быть допущены проекты с номинальным отрицательным экономическим эффектом для военного заказчи-

ка (при условии, что размер убытков не будет превышать некоторой заранее установленной предельной величины), если в результате осуществления этих проектов зависимость ВС РФ от внешних источников ресурсов снизится. В настоящее время ВС РФ не могут закупать продовольствие у иностранных поставщиков, однако, как было показано ранее, производство продуктов питания в России предполагает активное использование иностранных ресурсов (вакцин, кормов, семян, удобрений, технологий, сельскохозяйственной техники и т.д.), и необходимо устранять зависимость от этих поставок [28];

– для оценки военного эффекта инвестиционных проектов целесообразно использовать прирост продовольственной безопасности ВС РФ. При этом продовольственная безопасность оценивается по всем стадиям цепочки производства соответствующего вида продовольствия (или, по крайней мере, по ключевым стадиям), а не только по конечной стадии. Кроме того, большей приоритетностью будут обладать проекты, направленные на устранение высокого уровня продовольственной зависимости.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 142–145.
2. Богатырева С. В., Титов А. Б., Куприянова М. Ю. Экономическая эффективность как основа формирования управленческих решений // Экономика и менеджмент систем управления. 2016. Т. 20. № 2.1. С. 116–122.
3. Боев С. Ф. Использование принципов и механизмов государственно-частного партнерства при реализации масштабных проектов оборонного значения // Вооружение и экономика. 2013. № 4. С. 59–66.
4. Булатова А. А. Эволюция методик замещения ассортимента торговыми сетями в условиях продовольственного эмбарго // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 2.
5. Буньковский Д. В. Импортзамещение в российской экономике: перспективы развития отечественных производств продовольствия // Вопросы управления. 2016. № 3. С. 53–60.
6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортзамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 38–47.
7. Виленский П. Л., Лившиц В. Н., Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. М.: АНХ, 2004. 888 с.
8. Голубев А. Импортзамещение на продовольственном рынке России: намерения и возможности // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 46–62.
9. Голубятникова М. В. Подходы к определению пределов продовольственной безопасности // Вестник АПК Ставрополя. 2015. № 5. С. 239–246.
10. Дибиров А. А., Дибирова Х. А., Эшштейн Д. Б., Морева А. В. Концептуальные основы развития интеграционных и кооперационных процессов в агропромышленном комплексе СЗФО РФ. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2016. 96 с.

11. Капустина И. В. Организация мониторинга в сфере продовольственной безопасности // Символ науки. 2016. № 8–1. С. 107–111.
12. Котляров И. Д. Риски международного аутсорсинга в области нефтесервиса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2015. № 12. С. 43–48.
13. Котляров И. Д. Сетевое сотрудничество в агропроме как инструмент развития сельского хозяйства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 2. С. 13.
14. Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. 2016. № 8. С. 128–140.
15. Котляров И. Д. Формирование вертикально кооперированных агропромышленных объединений в сельском хозяйстве стран СНГ // Островские чтения. 2016. № 1. С. 128–132.
16. Котляров И. Д. Организация эффективного военно-гражданского сотрудничества // Ресурсное обеспечение силовых министерств и ведомств: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Пермский военный институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2016. С. 177–181.
17. Красюк И. А. Продовольственная безопасность России в современных экономических условиях // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 68–75.
18. Крекотнев Р. Н., Курбанов А. Х., Пахомов В. И. Риски государственно-частного партнерства при реализации проектов строительства объектов военно-складской инфраструктуры // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 2. С. 256–266.
19. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 72–77.
20. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. 2013. № 4. С. 33–47.
21. Миндлин Ю. Б. Оптимальная модель функционирования отрасли овощеводства: вертикальная интеграция, аграрные фильтры, кластеры // Овощи России. 2016. № 3. С. 92–97.
22. Плотников В. А. Интеграция военного и гражданского секторов экономики как тенденции строительства военной организации страны (по материалам Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации) // Вооружение и экономика. 2010. № 2. С. 85–88.
23. Поваляев А. А. Организация воинских перевозок на основе государственно-частного партнерства // Национальные приоритеты России. Сер. 1: Наука и военная безопасность. 2015. № 3. С. 81–87.
24. Рогова Е. М., Ткаченко Е. А. Финансовый менеджмент. М.: Юрайт, 2011. 540 с.
25. Соловьева Т. Н., Жилияков Д. И. Современные тенденции продовольственной безопасности Российской Федерации // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 9. С. 5–7.
26. Фальцман В. К. Продовольственная импортнезависимость России // ЭКО. 2015. № 2. С. 127–139.
27. Федорович В. А., Муравник В. Б., Бочкарев О. И. США: военная экономика (организация и управление). М.: Международные отношения, 2013. 616 с.
28. Федосеев С. В. Государственное и частное партнерство в системе экономического обеспечения силовых министерств (служб) // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 3. С. 160–166.
29. Фрумкин Б. Е. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 147–153.
30. Шолохов А. В. Военно-гражданское сотрудничество в области продовольственного снабжения Вооруженных Сил Российской Федерации как инструмент обеспечения устойчивого развития отечественного агропрома // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2015. № 37–2. С. 154–159.
31. Эпштейн Д. Б. Условия импортозамещения в инновационной сфере АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 4. С. 49–53.

References

1. Aganbegyan A. G. *Voprosy ekonomiki* (Questions of Economics), 2015, no. 7, pp. 142–145.
2. Bogatyreva S. V., Titov A. B., Kupriyanova M. Yu. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya* (Economics and management of management systems), 2016, vol. 20, no. 2.1, pp. 116–122.
3. Boev S. F. *Vooruzhenie i ekonomika* (Armament and Economics), 2013, no. 4, pp. 59–66.
4. Bulatova A. A. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* (Regional agrosystems: economics and sociology), 2015, no. 2.

5. Bunkovsky D. V. *Voprosy upravleniya* (Management issues), 2016, no. 3, pp. 53–60.
6. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. *Ekonomika i upravlenie* (Economics and management), 2014, no. 11, pp. 38–47.
7. Vilensky P. L., Livshits V. N., Smolyak S. A. *Otsenka effektivnosti investitsionnykh projektov* [Evaluation of the effectiveness of investment projects]. Moscow: ANH, 2004. 888 p.
8. Golubev A. *Voprosy ekonomiki* (Issues of economics), 2016, no. 3, pp. 46–62.
9. Golubyatnikova M. V. *Vestnik APK Stavropoliya* (Bulletin of the Agroindustrial Complex of Stavropol), 2015, no. 5, pp. 239–246.
10. Dibirov A. A., Dibirova Kh. A., Epstein D. B., Moreva A. V. *Kontseptualnye osnovy razvitiya integratsionnykh i kooperatsionnykh protsessov v agropromyshlennom komplekse SZFO RF* [Conceptual bases of integration and cooperation processes development in the agro-industrial complex of the North-West Federal District]. St. Petersburg: ООО «R-KOPI», 2016. 96 p.
11. Kapustina I. V. *Simvol nauki* (Symbol of science), 2016, no. 8–1, pp. 107–111.
12. Kotlyarov I. D. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom* (Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex), 2015, no. 12, pp. 43–48.
13. Kotlyarov I. D. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* (Regional agrosystems: economics and sociology), 2015, no. 2, p. 13.
14. Kotlyarov I. D. *EKO* (ECO), 2016, no. 8, pp. 128–140.
15. Kotlyarov I. D. *Ostrovskie chteniya* (Ostrovsky readings), 2016, no. 1, pp. 128–132.
16. Kotlyarov I. D. *Resursnoe obespechenie silovykh ministerstv i vedomstv: vchera, segodnya, zavtra* (Resource support of the military ministries and departments: yesterday, today, tomorrow): Coll. Art. II Intern. scientific-practical. conf. Perm: Perm military institute of troops of the National Guard of the Russian Federation, 2016, pp. 177–181.
17. Krasnyuk I. A. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* (Russian foreign economic bulletin), 2015, no. 5, pp. 68–75.
18. Krekotnev R. N., Kurbanov A. Kh., Pakhomov V. I. *Nauchny zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* (Scientific journal of NIU ITMO. Ser. Economics and environmental management), 2014, no. 2, pp. 256–266.
19. Kurbanov A. Kh., Naruzhny V. E. *Problemy sovremennoy ekonomiki* (Problems of the modern economy), 2015, no. 3, pp. 72–77.
20. Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. *V mire nauchnykh otkrytiy* (In the world of scientific discoveries), 2013, no. 4, pp. 33–47.
21. Mindlin Yu. B. *Ovoschi Rossii* (Vegetables of Russia), 2016, no. 3, pp. 92–97.
22. Plotnikov V. A. *Vooruzhenie i ekonomika* (Armament and Economics), 2010, no. 2, pp. 85–88.
23. Povalyaev A. A. *Natsionalnye priority Rossii. Ser. 1: Nauka i voennaya bezopasnost* (National priorities of Russia. Ser. 1: Science and Military Security), 2015, no. 3, pp. 81–87.
24. Rogova E. M., Tkachenko E. A. *Finansovy menedzhment* [Financial management]. Moscow: Yurayt, 2011. 540 p.
25. Solovyeva T. N., Zhilyakov D. I. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy selskohozyaystvennoy akademii* (Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy), 2012, no. 9, pp. 5–7.
26. Faltzman V. K. *EKO* (ECO), 2015, no. 2, pp. 127–139.
27. Fedorovich V. A., Muravnik V. B., Bochkarev O. I. *SShA: voennaya ekonomika (organizatsiya i upravlenie)* [USA: military economy (organization and management)]. Moscow: International Relations, 2013. 616 p.
28. Fedoseev S. V. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* (Bulletin of the Moscow University of Finance and Law), 2012, no. 3, pp. 160–166.
29. Frumkin B. E. *Voprosy ekonomiki* (Issues of economics), 2015, no. 12, pp. 147–153.
30. Sholokhov A. V. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad* (Modern trends in economics and management: a new view), 2015, no. 37–2, pp. 154–159.
31. Epshtein D. B. *Ekonomika selskohozyaystvennykh i pererabatyvayushchih predpriyatiy* (Economics of agricultural and processing enterprises), 2016, no. 4, pp. 49–53.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Чукавов Дмитрий Васильевич, адъюнкт, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: Вооруженные Силы РФ, продовольственное обеспечение войск
chukavov_dima@mail.ru

Dmitry Chukavov, postgraduate, Military Academy of Procurement and Logistics named after the General of the Army A. V. Khrulev, Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia. Sphere of scientific interests: Armed Forces of the Russian Federation, food support for troops

Образец цитирования

Чукавов Д. В. Методика обоснования направлений инвестиционно-инновационной деятельности в системе продовольственного обеспечения войск (сил) в условиях импортозамещения // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 119–129. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-119-129.

Chukavov D. Method of substantiation of directions of investment-innovative activity in the system of food supply for troops (forces) under conditions of import substitution // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 119–129. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-119-129.

Дата поступления статьи: 27.02.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

1. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Рекомендованный объем статьи – 0,5...1 печ. л. (8...16 с.). Публикация статьи платная – 335 р. за одну страницу машинописного текста (интервал 1,5; размер шрифта – 14). Оплата производится после утверждения текста статьи редакционным советом. Для сотрудников ЗабГУ, аспирантов и докторов всех вузов публикация статей – за счет средств университета. Почтовые услуги за пересылку авторского экземпляра составляют 200 р. (реквизиты для оплаты можно найти по ссылке http://zabgu.ru/php/page.php?query=rekvizity%27_zabgu в платеже необходимо отметить «за услуги РИК»). Копию квитанции об оплате высылать на электронный адрес rik-romanova-chita@mail.ru.

1.2. Редакционная коллегия оставляет за собой право на научное и литературное редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Присланные рукописи авторам не возвращаются.

1.3. Редакция научного журнала «Вестник Забайкальского государственного университета» осуществляет независимое рецензирование статей. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в редакцию (с пометкой «исправленная») в течение 10 дней, в противном случае она будет отклонена. Доработанный вариант статьи рецензируется и рассматривается заново.

1.4. Материалы статьи предоставляются:

- а) по электронной почте: rik-romanova-chita@mail.ru;
- б) на почтовый адрес: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Забайкальский государственный университет, редакция журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»;
- в) непосредственно в редакцию (корпус 01, каб. 320).

По вопросам публикации статей обращаться к главному редактору журнала – Романовой Нелли Петровне – по тел.: (3022) 21-88-73; факс (3022) 41-64-44; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

2. Комплектность и форма предоставления авторских экземпляров

2.1. Предоставляемые материалы должны содержать:

- научное направление;
- шифр УДК;
- фамилию, имя, отчество автора (соавторов) (полностью) (на русском и английском языках);
- название статьи (на русском и английском языках);
- аннотацию – 200–250 слов (на русском и английском языках). В аннотации должны быть отражены: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; результаты работы и область их применения; выводы. По аннотации читатель должен определить, стоит ли обращаться к полному тексту статьи для получения более подробной, интересующей его информации;
- ключевые слова – не менее 10 (на русском и английском языках);
- основную часть. Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение; методология и методика исследования; результаты исследования и область их применения; выводы.
- список литературы (не более чем 5-летней давности) 15 источников (правила оформления см. в п. 2.4);
- сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы, город, страна, контактный телефон и e-mail, почтовый адрес с индексом (для отправления журнала) (на русском и английском языках);
- научные интересы автора (авторов) (на русском и английском языках);
- цветную фотографию автора (авторов) на белом фоне (деловой стиль) в электронной версии в формате *.JPG, *.BMP или *.TIFF, размер файла до 1 МВ;
- рецензию научного руководителя, консультанта или специалиста, занимающегося темой заявленного исследования (оригинальная или электронная версия);
- экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия) (образец – на сайте www.zabgu.ru);
- результат оригинальности текста, проверенного на плагиат желательно в системе «Антиплагиат» (info@antiplagiat.ru) (необходимо предоставить сведения об оригинальности текста).

2.2. Общие правила оформления текста

Статья на электронном носителе следует сохранять под именем, соответствующим фамилии первого автора, набирается в программе Microsoft Office Word.

Рекомендуется соблюдать следующие установки:

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см; ориентация – книжная; перенос – автоматический. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – на нижнем поле. Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Формат бумаги – А4.

Для акцентирования элементов текста рекомендуется использовать курсив. Выделение текста жирным шрифтом и подчеркивание не допускается.

2.3. Формулы, рисунки, таблицы

При использовании формул (кроме заголовка статьи и аннотации) рекомендуется применять Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы — курсивом; для греческих букв и символов — шрифт Symbol, для остальных элементов — Times New Roman (использование букв русского алфавита в формуле нежелательно). Размер символов: обычный — 14 пт, крупный индекс — 10 пт, мелкий индекс — 7 пт, крупный символ — 18 пт, мелкий символ — 14 пт. Экспозиции элементов формул в тексте следует оформлять в виде формул. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, $A = a:v$, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки необходимо выполнять с разрешением 300 dpi; предоставлять в виде отдельных файлов с расширением *.JPG, *.BMP, *.TIFF и распечаткой на бумаге формата А4 с указанием имени файла. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Схемы и графики выполнять во встроенной программе MS Word или в MS Excel с предоставлением исходного файла. Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Рисунки необходимо предоставлять в цветном виде. Название рисунков должно быть на русском и английском языках.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте. Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещены над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 12 кегль. Таблицы не нужно прикреплять в отдельных документах. Заголовки и содержание таблиц предоставлять на русском и английском языках. Английская версия содержания таблиц оформляется через слэш (/).

2.4. Список литературы

Ссылки на источники в тексте статьи следует оформлять в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы, который для оригинальной статьи — не менее 10 источников.

Список литературы необходимо составлять в алфавитном порядке. Алфавитный порядок ссылок нумеруется. Не допускается выносить ссылки из текста вниз полосы. В списке литературы не должно быть наименований учебной литературы, диссертаций и литературы без авторства (конституция, законы, о них только говорится в тексте). Самоцитирование не допускается. В списке должно быть не менее двух источников на иностранном языке.

Список литературы предоставлять в двух вариантах: на русском языке (ГОСТ 7.0.5. – 2008. Библиографическая ссылка), а также НЕОБХОДИМО повторять русскоязычный список литературы полностью в романском алфавите (для зарубежных баз данных), согласно следующим требованиям:

– авторы (транслитерация), название источника (транслитерация, курсивом; в круглых скобках перевод на английский язык), выходные данные с обозначениями на английском языке либо только цифровые. Заглавия статей опускаются, т.к. в аналитической системе они не используются (достаточно указать название журнала) (подробная информация оформления библиографического списка см. на сайте www.zabgu.ru).

Пример описания статьи из журналов:

Polyanchikov Yu.N., Bannikov A.I., Kurchenko A.I. Vestn. Saratovsk. Gos. Tekhn. Univ. (Saratovsk State Technical University), 2007, no. 1 (23), P. 21-24.

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi» (Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, P. 267-272.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ссылка на Интернет-ресурс:

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011)

2.5. Правила транслитерации

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

Наши награды

ВЕСТНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ISSN 2227-9245

ДИПЛОМ ДИПЛОМАНТА
Первого краевого фестиваля «Забайкальская книга – 2009/2010»
В НОМИНАЦИИ «Журнал года»
НАГРАЖДАЕТСЯ

ДИПЛОМ
Второй краевой фестиваль «Забайкальская книга 2011-2012»
НАГРАЖДАЕТСЯ
Забайкальский государственный университет за журнал «Вестник Забайкальского государственного университета»

ДИПЛОМ
V Международный конкурс «Университетская книга – 2010»
В номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»
НАГРАЖДАЕТСЯ
Редакционно-издательский комплекс Читинского государственного университета за журнал «Вестник Читинского государственного университета»
1 сентября 2010 г. Москва

ДИПЛОМ
13-я Дальневосточная выставка – ярмарка «Печатный двор 2009»
Конкурс «Лучшая вузовская периодическая печать»
НАГРАЖДАЕТСЯ

ДИПЛОМ
VII Общероссийский конкурс изданий для вузов «Университетская книга – 2015»
В номинации «Лучшее периодическое издание»
НАГРАЖДАЕТСЯ
ФГБОУ ВПО «ЗабГУ» (г. Чита)
за подготовку и выпуск периодического издания:
Аспирант: Труды молодых ученых, аспирантов и студентов.
Приложение к журналу «Вестник Забайкальского университета»
3 сентября 2015 г. Москва

ГРАМОТА
Приложение к журналу «Вестник Забайкальского государственного университета»

АСПИРАНТ
Труды молодых ученых, аспирантов и студентов

Содержание

Науки о Земле

Костромин М. В., Панина Т. Ю. Комплексная технолого-экономическая оценка при разработке и проектировании россыпных месторождений золота..	4
Куклина М. В., Рупосов В. Л. Разработка информационной системы лечебно-оздоровительного туризма в Байкальском регионе на основе акторно-сетевого подхода	13
Романов В. Г. Статистическое обоснование зависимости «условия образования – состав – электрофизические свойства» сульфидных минералов	23
Фатьянов А. В., Никитина Л. Г., Щеглова С. А. Переработка карбонатно-флюоритовых руд месторождений Монголии и Забайкалья	33

Политология

Колпаков В. В. Подходы к определению термина «политическая культура»	38
Колядин А. М. Государственность и классовая структура современного общества	45
Крахмалов А. Н. Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области правового регулирования местного самоуправления: опыт Саратовской области	53
Матвиенко В. А. Политические партии и религии в современном мире: институциональные аспекты взаимодействия	62
Самохвалов Н. А. Цели, задачи и приоритеты государственной молодежной политики Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективы	68
Шарапов А. В. Выборы в Республике Алтай (14 сентября 2014 г.)	76

Экономические науки

Гражданкина О. А., Шапошникова С. В. Выбор инвестиционных налоговых вычетов при работе с индивидуальным инвестиционным счетом	84
Е. А. Кибирева Рынок услуг водоснабжения и водоотведения в Забайкальском крае	91
Кох Л. В., Просалова В. С. Инновационная деятельность кластеров в России и принципы ее осуществления	102
Халимбеков Х. З., Ширинов Н. С. Роль информационно-аналитических моделей в повышении качества медицинского обслуживания	110
Чукавов Д. В. Методика обоснования направлений инвестиционно-инновационной деятельности в системе продовольственного обеспечения войск (сил) в условиях импортозамещения	119

Contents

Earth sciences

M. Kostromin, T. Panina Complex Technological and Economic Assessment in the Development and Design of Alluvial Gold Deposits.....	4
Kuklina M., Ruposov V. Development of Information System of Medical and Health Tourism in the Baikal Region on the Basis of Actor-Network Approach.....	13
Romanov V. Statistical Substantiation of the Dependence «Formation Conditions – Composition – Electrophysical Properties» of Sulphide Minerals	23
Fatyanov A., Nikitina L., Scheglova S. Processing of Carbonate-Fluorite Ore Deposits of Mongolia and Transbaikal Region.....	33

Politology

Kolpakov V. Approaches to the Definition of the Term «Political Culture»	38
Kolyadin A. Statehood and Class Structure of a Modern Society	45
Krahmalov A. Proxies of the Regional Public Authorities of the Russian Federation in the Field of Legal Regulation of Municipal Management: Experience of Saratov Region.....	53
Matvienko V. Political Parties and Religions in the Modern World: Institutional Aspects of Interaction	62
Samokhvalov N. Goals, Objectives and Priorities of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Medium and Long-Term Prospects.....	68
Sharapov A. Elections in the Altai Republic (14 September 2014).....	76

Economics

Grazhdankina O., Shaposhnikova S. Choice of Investment Tax Deductions at Work with Individual Investment Account	84
Kibireva E. Market of Water Supply and Sanitation Services in the Transbaikal Region	91
Kokh L., Prosalova V. Innovative Activity of Clusters in Russia and the Principles of Its Implementation	102
Khalimbekov Kh., Shirinov N. The Role of Information and Analytical Models in Increasing the Quality of Medical Care	110
Chukavov D. Method of Substantiation of Directions of Investment-Innovative Activity in the System of Food Supply for Troops (Forces) under Conditions of Import Substitution	119

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2017

Том 23. № 4

Главный редактор Н.П. Романова
Литературный редактор А.И. Михайлова
Технический редактор И.В. Петрова
Подписано в печать 26.04.2017
Дата выхода в свет 28.04.2017
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Бум. тип. № 2
Гарнитура основного
текста «Bodoni»
Усл. печ. л. 15,7
Заказ № 17090

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30